Революция и война

Сб. 11/12

1921

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и Война

Военно-научный журнал.

Сборник одиннадцатый-двенадцатый.

Отдел военной литературы при Р. В. С. Р.

...очно-Издательский отдел при Р. В. С

1921.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и Война

Военно-научный журнал.

Сборник одиннадцатый-двенадцатый.

Отдел военной литературы при Р. В. С. Р.

Редакционно-издательский отдел при Р. В. С. западного фронта.

1921.

Содержание:

Стр.

1. Стратегия пролетарского государства *Н. Какурин* 5

2. Бой в условиях гражданской войны *Ф. Огородников* 34

3. Тактика или стратегия *М. Баторский* 59

4. К вопросу об армейских оперпунктах *Н. Варфоломеев* . . 73

5. Враги о красной коннице *Б. Леонидов* 89

6. Будущее конницы *Брекар* 108

7. О слиянии арт. снабжения с управлением начальника артиллерии *А. Дьяконов* 119

8. Снабжение красной армии на запфронте *Фролов* 124

9. Величие и падение германской армии *Бюа* 146

Библиография.

10. „Военная Мысль“ *Читатель* 177

11. „Полевое военно-инженерное дело“ *Н. Шелавин* 181

Н. Какурин.

Стратегия пролетарского государства;

ее задачи и методы подхода к ним.

(Стратегический этюд).

I.

Война всегда являлась последним решительным средством в руках государства в достижении им своих целей.

В зависимости от целей, которые в данную эпоху преследовал класс, стоящий во главе государства, войны, возникавшие, в сущности, в силу причин экономических, в терминологии буржуазных историков получили название войн религиозных, династических, национальных и проч.

Это деление совершалось лишь по внешним признакам, соответственно духу времени и эпохи, прикрывало от народа истинные причины войны и иногда красивыми лозунгами увлекало за собою массы.

Стратегия, с момента своего возникновения, как наука, в руках государства, т. е. господствующего класса, являлась орудием подготавливавшим наиболее успешные и лучшие результаты для всей политики данного господствующего класса на полях сражений; короче, она была продолжением политики государства, но лишь на поле сражения. Во всех вышеуказанных войнах данные, с которыми приходилось оперировать стратегии, не подвергались резким изменениям и мало обогащались новыми привходящими, которые бы резко могли изменить обстановку, за исключением лишь разве стороны технической.

Даже наступление эпохи и периода империалистических войн, характерных для только что пережитого нами времени, в сущности, внесло мало нового в обстановку, несколько лишь усложнив ее.

Аннибал, Юлий Цезарь, Фридрих Великий, наконец, Мольтке и Гинденбург, при составлении и разработке своих планов войн и операций, имели дело, в сущности, с одними и теми-же определенными, прочно сложившимися данными.

С одной стороны свое государство, полностью определяемое тем классом, который в данное время стоит во главе его, затем своя территория, свои вполне определенные границы; то же и в отношении противника.

Задача упрощалась, так сказать, одноликостью государства: зная, что господствующий класс стоит за войну, полководец, при отсутствии резких классовых противоречий, как внутри своего, так и внутри враждебного ему государства, просто мог приступить к подсчету сил и средств обоих сторон и, получив задачу от политики, выработать план войны, наиболее отвечающий обстановке.

В дальнейшем, по мере развития военных действий ему приходилось лишь держать свое правительство в курсе своих операций и своевременно предупредить политику о том моменте, когда, по его мнению, оружие достигло уже наивысших успехов, дабы она не преминула использовать этот момент в своих целях.

Этим, в главном, и ограничивалась связь политики и стратегии во время войны.

Политика ставила свои задачи стратегии, не вмешиваясь в способы их выполнения.

Сама война, при условии удачного ее ведения, являлась всегда выгодным коммерческим предприятием для государства, которое ее предпринимало.

При младенческом состоянии техники и натуральном хозяйстве дополнительные расходы, вызываемые войной, кроме расхода живой силы, были ничтожны и всегда с лихвой пополнялись за счет побежденного или завоеванного государства. Последнее, не будучи поражено в своих жизненных центрах, обыкновенно быстро оправлялось и являлось исправным плательщиком или данником.

По мере развития жизни человеческих обществ и ее усложнения и чудовищного, наконец, роста техники, накладные расходы, вызываемые войной, все увеличивались и увеличивались. Война, как сложное социальное явление, в равной мере начала затрагивать все группы населения, потребовала сосредоточения на себе одной всех сил и средств государства; являлась для государственных организмов, борющихся между собою, длительным и изнурительным процессом, вытягивавшим все их жизненные и материальные соки.

Сложная, искусственная и сильная технически современная культура оказалась сильно чувствительной и восприимчивой к тем ударам и испытаниям, которые несла для нее с собою война; она равно подвергалась разрушению как у побеждающего, так и у побеждаемого. Короче, на опыте минувшей империалистической войны подтвердилось старое правило, что всякий принцип, доведенный до крайности, обращается сам против себя, и принцип техники, примененный до крайности в области войны, лучше всяких доказательств пасифистов убил сознание необходимости и полезности войны для государства при решении им тех или иных экономических задач.

Когда окончилась четырехлетняя мировая бойня, буржуазные политики и экономисты при еще нерассеявшихся шовинистических восторгах и победоносном бряцании оружия, увидели себя в положении людей, сидящих у разбитого корыта.

В сущности, не было победителей и побежденных. Победители были разорены и обескровлены, а побежденные не были в состоянии удовлетворить все вожделения победителей по фактической к этому невозможности.

И вот теперь мы являемся зрителями картины, как победитель в лице Англии стремится поставить в экономическом отношении на ноги побежденного—Германию—чтобы самому себе помочь хоть несколько выйти из того экономического тупика, куда загнала его мировая война.

Другой пример еще более разителен.

Возникшая на пепелище мировой войны, Польша, молодое государство, начавшее свое государственное бытие без копейки государственного долга, не учло, очевидно, в полной мере опыта своих творцов, вынесенного ими из опыта мировой войны.

Вместо политики экономического возрождения своей молодой страны, польское правительство решило стать на путь политики захватов и военных авантюр.

Экспансивная политика, проведенная к тому же крайне неумело, без надлежащей концентрации поссорила поляков с чехами, русскими, немцами, украинцами и литовцами и вовлекла Польшу в неоплатные военные долги.

Результаты этой политики уже сказались: территориальные приобретения, которых так добивалась Польша, не могут избавить ее от банкротства, от бешеной дороговизны, от той волны забастовок, которая из края в край перекатывается по Польше.

Таким образом, следует признать, что эпоха империалистических войн уже изживает себя.

Мировые хищники на основании ощутительных и наглядных примеров должны притти к заключению, что афоризм „война кормит войну“ отжил уже свой век и, как бы война ни была удачна, результаты ее не могут окупить того огромного расхода всех сил и средств, который она влечет за собою при современных условиях.

Конечно, всегда возможен тот факт, что в силу внутренних противоречий, столь свойственных капиталистическому строю, мировые хищники, рассудку вопреки, и еще раз где нибудь передерутся между собою, но побудительными мотивами этой драки явятся уже не мотивы выгоды, а, именно, эти самые внутренние противоречия, которые лишь неизбежно ускорят гибель старого капиталистического мира.

Казалось бы, что при таких ближайших исторических переспективах роль и судьба стратегии предопределены уже заранее.

Казалось бы, что ей суждено в ближайшем будущем разделить участь тех наук, которые некогда занимали воображение и умы чело-

вечества, а с его развитием и ростом его интеллектуальных сил были сданы им в архив.

Казалось бы, что трактаты и сочинения по стратегии уже заранее должны подыскать себе место на книжных полках библиофила и антиквара, рядом с покрытыми пылью веков сочинениями по алхимии, астрологии и проч.

На самом деле это далеко не так. Если мы позволяем себе утверждать, что империалистические войны отжили и отживают свой век в силу той простой причины, что результаты, ими достигаемые, не окупают всех затрат и усилий, ради них понесенных, если мы утверждаем, что мировые хищники должны избрать какой нибудь иной способ для достижения своих корыстных целей, то это вовсе не значит, что человечество стоит уже в преддверии счастливой эпохи полного исчезновения всяких войн.

Мы переживаем эпоху ломки тысячелетиями сложившихся форм человеческого общежития: государство отмирает и его место должно заступить вольное и братское сожительство всех народов.

Диктатура пролетариата является промежуточной формой этого совершенного общественного строя. Диктатура пролетариата должна ускорить ход естественного исторического процесса, из эволюционного обратить его в революционный, и тем сделать его короче.

Что это действительно так и что наши предпосылки правильны, в этом убеждают нас результаты работ III Коминтерна и его статистический материал.

Но вместе с тем приходится отметить и значительную упругость и сопротивляемость среды, в силу тех или иных об'ективных и исторических условий, различную в разных государствах; эту сопротивляемость придется преодолеть мировому пролетариату, призванному разрешить свою великую историческую задачу в мировом масштабе.

Теперь не надо быть пророком, чтобы утверждать, что процесс отмирания государства, как привычной формы общежития людских масс, вызовет, вернее, сложится из целого ряда более элементарных и вспомогательных процессов. Часть из них пойдет путем эволюционным, часть путем революционным; некоторые умирающие формы и организации в цикле этих процессов проявят такое упорство и жизненную энергию, что пролетариату придется применить ряд комбинированных внутренних и внешних усилий для устранения препятствий на своем пути.

Выяснилось с очевидностью, что выход пролетариата на арену мировой работы не может осуществиться без напряженной и ожесточенной классовой борьбы.

В странах, где классы общества имеют за собой давнюю историческую традицию и в предвидении грядущей борьбы успели сорганизоваться и подсчитать свои силы, задача, подлежащая разрешению, будет сложнее и труднее, что мы и наблюдаем теперь на некотором

как бы замедлении общего процесса мировой революции, происходящего в силу, именно, только что вышеуказанных причин.

Само собой разумеется, что пролетариату, уже успешно разрешившему очередную задачу истории—захвата власти в собственной стране и укрепившему эту власть--рано или поздно придется притти на помощь тем странам, где процесс этот совершается слишком медленно или даже совсем приостановился в силу особо неблагоприятных условий.

Неумолимый ход истории неизбежно толкнет его на этот путь даже вопреки, может быть, его собственных воле и желанию.

Итак, ближайшие исторические перспективы по нашему крайнему разумению, должны быть отмечены эпохой *классовых войн*, долженствующей предшествовать окончательному отмиранию государства, как организованной формы человеческого общежития.

Эта эпоха характеризуется еще сохранением государственности, как промежуточной формы, при чем во главе этой государственности стоит пролетариат еще как класс, при помощи своей диктатуры заставляющий весь государственный аппарат служить своим целям.

Но, в отличие от целей правящего класса буржуазных и капиталистических государств, цели эти не являются самодовлеющими и преследующими интересы правящего класса лишь данного государства.

Они прямо противоположны по своим мотивам и идейной подкладке целям правящих классов империалистов, но в период промежуточного состояния общества, пока государственные формы еще окончательно не изжиты, для своего осуществления нуждаются иногда в использовании тех средств, которые применяют и буржуазные хищники для достижения своих корыстных целей.

Одним из этих средств в руках пролетарского государства, как в руках империалистического, и будет стратегия.

Однако, обстановка для ее применения, окончательные цели, ею преследуемые, и взаимоотношения ее с политикой, представляют столько нового, своеобразного и отличительного по сравнению с таковыми же в области капиталистического и буржуазного мира, что необходимо задать себе вопрос, не нуждается ли стратегия, как наука, на службе новой пролетарской власти, в пересмотре и дополнении некоторых своих тезисов и положений, в поверке некоторых, казалось бы, незыблемо установленных своих положений в обстановке современной действительности, наконец, в дополнении своих теоретических положений новыми, вытекающими от усложнения и своеобразия обстановки.

Короче говоря, может-ли пролетарское государство безоговорочно принять в свой арсенал такое орудие, как стратегия, доставшееся ему в наследство от старой власти, или-же оно потребует создания новой пролетарской классовой стратегии?

Вопрос этот не нов и на страницах печати впервые затрагивается не нами.

Еще в конце 1919 года один из наших военных авторитетов, чутко откликающийся на все новые явления в области военной жизни, уже обратил на это внимание.

Мы разумеем чрезвычайно интересную и открывающую обширные горизонты брошюру М. Тухачевского: „Стратегия национальная и классовая". Брошюра эта явилась единственной в своем роде первой попыткой установить и ввести ряд новых понятий в такую живую и прикладную по существу науку, каковою должна быть стратегия.

Дальнейшие труды и обязанности помешали автору полностью развить свои оригинальные и живые мысли и положения, а пример его не нашел подражания среди тех, кто в свое время мог бы этим заняться.

Мы вполне соглашаемся с уважаемым и талантливым автором, „что старая стратегия не отмерла, не является для нас чем то ненужным, а просто не имеет еще нескольких необходимых глав о гражданской войне. Написать эти главы и является задачей момента".

Мы еще дальше развиваем положение М. Н. Тухачевского и берем на себя смелость утверждать надобность не только в некоторых новых главах, вызываемых переживаемой нами эпохой, но и в пересмотре и переоценке некоторых старых положений, перенесения центра тяжести внимания на те отрасли, особенно в области военной подготовки, которых ранее она касалась лишь вскользь, либо совсем даже не затрагивала, наконец, в установлении совершенно, может быть, новых методов подхода к решению ее очередных и важнейших задач.

Само собою разумеется, что при этом тщательно и всесторонне должен быть разрешен вопрос о связи и взаимоотношениях между политикой и стратегией, имея ввиду коренное расхождение целей пролетарской и буржуазной политики.

Вполне естественно, что отцы современной стратегии, Клаузевиц, Жомини, Леер и даже Мольтке и Шлихтинг, основные положения которых легли целиком в современную науку стратегии, оперировали в довольно узких и ограниченных рамках. Вечно изменяющаяся, разнообразная и все усложняющаяся жизнь настойчиво требует введения коррективов в эти положения, расширяет круг понятий и представлений, с которыми стратегии приходится иметь дело.

Современная эпоха, открывая перед всеми отраслями человеческого знания обширные горизонты, не может обойти и стратегию.

Ясно, что того количества рецептов и правил, которого хватало стратегии каких нибудь сто-пятьдесят лет тому назад, теперь уже недостаточно; необходимо пробивать и намечать новые пути.

Необходимо заполнить новым содержимым те границы, которые история отводит стратегии в жизни и деятельности пролетарского государства.

Настоящая статья и имеет своей целью остановить внимание читателей на некоторых сторонах этого вопроса, очертить те особен-

ности обстановки и методов подхода к ней, которые теперь являются отличными в силу своеобразия социальных и политических условий от тех, с которыми приходилось иметь дело стратегии старой школы.

Попутно мы постараемся очертить хоть в грубом виде границы и те сферы, коих ныне придется касаться стратегии при обсуждении и решении тех или иных вопросов, выяснить взаимоотношение и связь современной политики и стратегии и причины, указывающие на необходимость если не слияния, то тесного взаимодействия этих двух важнейших отраслей государственной деятельности, а вместе с тем скажем и несколько слов о систематизации и классификации новых понятий и терминов, которыми безусловно должна будет обогатиться современная стратегия, если она пожелает итти наравне с жизнью, а не отставать от нее.

Из этого процесса сближения науки с жизнью мы усмотрим, насколько наука выигрывает в своем содержимом, приобретает новые значения и смысл и какие новые богатые и обширные возможности она открывает перед собою.

II.

Чтобы дальнейшее изложение не встречало недоразумений среди читателей, прежде всего постараемся установить нашу точку зрения на часто встречающуюся, особенно в современной военной литературе, терминологию в обозначении войн. Выше уже было указано, что прежние историки, вне зависимости от истинной сущности и причины, любили обозначать войны по внешним поводам, ради которых они предпринимались, наименованием по типовым признакам этих последних; так наука, как общая, так и военная, знает уже целый ряд таких типовых войн и даже установила их историческую преемственность.

Само собою разумеется, что тут нет никакого закона, ибо историкам и правителям, чтобы скрыть в глазах потомства и масс истинные, далеко не идеальные цели и причины всех этих войн, приходилось сообразно духу времени придавать им ту или иную внешнюю окраску, которая и запечатлевалась на них в качестве их исторической этикетки.

В сущности, все войны, и религиозные, и династические, и даже многие национальные были вызваны одними и теми же причинами, что и сменившие их затем войны империалистические, в истинном смысле и значении которых теперь никто кажется уже не сомневается.

В нашей военной литературе,—мы говорим, конечно, о современной,—встречаются сплошь да рядом термины и обозначения: гражданская война, классовая война.

Сам уважаемый, выше уже цитированный нами, автор, в своей брошюре „Стратегия национальная и классовая“, говоря о классовой стратегии, употребляет термин „гражданская война“.

От манеры одинаково называть явления происходит манера и одинаково понимать их.

Лично мы полагаем, что внести единство взглядов и понятий в определение различных терминов, прилагаемых к различного рода войнам, было бы теперь вполне уместно и своевременно, и, с своей стороны, предлагаем следующую классификацию этих терминов, которая, разумеется, не претендует на точность и непогрешимость.

Под войной *империалистической* мы разумеем войну, основными причинами и истинными целями которой являются захватнические тенденции и грабительские покушения правящих классов страны, предпринимающей такую войну, либо стремление, сорвав такие же тенденции и покушения правящего класса враждебной страны, тем самым избавить себя от опасного конкурента на мировом рынке. Внешние мотивы, лозунги и причины этого рода войны могут быть весьма разнообразны в каждом частном случае.

Некоторые из них будут весьма возвышены и благородны: это будет то борьба за самоопределение и независимое существование малых и угнетенных народностей, то за высшие интересы культуры и цивилизации и т. п.

Характерной, специфической особенностью этого рода войны будет всегда корыстная основная цель, преследующая при этом интересы и выгоды лишь одного господствующего и правящего класса. Таковы были все войны последней половины XIX и начала XX века и наиболее типичной из них является последняя великая мировая война.

Под *войной классовой* мы разумеем войну, не преследующую никаких своекорыстных целей, а служащую целям освобождения эксплоатируемых всего мира, целям всего человечества. Война эта по своему масштабу и размаху событий может не только сравняться, но и превзойти величайшие из империалистических войн, ибо, при достижении известных условий, театром ее может явиться весь мир, а участниками—все угнетенное человечество.

Таким образом, характерными признаками классовой войны, по нашему мнению, являются, с одной стороны, отсутствие каких либо корыстных и эгоистичных мотивов и побуждений в ее целях, общественность этих целей в мировом масштабе для всего угнетенного и эксплоатируемого человечества и неограниченность театра пределами какой либо определенной страны или территории.

По своему роду и характеру эта война должна быть чисто наступательной и явиться показателем готовности пролетариата приступить к решению возложенных на него историей задач, в общемировом масштабе.

Война *гражданская*, по нашему разумению, является в современном своем значении лишь разновидностью, частным случаем войны классовой. В ней пролетариат лишь пробует свои силы, захватывает с бою первые позиции.

Эта война, преследуя те же цели, что и классовая, ограничивает их пределами собственной страны и конечную задачу видит в низвержении собственных эксплоататоров.

Таким образом, от классовой она отличается лишь масштабом, более ограниченным и узким, и более скромными конечными целями.

Другой ее характерной особенностью является то обстоятельство, что подготовка к ней, в общепринятом значении этого слова, почти всегда отсутствует, да сплошь и рядом бывает и невозможна; подготовка к войне начинается с самой войной и впоследствии как бы вырастает из нее.

Наконец, при современном состоянии человеческих обществ еще не окончательно изжитыми являются национальные войны.

Под *национальной войной* ныне мы разумеем войну отсталой в промышленно-техническом и культурном отношении народности против эксплоатирующей и угнетающей ее культурно-национальное развитие более сильной технически и интеллектуально страны.

Не доросшие еще до сознания общечеловеческой солидарности интересов всего мирового пролетариата, но инстинктивно стремясь к ней, угнетенные и мало культурные массы выводятся из своего статического состояния лозунгами национального возрождения.

Эти лозунги до тех пор имеют над ней силу и влияние, пока она находится на ступени промежуточного развития.

Не будем забывать, как мы уже указывали выше, что в силу разнообразия условий обстановки, процесс мировой революции совершается далеко не равномерно и народам мало культурным предстоит еще совершить эволюцию от национализма к коммунизму.

В таком именно положении находятся ныне большинство народов Африки и Азии.

События, происходящие сейчас в Турции, Персии, Индии, Авганистане, Монголии и отчасти в Китае именно этим и об'ясняются.

Инстинктивное стремление всех этих отсталых в культурном и промышленном отношениях народов к обще пролетарской солидарности пока еще выражается внешними формами национализма, охватившего бурной волной широкие народные массы.

Однако, дух времени наложил свою печать на это явление. Нынешний азиатский и африканский национализм преследует цели избавления своих народностей от экономического гнета и порабощения чужеземных правящих классов; захватнические тенденции в нем пока отсутствуют и с этой точки зрения этого рода движения мы можем рассматривать, в сущности, как одну из разновидностей гражданской войны, принявшую своеобразные формы в силу особенностей местной обстановки, социальной структуры и культурного уровня масс.

Как бы там ни было, национальные войны вышеуказанного типа будут существовать еще некоторое время и нам пришлось упомянуть о них для полноты нашей классификации.

Мы их относим к промежуточной форме между войнами прошлых времен и войнами грядущей эпохи. Волею исторических судеб, Россия оказалась поставленной во главе международного движения пролетариата.

Это возлагает особые задачи и ответственность на красную армию и ее командование.

Пока наша красная армия является единственной вооруженной силой мирового пролетариата, могущей развиться в нормальных условиях, а ее генеральный штаб — единственной ячейкой, которая может в нужный момент развернуться в генеральный штаб мировой революции.

Естественно и понятно то значение, которое мы должны придавать изучению и усовершенствованию стратегии классовых войн и установлению новых отправных точек и положений для установления роли и задач стратегии пролетарского государства.

За короткий период своего существования наше пролетарское государство, пока единственное в мире, не считая дружественных и сопредельных с нами мелких республик, совершило не только величайшую революцию, но и пережило значительную эволюцию. Одновременно с ним эволюционировалось, ширилось и развивалось и его военное искусство.

Старые, отжившие, мертвые рамки и формы не могли удержать его и оказались для него тесными, оно частью вылилось из них, частью разнесло и уничтожило их.

История гражданской войны в России характеризуется исканием новых форм, применением новых методов и способов борьбы.

К этому именно периоду относится теория стратегии гражданской войны, попытка систематизировать, обосновать все эти искания и подвести под них научный базис, принадлежащая перу одного из видных участников этой войны*).

Жизнь, неудержимо стремящаяся вперед ко все новым и новым достиженням, непрестанно выдвигает перед русским пролетариатом все новые и новые, более сложные и обширные задачи.

Он благополучно и победоносно справился с своей очередной исторической задачей—укрепления своих завоеваний на собственной территории. Этим задачам вполне соответствовала стратегия гражданской войны, как разновидности классовой, столь искусно примененная его руководителями.

В этот же период времени строительство красной армии отлилось в организационные формы, наиболее отвечающие структуре пролетарского государства и тем задачам, которые оно может возложить на армию.

Одновременно с этим возникает вопрос о необходимости постановки вопроса об изучении и развитии науки классовой стратегии до-

---

*) М. Тухачевский (Стратегия национальная и классовая).

такой высоты, чтобы она оказалась в силах и в состоянии разрешить те задачи, которые перед ней поставит история.

Автор не сомневается, что для нас период гражданских войн уже миновал и нашей стратегии в скором, быть может, времени придется перейти к решению задач в более широком масштабе, где дело будет уже итти о реальной и организованной помощи всему мировому пролетариату в достижении им своих целей.

Посмотрим же, какова должна быть эта стратегия, какими ближайшими целями и задачами она должна задаться, какова должна быть область, подлежащая ее предварительному изучению и обследованию, какую связь надлежит установить ей с политикой, чтобы достигнуть полной гармонии и единства действий и, наконец, какие методы работы и пути она должна избрать для решения всех этих задач.

Рассмотрению всех этих вопросов мы и посвятим последующие главы.

III.

Цель всякой войны определяется политикой. Положение это остается неизменно верно и для классовой стратегии.

Но политика империалистического государства, дав цель своей стратегии, этим первоначально и могла ограничиться.

Стратегия, получив задание, могла уже приступить к самостоятельной работе. Эта работа, имеющая конечной своей целью, постановку ряда конкретных, подлежащих в первую очередь решению задач, иначе говоря, составление плана войны, происходила с рядом определенных, подлежащих сравнительно легкому учету и мало изменяющихся данных.

Это были границы, силы и средства сторон, театры вероятных столкновений, географические, статистические и проч. данные.

Краткая политическая ориентировка давала возможность полководцу, учтя все вышеуказанные данные, внешнюю политическую обстановку в отношении группировки и взаимоотношений дружественных и враждебных держав, избрать решение наиболее соответствующее обстановке.

Обыкновенно, правилами военного искусства рекомендовалось ближайшей конкретной задачей поставить себе разгром живой силы противника, ибо разгром этой живой силы тем самым давал прочное обладание неприятельской территорией или ее частью.

Для того, чтобы противник не мог уклониться от навязываемого ему решения, указывалось на необходимость избрать для себя столь важный для противника об'ект действий, который бы неминуемо притянул на свою защиту всю или большую часть вооруженной силы противника и тем самым она оказалась бы принужденной вступить в бой.

Это называлось выбором *операционной линии,* при чем реально она выражалась в путях.

Таким образом, территория, как таковая, сама по себе ничего не значила; она играла соподчиненную роль и становилась театром военных действий постольку, поскольку через нее проходили пути к выбранному об'екту действий, на которых можно было встретить вооруженную силу противника.

Посмотрим, с каким новыми данными и условиями предстоит иметь дело стратегии в условии классовых войн и какое влияние и значение имеют эти данные в творчестве полководца.

Если первоначально данная в отношении границ и будет сохранять свое значение в обстановке войны пролетарского государства с империалистическим, то все остальные (силы, средства, театры вероятных столкновений, статистические данные и проч.) либо увеличиваются массою новых привходящих данных, либо должны быть рассмотрены под совершенно новым углом зрения, либо, наконец, приобретают совершенно новое значение для первоначальных соображений полководца.

Для уяснения всего этого вернемся несколько назад и припомним себе цели политики в классовой войне.

Как мы уже говорили, цели эти будут преследовать освобождение родственного класса трудящихся от власти эксплоататоров. Следовательно, цель стратегии, которая ей будет поставлена политикой, будет заключаться не в *завоевании территории,* а в *освобождении ее* от враждебных нам власти и влияния.

Если империалистическое государство внешне будет еще достаточно крепко, а таков именно и будет рассматриваемый нами случай, ибо, в случае противного, трудящиеся данной страны сами свергли бы эксплоатирующую их власть, не прибегая к помощи извне, то для достижения этой цели стратегии придется избрать *способ нападения* *).

Имея ввиду основную цель, поставленную ему политикой, полководец при учете сил и средств сторон должен будет учитывать и силы и средства пролетариата той страны, ради освобождения которого предпринимается данная классовая война. Это будет союзник, заключенный как бы в оболочку враждебной среды; будет предстоять разбить эту оболочку, чтобы он выявился в полной мере.

Само собою разумеется, что учет сил и средств этого внутреннего союзника будет чрезвычайно труден. И то и другое будет пребывать временно в аморфном состоянии и в таковом с чрезвычайным трудом может быть подвергнуто простому механическому учету.

Вот, следовательно, и еще характерная особенность стратегии классовых войн, не имевшая прежде почти никакого значения и не бравшаяся на учет в стратегии прежних (империалистических) войн—

*) **Примеч. ред.** Напоминаем читателям, что Р. С. Ф. С. Р. ведет только оборонительные войны. Взгляды, высказываемые в настоящей статье, являются личными взглядами автора.

это *выявление и учет значения сил,* являющихся нам союзными во враждебной стране, и *учет всех их средств.*

В этой работе полководцу не обойтись без помощи политики; с ее стороны потребуется полная и подробная информация стратегии в этом отношении. От того, насколько удачно политика справится с этой задачей, будет зависить правильность оценки общей задачи полководцем.

В этот период подготовительной работы, как мы видим, на политику падет равная доля ответственности за принятое решение со стратегией; политике придется сблизиться со стратегией и работать с нею рука об руку, а не ограничиваться лишь постановкой общей цели и общей политической ориентировкой.

Это последнее требование является также новым характерным признаком стратегии классовой войны—стратегии пролетарского государства—*участие политики в подготовке и разработке операций.*

Само собою разумеется, что от интуиции полководца будет уже в дальнейшем зависить, какое заключение и удельный вес придать этому фактору в развитии его планов и предложений—придать ли ему вспомогательное, или, может быть, и первостепенное значение.

Мы сказали уже, что границы государств явятся первоначально той более или менее определенной данной, которая неизменна как для стратегии прежних империалистических войн, так и для стратегии классовых войн. Но это будет верно только до известного предела; дальнейшее развитие борьбы совершенно отбросит этот признак государственных границ.

Следовательно, стратегии классовой войны придется в значительной мере расширить понятие о театрах военных столкновений и их границах.

Эти театры и эти границы теоретически в общем случае можно определить так.

Театром будущих столкновений в классовых войнах может явиться вся та территория, где пролетариат угнетается вне зависимости от границ политических и этнографических; из этого определения следует, что и границы предполагаемого театра военных действий могут также до чрезвычайности расшириться в пространстве, идейно захватив с собою и территории государств, еще непосредственно не вовлеченных в процесс вооруженного столкновения.

Последнее в полной мере должна будет учесть политика пролетарского государства в период подготовительной работы стратегии и всесторонне осветить ей этот вопрос.

Так же будет обстоять дело и в отношении политических группировок нам сочувственных и враждебных. Стратегия эпохи империалистических войн действовала в этом отношении в более ясной и определенной обстановке для не специалиста в политических вопросах.

Политика давала ей просто исходные данные в отношении политической группировки государств, указывая союзные, враждебные и нейтральные страны.

Полководец, руководствуясь этими данными, просто причислял союзные страны к своему активу, нейтральные учитывал как равно безразличную для обоих сторон величину, враждебные—относил к лагерю противника и брал их силы и средства на учет, как факторы для него неблагоприятные.

Пролетарские стратегия и политика не могут базироваться и руководствоваться одними этими признаками.

Эти понятия необходимо значительно расширить, имея ввиду основные цель и самую природу классовых войн.

Теоретически следует признать противниками в классовых войнах всех вообще противников пролетариата, а союзниками все те классы и группы населения всех стран, которые по своему положению являются нам сочувствующими и заинтересованными в исходе начатой борьбы в нашу пользу.

Ясно, насколько такое определение расширяет рамки понятия о союзных и враждебных силах.

Их опять таки нельзя определить столь постоянными и легко и наглядно устанавливаемыми признаками, как национальные и географические, ибо вполне понятно, что позиция, занятая правительством данного империалистического или буржуазного государства в начале предпринимаемой пролетарским государством борьбы, ровно ничего не будет доказывать в действительном отношении к происходящим событиям его населения.

Может произойти такой на первый взгляд политический парадокс, который еще не встречался в практике дипломатов старой школы, что враждебная политика правящего класса, требующая, казалось бы, зачисления данного государства в категорию враждебных пролетарскому государству держав, в предпринимаемой им борьбе будет обратно пропорциональна той помощи и политике его рабочего класса, которую последний будет проводить в отношении пролетарского государства, начинающего войну, и поэтому данное, по внешней своей политике в сущности враждебное нам, государство в силу работы в нем внутренних дружественных нам революционных сил должно быть при оценке обстановки и всестороннем учете ее при разработке плана войны отнесено в категорию нейтральных, а иногда, даже дружественных нам государств.

Поясним сказанное историческим примером. Во время войны империалистической Польши с Советской Россией в 1919—1920 годах буржуазные и империалистические правительства всех стран большой и малой Антанты и соглашательское правительство Германии безусловно придерживались враждебной политики по отношению к Советской России.

По старым методам подхода к обстановке их безусловно следовало бы отнести к странам нам враждебным, и политик и дипломат старой школы, давая ориентировку стратегии, безусловно зачислил бы их во враждебный нам лагерь.

Но пролетариат всех этих стран не разделял политики своих правительств; по своим целям и намерениям он безусловно являлся нашим союзником, но в состоянии аморфном, ибо внешние скрепы государства и достаточно прочное еще положение правящих классов воспрепятствовали консолидации этих аморфных сил и выявлению их в полной мере.

Тем не менее, значение и работа этих союзных нам, не по национальным или государственным, а по классовым признакам, сил сказались весьма существенно при дальнейшем развитии кампании.

Европейский пролетариат силой своего пассивного сопротивления и морального противодействия воспрепятствовал активному выступлению на помощь белой Польше некоторым из ее союзников, что само по себе являлось уже немаловажным успехом, а противодействием своим доставке ей вооружения и снаряжения причинил белополякам и немаловажный уже чисто материальный ущерб.

Русско-польская война 1919—1920 годов и ее политическая обстановка является прообразом грядущих классовых войн.

В этой войне впервые обозначились резко те типовые признаки, которые являются характерными для классовой войны и выступили на сцену такие факторы, которые ранее не брались на учет или вовсе не фигурировали при вооруженных столкновениях народов.

Вот как в корне меняется обстановка, а, следовательно, и методы подхода к ней, если на нее взглянуть под углом зрения, отвечающим целям и задачам переживаемой эпохи, а не под углом зрения, относящимся к эпохе уже изжитой и отошедшей в историческое прошлое.

Политика и стратегия, чтобы не отставать от жизни и быть на высоте пред'являемых ею требований, должны быть весьма внимательны к этим требованиям и не давать традициям прошлого заглушать голос здравого рассудка и современную историческую перспективу.

Вот насколько в этом отношении должна усложниться теперь работа политики и стратегии в период подготовки к классовой войне.

В этой области работы на политику выпадает задача возможно полного и всестороннего уяснения всех родственных и союзных нам сил на всех вероятных театрах будущих столкновений, а на стратегию оценка их, учет и выяснение той роли, которую они могут сыграть в будущем столкновении, а, может быть, и задач, которые им можно будет дать и которые они смогут выполнить.

Нечего и говорить о том, насколько успех этой работы, крайне сложной и ответственной, будет зависить от тесной взаимной связи политики и стратегии и их обоюдной помощи в этом отношении.

Правильная оценка всех полученных данных, распределение их сообразно их относительному значению, определение правильно, так

сказать, удельного веса каждой из них и определение, в зависимости от этого, их места и значения в разрабатываемом плане войны, потребует от начальника необходимой политической подготовки и зрелости.

Политическую интуицию для полководца в эпоху классовых войн мы считаем столь же необходимой, как и военную.

Тогда только его чисто военные комбинации в изменения основного плана приобретут необходимые гибкость и своевременность, тогда он будет столь же быстро реагировать и предугадывать политические изменения и выступление или появление новых политических сил и факторов, как это требуется от него в области чисто военной.

Ожидание помощи, подсказки или толчка со стороны политики может повлечь за собою потерю драгоценного времени, что на войне дороже всего.

В зависимости от тех сложных и обширных требований, которые политика в классовых войнах пред'являет стратегии и что можно было уже видеть из предшествующего изложения, она, конечно, повышает уровень требований и к полководцу, непосредственно осуществляющему ее цели.

От полководца в классовых войнах потребуются высокое развитие и правильная постановка его интеллекта не только в чисто военном, но и в политическом отношении; только тогда он будет в состоянии охватить и правильно оценить обстановку во всей ее совокупности, а мы уже видели, насколько рамки ее расширились и горизонты увеличились по сравнению с прежним.

В только что затронутом вопросе работа политики тесно соприкоснется и даже вторгнется в область статистической подготовки исходных данных для плана войны.

Стратегия классовых войн пред'являет к статистике совершенно новые требования, чем стратегия империалистическая.

Вместе с тем в стратегии классовой статистика выдвигается на одно из первых мест и становится почти на одном уровне с политикой.

Конечно, данные чисто материального порядка, данные о производительности и промышленности района одинаково будут интересны для стратегии классовой, как и для стратегии империалистической; но кроме них существеннейшее значение приобретает статистика населения по *классовому признаку*, отбрасывая признаки этнографические и религиозные, которым столько внимания уделяла старая военная статистика.

Само собою разумеется, что последние признаки совершенно не могут интересовать классовую стратегию и являются для нее глубоко безразличными*).

---

*) **Примеч. ред.** В этом выводе с автором вряд-ли можно согласиться, т. к. пока известная часть народных масс еще подвержена влиянию религиозных предрассудков, до тех пор с этим фактором и приходится считаться и учитывать его. Доказательством может служить война с Польшей, где через религиозные предрассудки создавался „национальный под'ем" в ущерб классовым интересам тех же масс.

Это само по себе будет колоссальной работой.

Перестроить всю нашу военную статистику под новым углом зрения, отвечающим целям и запросам классовых политики и стратегии является одной из неотложных и существеннейших задач текущего момента.

Статистический материал, обработанный по указанному методу, даст наглядное представление о расположении, взаимоотношениях и связи „жизненных“ и „мертвящих“ центров предполагаемого театра военных действий.

„Жизненные“ и „мертвящие“ центры—термины, присущие стратегии классовых войн.

До сего времени термины эти не появлялись на страницах военной литературы; они чрезвычайно метко и образно определяют понятие, которое под ними кроется, и принадлежат перу уважаемого М. Н. Тухачевского.

Под жизненным центром, неоднократно упоминаемый нами автор разумеет те крупные производственные или политические центры, которые путем восстания переведут союзные нам силы на театре военных действий из состояния аморфного в состояние консолидирующейся вооруженной силы, явно нам помогающей.

Роль и значение этих жизненных центров в стратегии классовой войны не ограничится только этим.

Первоначально они явятся и теми базами, на которые будет опираться эта собирающаяся и организующаяся союзная нам вооруженная сила, а в известных случаях могут с тою же целью быть использованы и армией наступающего пролетариата.

Отсюда ясно то значение, которое имеют выявление и подробное изучение всех „жизненных“ центров предполагаемого театра военных действий.

В противоположность понятию о „жизненном“ центре тот же автор выдвигает понятие о „*мертвящих центрах*“.

Согласно его определению, „мертвящими“ центрами являются пункты сосредоточения населения по классовому признаку враждебного пролетариату; таковы будут мелко-буржуазные, кулацкие элементы, не говоря уже о владельцах крупных латифундий и их челяди.

В стратегии классовой войны „жизненными“ и „мертвящими“ центрами могут явиться не только отдельные населенные пункты или города, но даже целые районы и области.

В последнем случае такие мертвящие районы могут создавать пассивное, а при первом удобном случае и активное *сопротивление среды*, о преодолении которого придется подумать, но подробнее об этом мы поговорим в другом месте.

В обстановке нашей минувшей войны с Польшей жизненными центрами для нас могли явиться: Лодзинский район, район Домбров-

ских угольных копей, Люблинская губерния, благодаря преобладанию в ней безземельного батрацкого населения.

Мертвящими районами были районы, по которым пролегали кратчайшие операционные направления на Варшаву.

Это были Седлецкая и Ломжинская губернии с преобладающим в них крестьянско-кулацким населением, с отсутствием в них безземельного батрацкого элемента и крупных промышленных центров.

Изложенное уясняет нам то значение, которое имеют жизненные и мертвящие центры и районы на театре военных действий классовой войны при выборе и оценке операционных направлений.

На протяжении настоящей главы мы постарались показать, как расширилась та область не только чисто военной, но и политической деятельности и работы, которая открывается перед классовой стратегией еще только при самом начале подготовки ее к решительным действиям.

Мы оценили то громадное и равнозначущее значение, которое приобретает политика в отношении стратегии в этот подготовительный период и постарались доказать необходимость теснейшей органической связи этих двух важнейших внешних отраслей государственной деятельности.

Попутно мы подчеркнули те характерные особенности, которые являются типичными для стратегии классовой войны, указали на те новые задачи, которые встанут перед нею еще в период подготовки и отметили, как перемена угла зрения, под которым привыкли раньше рассматривать те или иные явления и данные, резко меняет картину в отношении привычных взглядов на обстановку и позволяет сделать массу богатых и поучительных выводов.

Из чтения этой главы у читателя должно создаться впечатление, что задачи, возлагаемые на стратегию классовой войны, несравненно выросли в об'еме, что границы и рамки, в которых приходится действовать этой стратегии, безгранично раздвинулись в пространстве и времени.

Полагаем также, что для читателя вполне ясно, что не только область действия классовой стратегии бесконечно расширилась, но то же относится и до области подготовки: она стала более разносторонней, требует более тщательного и вдумчивого всестороннего изучения и обсуждения.

Все изложенное пред'являет и новые повышенные требования к полководцу; ему нельзя отгородиться от политики, довольствуясь лишь получением от нее инструкций и указаний; для пролетарского полководца этого мало; он должен живо и отчетливо чувствовать биение внешней и внутренней политической жизни тех областей и стран, где ему придется действовать.

Мы уже неоднократно указывали на более тесную зависимость классовой стратегии от политики, чем это было необходимо при старых социальных взаимоотношениях внутренних и внешних.

Классовая стратегия, в конечном итоге этого тесного взаимодействия и совместной работы, должна получить от политики ясную картину *классового расслоения* среди населения предполагаемого театра военных действий, численности, влияния и значения, а также взаимоотношений различных политических групп и партий, а также, насколько это расслоение нашло выражение в организованной вооруженной силе, которую противники пролетариата на данном театре военных действий предполагают ему противопоставить. Само собою разумеется, что последнее должно быть строго проверено всеми возможными способами.

Большинство данных, о которых говорилось в настоящей главе, лягут как исходные для составления высшим командованием плана войны и плана операций.

Рассмотрению этого вопроса и тех особых условий, которые возникают при составлении плана классовой войны мы и посвящаем следующую главу.

IV.

План войны, как известно, имеет дело с постоянными более или менее данными общего порядка, всецело находящимися в нашем распоряжении. Он заключает в себе все подготовительные соображения, во первых, относительно характера предстоящей войны, во вторых, определения сил и средств, необходимых для достижения преследуемой цели и, в третьих—создания того исходного положения, с которого войска должны начинать действия (стратегическое развертывание армий). Неоспоримо, что все эти основные отправные точки должны иметь место и в плане классовой войны.

Остановимся на каждой из них и на способах подхода к ним в условиях обстановки классовой войны.

Цель войны предопределяет собою и характер войны.

Как мы выше уже указывали, цель классовой войны будет не завоевание, а *освобождение*. Эта цель безусловно потребует *вторжения* в пределы той территории, где угнетаемый класс нуждается в освобождении.

Само собою разумеется, что, стоя на месте и бряцая оружием, нельзя будет никого освободить.

Таким образом характер будущих классовых войн всегда будет *наступательным*.

При учете сил и средств, необходимых для достижения поставленной цели, стратегия должна будет учесть не только свои силы и средства, но и те силы и средства, которые в распоряжение ее сможет предоставить угнетаемый класс той страны, ради освобождения которого предпринимается война.

Учитывая свои силы и средства, необходимые для достижения поставленной цели, стратегии необходимо иметь ввиду, что и те и другие должны быть предусмотрены в таком количестве, чтобы сразу

дать перевес и гарантию на успех в первом столкновении с вооруженной организованной силой противников пролетариата.

Чем сильнее будет первоначальный шок, полученный этой силой в первых столкновениях, тем больше оснований будет расчитывать на то, что этот шок вызовет наружу к активному выступлению бездействующие революционные силы сочувственных нам и союзных классов, заставит как бы детонировать их.

В разработке плана прежних войн, готовясь к первым столкновениям с организованным противником, полководец брал на учет и подсчитывал свою живую силу и материальные средства.

Стратегия классовой войны должна будет взять на учет и решить, как она использует новую могучую силу—политику для своих целей.

Политика в данном случае явится орудием стратегии также, как артиллерия, пулеметы, аэропланы и проч.

Если с идеями не воюют с помощью пушек, то идеи, как оружие морального порядка, вполне могут быть использованы стратегией в своих целях.

Работа политики в форме политической пропаганды и агитации в данном случае должна будет вестись в трех плоскостях.

Во первых, популяризация и пропаганда идеи войны среди собственных населения и армии в целях поднятия настроения и духа последней; во вторых, пропаганда и агитация в рядах армии противника с целью обострения внутри ее классовых противоречий и ускорения в ней процесса разложения; это будет наиболее ответственная и важная часть в работе политики, наиболее облегчающая стратегии достижение ее целей.

И, в третьих, наконец, работа и политическая пропаганда среди населения той территории, ради освобождения которой от гнета эксплоататоров предпринимается данная война.

К этому необходимо еще добавить агитацию и пропаганду среди сочувствующего нам и родственного классового элемента в сопредельных с театром войны странах.

Ясно, что выполнение всех этих задач потребует от политики составления такого же политического плана войны, какой требуется и от стратегии, и разработки соображений о мобилизации, учете и распределении и развертывании ее сил и средств для этой цели.

Из изложенного явствует, что совместная и взаимно друг друга дополняющая работа политики и стратегии не только не должна прерваться с началом войны, а, наоборот, взаимодействие их должно стать еще более тесным и крепким.

У читателя при этом может возникнуть вопрос, каким образом политика из положения руководящего или, по крайней мере, равного по отношению к стратегии, вдруг как бы попадает в положение ей подчиненное? Вместе с тем читатель может заинтересоваться, почему мы обобщаем понятие политика, когда известно, что стратегия явля-

лась исполнительницей предначертаний так называемой „внешней“ политики.

Мы мыслим, что у пролетарского государства не может быть резкой грани между „внешней“ и „внутренней“ политикой. Оба эти понятия должны слиться; в конечном итоге пролетарское государство проводит и выражает политику пролетариата всего мира, каковая должна быть единой по существу, как едины цели и интересы класса, которому она служит.

Итак, единая политика пролетарского государства, по нашему разумению остается идейной руководительницей стратегии, но в области активно исполнительной выделяет из себя аппарат вспомогательный, который уже всецело является подсобным стратегии и обслуживает ее интересы по ее заданиям.

Вот в какие конечные формы, по нашему разумению, должны отлиться взаимоотношения пролетарских политики и стратегии, их взаимные обязательства и связь.

Вопрос о стратегическом развертывании армий разрешится на основании большего количества привходящих данных, чем это имело место в стратегии империалистических войн.

Данные о степени назревания и роста революционного процесса внутри территории, куда пролетарские армии должны будут внести фермент революции, данные о внутреннем политическом состоянии вооруженных сил, имеющихся в распоряжении противников пролетариата и их настроении, будут *решающими* при обсуждении вопроса о выборе районов развертывания армий.

Если вышеуказанные данные для пролетарского государства окажутся благоприятными, то развертывание армий можно будет перенести и выполнить непосредственно на самых границах территории, в которую предстоит вторгнуться, что наиболее будет отвечать и характеру самой войны.

В особо благоприятном, наконец, случае, когда внутренний процесс разложения и образования новых сочувственных и союзных нам сил на данной территории будет итти настолько быстро и успешно, что потребует лишь мелкого напора извне для своего окончательного выявления, можно будет, быть может, совсем обойтись без предварительного развертывания армий или не дожидаться полного окончания его.

Правильность решения в этих случаях будет всецело зависить от того, насколько правильно политика и командование произведут анализ общей обстановки, предшествующей началу войны.

При выборе ближайшего об'екта действий, обстановка в условиях классовой войны дает стратегии большее богатство и разнообразие комбинаций и решений.

Полководцу предстоит решить, что должно преимущественно привлечь его внимание и вызвать на себя сосредоточение всех усилий.

Не всегда это будет только живая сила противника. Территория в этих случаях может тоже играть не соподчиненное, иногда и главное значение.

В самом деле, представим себе случай, когда полководец имеет все данные считать, что живая сила противника разложится сама собою и без непосредственного воздействия на него извне, а территория его интересующая настолько уже насыщена ферментами брожения, что первое появление содействующей ей вооруженной силы сразу же может вызвать в ней проявление всех сил угнетенного пролетариата и переход власти в его руки*).

Ясно, что при такой кон'юнктуре территория приобретает первенствующее значение, а вооруженная сила противника второстепенное. Захват первой непосредственно приводит нас к достижению тех целей, ради которых была предпринята война, а вооруженная сила противника, пока она еще существует в организованном виде, не может помешать нам в этом по своей внутренней слабости и против нее можно будет ограничиться лишь заслоном, либо второстепенными действиями.

Какое именно решение избрать, чтобы оно наиболее отвечало обстановке, в каждом данном случае будет зависить, конечно, от военной и политической интуиции полководца.

Мы хотели только показать, какое бесконечное разнообразие обстановки, а, следовательно, и решений представляет классовая война.

При выборе и оценке операционных направлений, стратегии классовой войны надлежит оценивать их не только со стороны их краткости и важности в зависимости от об'ектов, к которым они ведут, но еще и в полной мере учесть и оценить значение и влияние на них жизненных и мертвящих центров, о которых мы много говорили в предыдущей главе.

Также тщательно должен быть предварительно исследован вопрос о враждебной среде, возможно, находящейся на той территории, по которой проходят те или иные операционные направления.

Лишь сопоставление и строгий учет всех этих данных и условий даст возможность полководцу окончательно остановиться на выгоднейшем для него операционном направлении.

При этом может случиться, исходя из данных, указанных нами выше, что не всегда выгоднейшее операционное направление будет и кратчайшим.

Мы полагаем, что в обстановке классовой войны в некоторых случаях краткостью протяжения операционного направления лучше будет пожертвовать в пользу того, чтобы оно проходило по территории, более богатой жизненными центрами и сочувственной, а не враждебной пролетариату средой.

Это вопрос чрезвычайно интересный и новый и заслуживающий самого тщательного обсуждения и исследования.

*) Пример—Грузия.

М. Н. Тухачевский усматривает одну из причин неудач весенней кампании 1919 года против Деникина в том, что главное операционное направление армий, действовавших на южном фронте, проходило не через жизненный для советских армий район Донецкого бассейна, а через мертвящий для них район обширных Донских степей.

В минувшую только что нашу войну с Польшей наши главные операционные направления армий западного фронта проходили также по мертвящим и неблагоприятным для красной армии районам, Ломжинской и Седлецкой губерниям, хотя и вели к важному об'екту действий и крупному политическому центру—Варшаве.

Операционное направление Ковель—Лодзь — Люблин — Домбровский бассейн, хотя и более длинное, обеспечило бы нам выгоды жизненной для нас территории и сочувственной среды.

От одного только искусства полководца будет зависить, на каком же главнейшем операционном направлении окончательно остановиться—том ли, где преобладают благоприятствующие условия стратегические или политические.

Из изложенного мы можем усмотреть, что стратегия классовой войны пред'являет свои дополнительные требования к учению об операционных направлениях: она требует, чтобы они были выгодны для наступающей армии и в *политическом отношении.*

Идеальным операционным направлением, само собою разумеется, явится такое, которое даст возможность в равной мере удовлетворить требованиям, как политики, так и стратегии; обстановка вряд ли сама даст вполне гармоничное в этом отношении сочетание. Следовательно, от искусства командования будет зависить в каждом частном случае, чему отдать предпочение—условиям политическим или же условиям стратегическим.

По аналогии нам сейчас припоминается лишь один пример такого гармонического сочетания требований политики и стратегии: это выбор Аннибалом операционного направления через Галлию при его первом походе в Италию.

Вопрос о *стратегических резервах и базах* в условиях классовой войны представляется нам также в несколько своеобразном освещении, вернее—он нуждается в дополнении новыми положениями.

В стратегии империалистической понятие о стратегическом резерве и базах тесно ассоциируется с представлением о собственной стране и территории.

Без собственной территории—нельзя представить себе основной базы армии; известно мнение, что для армии базой является вся страна.

И это совершенно верно, имея ввиду громадные размеры последних империалистических войн и сумму тех колоссальных напряжений, которые они требуют от народов и государств, ведущих войну.

В условиях классовой войны понятие о стратегических резервах и базах значительно расширяется.

Стратегическими резервами в стратегии классовой войны могут явиться те организующиеся или организованные силы пролетариата, ради освобождения которого предпринята данная война.

Расположение и группировка этих резервов будет соответствовать расположению и группировке жизненных пролетарских центров и районов.

Таким образом, в условиях классовой войны мы можем встретиться с положением, что стратегические резервы будут находиться не *позади линии* стратегического нашего фронта, а *впереди нее*.

Несомненно, что эта данная также в полной мере должна быть учтена полководцем при составлении плана войны.

Сама по себе она чрезвычайно расширяет рамки стратегического творчества и дает широкий простор для применения богатых и оригинальных комбинаций.

Тоже самое относится и к учению о базах.

В зависимости от хода войны базой для армии могут стать все жизненные центры территории военных действий.

Тут также мы можем встретиться с положением, подобно положению стратегических резервов, что базы армии будут находиться *не позади* линии фронта, *а впереди нее*.

Несомненно, последнее обстоятельство также сыграет немаловажную роль при разработке плана войны.

Наконец, соображения и планы войны должны будут быть дополнены соображениями об устройстве и обеспечении тыла, соображениями об укомплектовании и пополнении армий.

Остановимся на вопросе устройства и обеспечения тыла в пределах территории театра военных действий.

Этот вопрос в условиях классовой войны разрешается гораздо проще, чем раньше.

Чем больше будут перемешаны между собою классы в тех областях, по которым будет проходить армия—освободительница, тем более легко для командования будет провести диктатуру пролетариата в освобождаемых областях и с помощью его наладить и аппарат местного управления и власти и охрану важнейших путей, сооружений и складов.

Стратегия империалистических войн не знала этого способа; ей приходилось проделывать сложные расчеты, создавать колоссальный аппарат специально для этой цели, затрачивать громадное количество живой силы на чисто пассивные задачи.

Все это делало империалистические армии несравненно более зависимыми от тыла и пространства, чем теперь будут армии пролетарские.

Эти последние несравнено менее, чем армии империалистические, будут подвергаться опасности стратегического изнурения, т. е. состояния, когда армия терлет свою активную силу не вследствие

убыли в боях и сражениях, а вследствие чрезмерного расхода ее на чисто пассивные задачи—обеспечения своих тылов и коммуникации.

Как известно, одной из причин неудачи похода Наполеона в Россию и последующей гибели его армии и было именно стратегическое изнурение французской армии.

Само собою разумеется, что оставление и наличие мертвящих центров в тылу наступающей пролетарской армии потребует и от нее дополнительного и непроизводительного для прямых целей войны расхода живой силы для их нейтрализации, но соответствующим выбором операционных направлений всегда можно будет избежать этого неудобства.

Из изложенного явствует, до какой степени в классовой стратегии упрощается вопрос об отношении числа к пространству в благоприятном для классовой стратегии смысле.

Сравнительно небольшие численно пролетарские армии смогут безболязнено преодолевать большие пространства, не опасаясь, что „океан земли поглотит их“.

Это обстоятельство открывает перед классовой стратегией обширные и необ‘ятные горизонты.

Правда, из истории походов древних полководцев нам известно, что и они не боялись больших пространств.

Александр Македонский, начав свою военную карьеру в Греции и на берегах Эгейского моря, закончил ее в далекой Индии и на берегах Индейского океана.

Но на это—этим полководцам приходилось тратить многие годы.

Завоевывая известную территорию или область они должны были затрачивать известное время на колонизацию и ассимиляцию этой области, чтобы не расходовать своей живой силы на обеспечение своего тыла.

Таким образом, их продвижение вперед происходило не непрерывно а скачками—от этапа к этапу.

Пролетарские армии в силу причин выше уже приведенных будут избавлены и от этой необходимости.

Стратегия империалистического и буржуазного государства в своих расчетах на источники и способ пополнения живой силы своих действующих армий базируется на вполне определенное и ограниченное число источников.

Таковыми источниками для нее явились живые силы собственного народа.

Для стратегии классовой войны перспективы в этом отношении гораздо обширнее и разнообразнее.

Армия пролетарского государства, как на источники пополнения, может расчитывать сверх своих прямых источников пополнения еще на мобилизацию родственных классов в только что занятых областях и на родственные классовые элементы из числа военно-пленных.

Все изложенное позволяет нам утверждать, что вопрос о пополнении убыли во время войны в пролетарской армии будет несравненно более благоприятен, чем в армии империалистической.

В известных случаях мы можем встретиться тут даже с таким парадоксом казалось-бы на первый взгляд, что армия, несмотря на убыль в сражениях и естественную убыль, будет все-таки непрерывно увеличиваться в своем числе.

Общность классовых интересов и здесь, как и в другом, даст такие неожиданные и богатые возможности для стратегии, которые немыслимы были в обстановке империалистической войны.

Скажем теперь несколько слов о ведении самой войны.

Самый ее характер—наступательный по духу, уже сам по себе требует крайней энергии, решительности и быстроты исполнения.

Чем темп ведения войны будет живее и решительнее, тем более оснований расчитывать на скорейшую и более мощную детонацию союзных и сочувствующих нам сил не только внутри территории театра военных действий, но и в сопредельных территориях.

В этом случае для стратегии классовой в полной мере сохраняет значение старый военный афоризм—порыв не терпит перерыва,—и даже приобретает особую важность.

Припомним то внутреннее напряженное состояние белой Польши и сопредельных с ней стран, состояние—кануна взрыва в момент, когда красные армии неудержимой волной катились к берегам Вислы и стенам Варшавы!

Чем непрерывнее противник будет держаться под впечатлением первого потрясения, тем процесс внутреннего распада будет совершаться в нем интенсивнее и проходить скорее.

Поэтому периоды перерыва в операциях и затишья являются чрезвычайно нежелательными в условиях классовой войны.

Те особо благоприятные условия и обстоятельства, о которых мы уже упоминали выше, а, именно, благоприятная зависимость между числом и пространством, малая зависимость от тыла и меньшие заботы о необходимости его обеспечения, наконец, более легко разрешаемый вопрос о пополнении потерь, возможность попутного использования жизненных центров, как промежуточных баз,—все эти данные при соответствующем руководстве помогут пролетарской стратегии совершенно обойтись без вынужденных перерывов в самом ведении войны и тем значительно приблизить конец ее.

V.

На этих вопросах мы заканчиваем настоящую статью.

Нашей следующей задачей явится рассмотрение условий, сопровождающих составление плана операции и само ведение операции в обстановке классовой войны.

Мы не сомневаемся, что и в этой области обнаружатся новые привходящие данные и условия, с которыми раньше стратегии не приходилось иметь дело или они не так рельефно выступали на первый план.

В нашем изложении нам пришлось пользоваться исключительно умозрительным методом.

Не сомневаемся, что многие наши положения значительно, быть может, выиграли бы в своей доказательности и яркости, если бы были подкреплены соответствующими, подробно разобранными историческими примерами.

Но дело в том, что стратегия классовой войны—это стратегия будущего, а имеющиеся исторические прецеденты еще совсем не разработаны в научном отношении.

Несомненно, что разработка богатого военно-исторического материала, относящегося к истории гражданской войны в России даст будущим исследователям всех затронутых нами вопросов поучительный материал для обоснования своих выводов.

В своем изложении мы несколько раз ссылались на только что минувшую Русско-Польскую войну.

Война эта по замыслу, целям, идее и особенностям обстановки отнесена нами к типовым для будущих классовых войн.

Правда, особенности классовой войны не выразились в ней с такою резкостью, как этого можно было бы ожидать.

Те характерные признаки классовой войны, которые должны будут, по нашему разумению, неизбежно проявиться вполне резко и определенно в будущих классовых войнах, в эту войну до самого ее конца не получили определенного развития, хотя многие из них и имели место, но лишь в эмбриональном, так сказать, состоянии.

Произошло это от чисто об'ективных условий.

С одной стороны, причину этому мы усматриваем в недостаточном еще укреплении сил и их консолидации у польского пролетариата, с другой стороны, в недостаточном еще углублении внутреннего процесса разложения в правящих классах Польши.

Не маловажную роль, конечно, в этом отношении сыграла и наша заминка под Варшавой.

Вот все эти обстоятельства и препятствуют нам отнести минувшую Русско-Польскую войну к категории типичных классовых войн, а заставляют нас считать ее лишь прообразом будущих классовых войн.

Тем не менее, до сих пор эта война пока является единственным наиболее для нас подходящим и интересным примером, почему желательна скорейшая научная обработка истории этой войны.

Более давнее историческое прошлое нам не может дать никакого материала, пригодного для наших выводов.

История не даст нам столь необходимой для обоснованности и научности выводов типичной обстановки, однако по аналогии и в

прошлом, казалось бы, можно было найти войны не идентичные, но похожие по целям и обстановке на будущие классовые войны.

Как пример укажем на войны эпохи Густава Адольфа—период 30 летней войны и войны в Испании в начале XIX века за ее освобожден от гнета Наполеона.

Изучение истории этих войн под новым углом зрения могло бы, может быть, дать и поучительный материал для стратегии будущего.

В предлагаемой статье мы не стремились убедить читателя стратегическими парадоксами.

Мы старались лишь показать, как под новым и современным углом зрения видоизменяются и приобретают новые смысл и значение многие вопросы и положения; как на сцену выступают новые данные и факторы, которые, если и не требуют изучения и учета, то все таки вызывают необходимость размышления над ними и дополнительной оценки и переоценки.

Мы утверждали и старались доказать, что стратегия, как наука применения здравого человеческого смысла к законам ведения войны, нуждается в дополнении и расширении своих понятий и введении некоторых новых, чтобы не отставать от жизни и быть на высоте ее требований.

Мы переживаем эпоху колоссальных исторических задач во всех областях человеческой деятельности.

Задачи эти ширятся и усложняются не по дням, а по часам.

Новое вчера, является уже узким и устаревшим для завтрашнего дня.

Наука, которая к разрешению очередных задач эпохи будет стремиться применять методы и способы минувшей эпохи, в конце концов обратится в схоластику и ее узкие и одеревеневшие формы не будут отвечать уже потребностям современной действительности.

Единое и вечное в своих принципах военное искусство должно находить современные формы для применения этих принципов, дабы не утратить своих гибкости и жизненности.

В истории мы уже имеем любопытный прецендент в этом отношении, когда военное искусство Фридриховской школы, замерзшее в своей эволюции, встретилось на полях сражений с живыми и гибкими формами революционной военной доктрины.

Как мы уже упомянули, красная армия в период гражданской войны нашла свои организационные формы которые явились наиболее отвечающими ее структуре, как производной пролетарского государства.

На этом не может остановиться процесс ее внутреннего творчества: она ищет тех форм и норм, в которые должно вылиться ее окончательное военное учение, ее военная доктрина.

Ясно, что доктрина эта должна по духу и идее отвечать идеям пролетарского государства и служить им.

Эта доктрина, как уже производная самой армии, может вылиться только из недр ее; она уже инстинктивно чувствуется всеми и ищет лишь форм для своего воплощения; не сомневаемся, что формы эти скоро найдутся.

Стратегия, как синтез учения о войне, должна явиться одной из высших форм выражения этой пролетарской военной доктрины.

Чтобы быть способной воспринять в себя то новое содержимое, которое эта доктрина принесет с собой, стратегия должна соответственно к этому подготовиться, пересмотреть свой багаж, подготовить место для новых восприятий.

Вот руководящие мотивы, которые побудили автора вынести свои мысли на суд читателей.

Автор сочтет свою задачу выполненной, если она вызовет обмен мнений, послужит толчком к дальнейшему творчеству в этом же направлении и сможет послужить материалом при создании военного учения красной армии—ее военной доктрины.

Ф. Огородников.

Бой в условиях гражданской войны.

(Тактика красной армии).

Введение.

В числе целого ряда тем штабом западного фронта было предложено разработать тему, указанную в заголовке настоящей статьи, как заключающую целый ряд наиболее важных и интересных тактических вопросов.

Так как для разработки была предложена не только тема, но и програма, предоопределяющая до известной степени не только содержание, но, как бы и решение некоторых вопросов, то ниже приводится вся программа в дословном изложении.

Разреженность порядков. Изменение норм по ст. 477 пол. уст. Сходство боевых и походных порядков. Отсюда преднамеренная группировка сил. Быстрота вступления в бой. Затруднительность маневра на поле сражения. Самостоятельные участковые бои небольших колонн. Трудность артиллерийского огня. Влияние ширины фронта на длительность боев, хотя разреженность порядков как будто бы и указывает на нормальность быстрого решения.

На нижеследующих страницах мы попробуем разобрать все эти вопросы в посильном изложении, но не будем считать себя слишком связанными указанными в программе рамками в тех случаях, когда ясность и полнота изложения основной темы будут требовать тех или других отступлений.

С самого начала надо остановиться над вопросом: что понимать под гражданской войной? В тесном смысле слов, под этим термином надо подразумевать внутреннюю классовую борьбу, которая обыкновенно распадается на ряд отдельных эпизодов, из которых каждый в отдельности может представлять даже крупную операцию, но связь между операциями может быть не столько стратегической, сколько политической. Но под гражданской войной в более широком смысле

можно подразумевать все военные действия, которые имели место за последние 3—4 года, с октября 1917 года, как это часто и делается.

При этом заданная тема, насколько она интересует именно западный фронт, должна понимать гражданскую войну в самом широком смысле слова, иначе пришлось бы оставить в стороне весь опыт войны с Польшей, который имеет для западного фронта наиболее поучительное значение.

Хотя на том же фронте имели место и могут повторяться в будущем эпизоды гражданской войны в более тесном смысле слова, как, например, случаи борьбы с бандами Балаховича и другими, но предложенная для разработки программа очевидно далеко идет за пределы подобных военных действий.

Затем нельзя не отметить, что изложенная выше программа касается тактики боя почти исключительно с внешней стороны, т. е. со стороны пространства и времени. Это особенно подчеркивается в заключительном вопросе о влиянии ширины фронта на деятельность боев.

Между тем, внешняя сторона или внешний вид боя является не более, как отражением внутренних деятелей и разного рода условий, как психических, так и материальных, но не всегда выражается точными измерениями и протяжениями, как, например, организация войск, средства связи, снабжение и т. п.

Поэтому, не слишком уклоняясь от главных вопросов программы, мы должны коснуться также и этих условий, чтобы указать их относительное значение и воздействие.

В итоге поставленная тема оказалась несколько расширенной.

Вот почему автор счел необходимым поставить в скобках второе заглавие: Тактика красной армии, — подразумевая, конечно, не всю тактику, но ее некоторые, важнейшие основы.

Стратегическая и тактическая плотность.

Основной внешний признак, наиболее характерный для боев в гражданской войне—это разреженность боевых порядков или небольшая тактическая плотность, по сравнению с условиями, которые были в последней мировой войне и вообще в войнах последнего периода времени.

Как известно, наш полевой устав, придерживаясь опыта мировой войны 1914—1918 г. г., выводит нормы для расчета протяжения боевых порядков из основной нормы батальона: при наступлении до $^{1}/_{2}$ версты, при обороне до 1 версты.

Отсюда он выводит следующие приблизительно нормы:

	При наступлении.	При обороне.
для полка . . до . .	1— 2 верс.	до 3 в.
„ бригады . . „ . .	2— 4 „	„ 6 „
„ дивизии . „ . .	3— 6 „	„ 10 „
„ корпуса . . „ . .	5—10 „	„ 20 „

Нормы для обороны приводятся, имея ввиду пассивную оборону, которую, кстати сказать, наш полевой устав как бы узаконяет этими цифрами, не высказываясь против нее с достаточной силой.

При активной обороне указывается расчитывать протяжение боевого порядка, как при наступлении, что едва ли можно признать основательным.

При атаках сильно укрепленных позиций указывается расчитывать на каждую дивизию 1—2 версты.

При всех расчетах имеется ввиду, очевидно, организация старой армии, принимая в полку 4 батальона, в бригаде 2 полка, в дивизии—2 бригады, в корпусе—2 дивизии. Полк принимается также старого состава из сильных батальонов, от 600 до 1000 штыков каждый, с небольшим числом пулеметов.

Уже по одной этой причине уставные нормы очевидно должны считаться непригодными для современной организации красной армии.

Для лучшего освещения вопроса полезно иметь ввиду следующую историческую справку, которая показывает, как применялась тактическая плотность в различные эпохи*).

При Фридрихе Великом плотность боевого порядка достигала 7 человек на каждый шаг протяжения по фронту, но замечательно, что к концу XVIII столетия, т. е. в период войн Великой Французской Революции, плотность эта уменьшается до 1—3, 5 человек на 1 шаг. При Наполеоне она снова возрасла от 3. 5 до 7 человек на 1 шаг.

Отсюда однако же нельзя сделать вывода, что гражданский или классовой характер войны во всех случаях обусловливает меньшую тактическую плотность: в войну 1862—1866 годов в Сев. Америке, как со стороны северян, так и со стороны южан, т. е. восставших,—плотность иногда доходила до 8 и даже до 11 человек на 1 версту, превышая даже большую плотность немецких боевых порядков в войну 1870—71 г. г., которая была в 8—10 человек на 1 шаг.

По словам проф. Михневича в начале нашего столетия большинство военных авторитетов, особенно немецких, принимали до 10.000 чел. на каждую версту боевого порядка, что составляет около 7 чел. на 1 шаг.

Известный немецкий военный писатель Балк в своих рассуждениях о „Развитии тактики пехоты“, изданных уже в 1920 году, не дает средних расчетов на 1 шаг или на 1 версту, но выражает мнение, что при атаке в маневренной войне ширина фронта дивизии вряд ли будет превосходить 2 километра при этом состав дивизии, уже измененный по опыту мировой войны, принимается им в 3 полка пехоты, в 9 батарей артиллерии, 2 саперных роты и 2 эскадрона дивизионной конницы. Полк из 3-х батальонов; каждый батальон из 4-х рот, одной пулеметной роты, одного взводе ружейно-пулеметного и

*) Н. П. Михневич Стратегия. Кн. II стр. 197.

одного разведывательного отделения. Пулеметная рота из 3-х взводов, по 4 пулемета. Кроме того, каждой роте придется несколько ружей-пулеметов.

Эта организация имеет некоторое сходство с принятой ныне в красной армии, но с тою существенною разницей, что в германской дивизии значительно меньше пехоты на то же количество артиллерии. Приблизительно каждый красноармейский стрелковый полк из 9 рот представлен одним батальоном 4-х ротного состава. Принимая роту в 150 штыков, общая численность такой дивизии будет около 5.400 штыков, что составит по нормам Балка от 2, 4 до 3, 6 штыков на 1 шаг, т. е. значительно меньше, чем по расчетам приводимым проф. Михневичем.

Нельзя не заметить, что общая численность штыков в германской дивизии по принятому выше расчету очень близко подходит к наличному составу красноармейских дивизий в войну с Польшей, но боевой фронт их обычно много превосходит указанную Балком норму в $1^{1}/_{2}$ версты на дивизию.

Задаваясь целью определить тактическую плотность войск в гражданской войне по опыту восточного фронта М. Н. Тухачевский делает оговорку, что плотность эта вообще сильно колебалась, но была незначительная *).

Чаще всего на полк по фронту приходилось около 5 в. Зачастую полк занимал участки до 10 вер. и очень редко уменьшался до 3 вер. Соответственно фронт бригады редко бывал менее 10 вер., обычно был в 15—20 вер. и часто достигал до 40 верст. Фронт дивизии чаще равнялся 45—60 верстам и часто растягивался на 90—100 верст. Фронты армии колебались от 150 до 350 верст.

За малочисленностью войск, добавляет М. Н. Тухачевский,—редко удавалось достигнуть большей тактической плотности.

В маневренный период войны с Польшей, т. е. во время наступления к Варшаве и отхода, нормы плотности были несколько иные в сторону более значительной плотности. Необходимо однако сперва условиться, что подразумевать под „тактической плотностью", о которой здесь идет речь.

Нельзя не заметить, что проводимые т. Тухачевским нормы относятся, в сущности, к средней плотности фронта маршей—маневров. „Естественно,—говорит он,—что при таких условиях число дорог, приходящихся на дивизию громадно... В нашу войну нормальная глубина походной колонны—это глубина колонны полка. Бригада, идущая в одной колонне, встречается реже".

Таким образом, нормы восточного фронта являются показателем не тактической, но стратегической плотности на театре войны или в районе действий.

---

*) Марш—маневр и „организация транспорта в гражданской войне". „Гражданская война". Сборник 1-й Изд. Инспекции в. уч. дела 5 армии. 1919 г.

Соответственные нормы для маневренных периодов войны на западном фронте пока недостаточно установлены, но можно уже и теперь привести некоторые исходные данные для расчетов.

Так, прочертив пути следования дивизии к линии р. р. Нарева и Буга и далее к р. Висле, мы получим, что полосы движения или стратегические фронты маршей—маневров изменялись в широких пределах от 2—3 до 30—40 верст на каждую дивизию, но чаще можно заметить фронт движения в 8—10—15 в. на дивизию.

Боевые фронты мало отличаются от фронтов движения. Так на р. Зап. Буг боевой фронт 16-й армии, в составе 27, 17, 8, 2 и 10 дивизий, из которых 17-я до того была в армейском резерве, к 30 июля был около 100 верст, что составляет в среднем около 20 верст на дивизию, но из этого протяжения на долю 2 и 10 дивизий под Брестом приходилось лишь около 15—20 верст, на долю 27 дивизии около 30 верст, остальное на 8 и 17 дивизии; 11 августа фронт 2, 17, 10 и 8 дивизий, по линии Седлец—Луков был около 55 верст.

При постоянном стремлении вести бой плечом к плечу, тактическая плотность была очень невелика, в особенности, приняв в расчет ослабленный состав дивизий.

По свидетельству отдельных командиров полков и баталионов,—участников наступления,—боевой фронт полка редко был менее 3-х верст, чаще от 3 до 5 верст; при отступлении растягивался на 10—15 верст.

По обстоятельному описанию боев у Ново-Минска т. Какурина *) к утру 17 августа 10-я дивизия, в составе 2.500 штыков, 100 сабель, 71 пулеметов, 16 лег., 3 тяж. орудий и 4 пол. гаубиц, занимала участок в 20 верст; в том числе 85-й и 86-й двух батальонные полки 29 бригады занимали участок около $3^1/_2$ верст, имея по одному баталиону в боевых участках и по одному в резерве; участок одного полка был около 2-х верст, другого около $1^1/_2$ верст, но в полках было не более 300 штыков в каждом; правее 88 и 89 полки 30 бригады на важнейшем направлении (жел. дорога и шоссе) имели боевые участки по 2 версты, левее 87-й полк 29 бригады занимал 4 версты, а еще далее влево 84-й полк 28-ой бригады около 6 верст. Несмотря на такую разреженность расположения и на участие в атаке со стороны поляков бронепоезда, бронемашин и танков, 30 и 29-я бригады оказали упорное сопротивление, отойдя за 7 часов боя лишь на 5—6 верст и потеряв при этом от 30 до 40 убитыми и ранеными. Поддержка со стороны артиллерии не могла быть сильной по ограниченности снарядов; тяжелую и гаубичную артиллерию в середине боя пришлось отправить в тыл. В дальнейшем, полки по своей крайней малочисленности потеряли связь по фронту и бой начал носить эпизодический характер.

---

*) „На пути к Варшаве". Революция и Война №№ 4 и 5.

Нормы тактической плотности.

Из предшествующего изложения отчасти уже видно, как складывается крайняя разреженность боевых участков, как в наступательных, так и оборонительных боях красной армии.

Основная причина заключается в общей малочисленности войск по сравнению с широтою задач на местности.

Малочисленность зависит обыкновенно от известных общих условий: трудности пополнения и снаряжения, разрухи транспорта и т. п. Между тем, политические и стратегические соображения вынуждают сразу охватывать очень широкое пространство.

Важнейшее из этих соображений, по мнению М. Н. Тухачевского, заключается в необходимости занятия сплошных фронтов, чтобы отделить, в виде границы, диктатуру одного класса от другого. Территория (конечно, в связи с ее населением) приобретает в гражданской войне особое значение. Захват ее хотя бы только летучими отрядами противника не только не безразличен, но, при случае, может повлечь катастрофическое последствие. Деятельный противник, опираясь на сочувствующие ему классы населения, может создать в захваченных участках „мертвящие центры" с враждебно настроенным населением, которое потребует выделения части вооруженных сил для удержания его в повиновении. При более выгодных для противника условиях может сложиться новый центр восстания, новый предмет и новый район действий для красной армии. Таким образом, как говорит М. Н. Тухачевский, ширину фронта в гражданской войне обусловливают не численность войск (для сохранения необходимой плотности) но особенности гражданской войны, в частности, особенности в условиях комплектования и создания классовых армий *).

Отсюда видно, что условия гражданской войны требуют особого расхода войск для той задачи, которая в стратегии носит название обеспечения операционной линии, т. е. главного направления действий.

По мнению М. Н. Тухачевского в гражданской войне легче обеспечить тыл, чем в национальной, в которой „главная масса" уходит на обеспечение тыла. „Мы, говорит он, небольшими армиями можем завоевать колоссальное пространство и при том имея тыл всегда обеспеченным. Это достигается быстрым проведением в занятых областях власти рабочих и крестьян. Военно-административные органы производят из родственных классов местные формирования и таким образом быстро обеспечивают занятые области".

Это положение нельзя однако считать бесспорным. Могут быть случаи, когда непосредственное обеспечение тыла, по способу принятому в национальных войнах, может оказаться более экономным, чем сплошное занятие широкого фронта. Решение вопроса будет зависить от соотношения между шириной театра войны и длиной операционных и коммуникационных линий. Еще в большей степени оно будет зависить

*) М. Н. Тухачевский. Стратегия национальная и классовая 1920 г.

от сил и качеств противника. Но, так или иначе, несомненно, что при определении плотности фронта в гражданской или классовой войне приходится считаться с политическими условиями, которые могут потребовать разброски сил.

Кроме политических, также и некоторые стратегические соображения могут вызвать такую разброску, несмотря нз общую невыгоду ее в стратегическом отношении. К этому может побудить необходимость воспользоваться железными дорогами и телеграфными линиями по главнейшим путям или стремление не дать противнику ими воспользоваться.

В итоге, немногочисленные армии получают очень широкие участки, а при дальнейшем разделении этих участков между подчиненными им соединениями, такие же широкие участки выпадают на долю дивизий, бригад и полков.

Так оно в действительности и случается, хотя подобное, часто геометрическое, построение участков, конечно, не может быть основой стратегического плана действий.

Как говорит М. Н. Тухачевский, „необходимо, кордонно обеспечивая свою территорию на неважных направлениях, делать массовые группировки на решающем направлении, чтобы придать частям нормальную боевую плотность и разгромить кордон противника в этом направлении".

„Превосходства сил, говорит он в другом месте, можно достигнуть не только перебросками и перегруппировками, но и концентрическим наступлением, если до пункта сосредоточения противник не окажет серьозного сопротивления".

Эти способы действий не могут, конечно, считаться безусловными. Первый из них предполагает кордон противника, т. е. его разброску сил, которой может и не быть. Вместе с тем этот способ в случае наступления как бы предполагает возможным кордонное наступление на некоторых участках, но это просто неточность редакции. В других местах т. Тухачевский высказывается именно против кордонного наступления. Второй способ предполагает пункт сосредоточения, как бы заранее намеченным до серьезной встречи с противником; между тем, стратегия должна сосредоточить превосходные силы, именно, к пункту решительного столкновения. Вообще, способы действий будут зависить от сил и качеств противника и от его способов действия. Но ясно одно, что стратегическая плотность участков может и должна быть весьма различная, как это и показано на некоторых примерах в предшествующем изложении.

В дополнение к ним можно привести еще следующие данные о стратегической плотности различных участков в середине августа 1920 года на подступах к Варшаве:

4-я армия от Яблоново до Плонска, около 200 верст, около 2.400 бойцов. 15 армия в районе Плонск—Новоселки, около 25 верст, около 27.000 бойцов с промежутками в 14 верст к стороне 4-ой армии.

3-я армия в районе Новоселки—Сероцк, около 30 верст, около 24.000 бойцов. 16-я армия к югу от устья р. З. Буг до Гарволино, около 70 верст около 33.000 бойцов. Мозырская группа от Гарволина до р. Зап. Буг, южнее Влодавы около 150 верст около 8.000 бойцов.

Цифры эти не отличаются большой точностью, боевой состав взят лишь приблизительно и, при том, не к середине, а к началу августа; и, действительно, он был, вероятно, еще слабее, а потому средняя плотность участков, которая может быть из них выведена, не может служить нормой на будущее время; тем не менее они могут служить для характеристики разницы в плотности для различных стратегических участков.

Перейдем теперь к вопросу о тактической плотности.

Казалось бы достаточно очевидным, что между стратегической плотностью в известном районе действий или на фронте марша—маневра и тактической плотностью на поле боя, хотя и неизбежно некоторое соответствие, но не может быть полной пропорции. Общий недостаток сил может вынудить к очень слабой плотности боевых порядков. Но, если говорить о нормах тактической плотности, то надо их выводить не из соотношения к стратегической плотности, но из других боевых соображений.

Какой бы ширины ни был участок действий, но для успеха в бою очевидно необходимы известная сила огня и известная сплоченность в атаке. Потребность, как в том, так и в другом, будет зависить от задачи, от противника и от местных условий и может быть весьма не одинакова, но в основе расчетов все же должны лежать не стратегические, а тактические соображения.

Нельзя не подчеркнуть особой важности этого замечания, именно, для нашей красной армии, в которой привыкли слишком много приписывать стратегическим соображениям, недостаточно считаясь с тем, могут ли войска тактически исполнять поставленные задачи.

Выше были приведены нормы для боевого порядка дивизии, которую Балк выводит на основании опыта мировой войны в маневренный период. Мы остановимся на ней несколько подробнее, чтобы посмотреть, как она выведена и обусловлена.

Указав, что ширина фронта дивизии вряд ли будет превосходить 2 километра, Балк добавляет, что эта ширина естественно не будет занята стрелками равномерно. Наступление требует длительной поддержки из глубины резервами. С другой стороны, широкий фронт желателен, чтобы лучше использовать артиллерию и выгоды местности. Надо наметить фронт прорыва, где атака должна вестись особенно интенсивно и участок, на котором можно удовлетвориться достижением частного (вернее, частичного) успеха, в расчете, что они будут очищены противником под угрозой охвата.

Что подразумевает Балк под интенсивной атакой видно из нижеследующих его указаний.

В большинстве случаев батальон займет по фронту до 300 метров, т. е. около 400 шагов, имея две роты в первой линии, а остальные две будут следовать за ними. Пулеметная рота (12 пулеметов) остается при батальоне или получает другое задание: поддержка определенного участка, атака по особому заданию, фланговый огонь, организация пулеметной батареи. Ротный участок—150 шагов. Интервалы в цепи между людьми при движении до 6 шагов. Движение рот на узком фронте, широкими скачками, короткими и жидкими волнами, на расстоянии 200 метров (260 шагов) одна за другой.

Успех атаки основывается на сочетании огня с ударной тактикой, но в противоположность с прежними взглядами (до великой мировой войны), немцы теперь уже не учат, что лучшим средством к продвижению является достижение огневого перевеса.

За время войны все более крепло убеждение, что ведение огня по защитникам первой линии—дело артиллерии и что огонь окапывающейся пехоты имеет в этом смысле второстепенное значение. Открытие и ведение огневого боя главным образом ложится на пулеметы.

Сперва надо применять действие машинного оружия, а потом вводить в бой людской материал и рисковать его жизнью. Но, в итоге, все же не машина решает бой, а сила удара, заложенная в самих наступающих.

Все эти соображения очень важно иметь ввиду при оценке норм боевых порядков, чтобы видеть, что они выведены не из какихлибо арифметических расчетов, но связаны с определенной боевой практикой.

Из них видно, что расчет значительной плотности боевого порядка, от 2, 5 до 3, 5 штыков на 1 шаг по фронту, в германской тактике уже не выражает стремления получить в атаке перевес в ружейном огне, но основывается исключительно на соображении иметь достаточную живую силу для удара. Сила огня достигается большим числом артиллерийских орудий (батарея на батальон четырехротного состава), пулеметов (по два на роту) и ружей-пулеметов.

Приняв во внимание именно эти основания для расчета, можно, пожалуй, согласиться с мнением переводчика Балка т. Баторского, который в заключительной части, от своего имени, говорит, что даваемые Балком, в части касающейся маневренной войны, нормы могут вполне пригодиться и при обучении красной армии.

Весь вопрос в том, с каким противником красной армии придется иметь дело в будущих боях?.

Едва-ли можно отрицать необходимость основывать нормы боевых порядков на встрече с наиболее серьезным противником, который будет снаряжен и обучен со всею предусмотрительностью, извлеченною, именно, из опыта мировой войны.

Если же принять за основу это положение, то для красной армии придется еще увеличить плотность боевого порядка по сра-

внению с германской нормой, приняв во внимание относительно более слабое артиллерийское вооружение.

В таком случае для наступательного боя нашего батальона из 3-х рот по 150 штыков надо принять нормальную ширину боевого порядка по расчету 3, 5 штыка на 1 шаг, что составит не более 130 шагов, но осторожнее исходить даже из более узкой нормы в 100 шагов.

Но при таком расчете мы очевидно придем к нормам, которые слишком далеко расходятся с нашей боевой практикой.

Это об'ясняется тем, что нормы Балка выведены для сплошных боевых фронтов значительных сил, которых нет основания ожидать по крайней мере в ближайшее время по многим причинам общего политического и экономического характера, на которых не представляется возможности останавливаться в настоящей статье.

Между тем, общая прерывчатость стратегических фронтов не может не отражаться на стойкости и упорстве даже отдельных сплошных, более значительных участков. Вот почему нормы Балка надо считать несколько преувеличенными.

Сам т. Баторский, которому, конечно, нельзя отказать в знании боевого опыта, дает иную норму, а, именно, 2 версты на бригаду или 4—6 верст на дивизию, которая действительно подходит к случаям наибольшей плотности, которая могла быть достигнута на стороне красной армии в войнах последнего периода времени.

Так, например, 15 я армия на подступах к Варшаве была сосредоточена на фронте в 25 верст, имея всего 27.000 бойцов, в том числе около 21.000 пехотных бойцов, что дает на 2 версты—1.680, а на 1 версту около 840 пехотных бойцов. По норме, приводимой т. Баторским, оказывается на 2 версты около 4.000, а на 1 версту около 2.000 штыков, но надо принять во внимание, что 15-я армия, как и другие, была в большом некомплекте. По ныне действующим штатам она могла быть, примерно, вдвое сильнее. Если бы стратегия в середине августа 1920 года располагала войсками по современному штату, то она могла бы достигнуть указанной выше тактической плотности, которая составляет около 1, 3 штыка на 1 шаг по фронту.

Для простоты можно принять норму плотности боевого порядка в наступательном бою около 1 штыка на 1 шаг, не придавая ей слишком безусловного значения.

Для оборонительного боя Балк не дает никаких новых норм, ссылаясь на то, что новое германское наставление для боя пехоты не упоминает об обороне, как бы признав, что основные положения позиционной войны вполне применимы и для маневренной войны. Он ограничивается лишь указанием, что принцип разделения огневого и ударного действия, выдвинутый позиционными условиями боя, остается в силе также и при обороне в условиях маневренной войны, а также, что часть стрелков при обороне может быть с успехом заменена пулеметами, чтобы освободить живую силу для ударных действий.

Наш полевой устав, основываясь, именно, на позиционной войне в ст. 645 говорит: чем более пулеметов, тем меньше может быть стрелков в окопах; в среднем на каждого стрелка расчитывается четыре шага по линии огня.

Но этот расчет имеет в виду только первую линию окопов. В остальном надо руководствоваться общей нормой в 3 версты на полк прежнего состава, считая в батальоне, примерно, 800, а в полку 3.200 штыков, при 8 пулеметах. Надо, впрочем, заметить, что по статьям полевого устава трудно судить, к какой организации они относятся. Приложение IX к ст. 338 определенно ссылается на новую организацию, но удвоенный фронт бригады по сравнению с полком и боевые фронты дивизии и корпуса по ст. 477 дают основание предположить, что здесь имеется в виду старая организация.

Общее указание на то, что батальон при обороне может занять до 1 версты приводит к норме 800—1.000 штыков на 1.500 шагов или 0, 5—0, 7 штыка на 1 шаг.

Если утроить число защитников первой линии окопов (по расчету 1 штык на 4 шага), то получим также около 0, 7 штыка на 1 шаг или 3 штыка на 4 шага.

Но эти нормы мало соответствуют условиям маневренной войны в современных обстоятельствах.

Боевой опыт в 16-ой армии западного фронта привел к другой норме, на которую и ссылается т. Баторский, в своем разборе Балка.

Эта норма имеет ввиду, так называемое, групповое расположение которое состоит в группировке войск, примерно по батальонно, на важнейших путях и рубежах основной позиции, с прикрытием районов, занятых войсками сильным ближним охранением в $1^1/_2$—2 верстах от каждого ядра группы.

Основанием для вычисления плотности такого расположения может служить указание, что батальон должен занять известную группу населенных пунктов на пространстве примерно 8—10 кв. верст, что соответствует длине фронта около 3 верст.

Принимая боевую силу батальона в 300—450 штыков, получим, норму в *15—10 шагов на 1 штык*, не принимая в расчет резервов.

Чтобы принять в расчет резервы, надо иметь ввиду примерно следующую группировку:

В дивизии все 3 бригады в боевых участках; в каждой бригаде 1 полк в дивизионном резерве и 1 баталион в бригадном резерве; в каждом полку по 2 роты в полковых резервах.

При такой группировке в боевых участках будет 3 батальона и 2 роты; общее протяжение фронта может быть около 12 верст; боевой состав бригады можно принять в 4.000 штыков, что составит *$4^1/_2$ шага на 1 штык*.

Первую норму в 10—15 шагов на стрелка можно принять для обороны с целью выигрыша времени, вторую в 4—5 шагов на стрелка, для более упорной обороны.

Интересно сравнить эти нормы с теми, которые дает боевой опыт 10-й дивизии в бою под Ново-Минском 17 августа 1920 года, о котором мы уже упоминали.

В этом бою 30 и 29 бригады, в составе 1.886 штыков со слабой артиллерийской поддержкой, вели упорный бой с сильным противником, который располагал бронепоездом, бронемашинами и танками. Боевой фронт был около 12 верст, что дает около 10 шагов на 1 стрелка, т. е. норму почти совпадающую с той, которую мы вывели для обороны с целью выигрыша времени.

Бой окончился неудачно для 10-й дивизии, но, главным образом, по причине крайне невыгодной стратегической обстановки.

Подход к полю сражения.

Разобрав нормы плотности боевых порядков, обратимся к следующим вопросам программы о сходстве боевых и походных порядков и преднамеренной группировке сил, которые можно об'единить под общим вопросом о подходе к полю сражения.

Как известно, наши оффициальные наставления рекомендуют вообще движения по бригадам, справедливо считая, что дивизионные колонны слишком глубоки, а полковые слишком умножают число колонн и затрудняют поддержание связи.

М. Н. Тухачевский, в цитированной выше статье, определенно указывает, что на восточном фронте походные движения, как норма, производились по полкам; бригада в одной колонне встречалась реже.

Для войны с Польшей трудно пока с точностью указать, какой способ движения практиковался чаще. Насколько можно судить по отдельным сведениям, движение по-бригадно применялось чаще, чем на восточном фронте, но часто двигались и по полкам.

При этом можно определенно сказать, что войска предпочитали двигаться, именно, по полкам. Такое мнение, по крайней мере, приходилось слышать от командиров полков и от многих командиров батальонов. Следует иметь ввиду, что, не взирая на трудности связи, к движению по полкам побуждал целый ряд очень серьезных соображений.

Прежде всего войска просто не были обучены движению в глубоких колоннах, не доставало маршевой дисциплины. Кроме того, затруднялось совместное движение нескольких частей, которое приводило к разного рода недоразумениям, как при организации маршей и охранительной службы, так и при остановках на отдых.

Автору этих строк не раз приходилось слышать вопрос строевых начальников с хорошим боевым опытом: почему это нас обучают, что надо двигаться по-бригадно, между тем всегда лучше выходило, когда двигались по полкам?

Не маловажное значение при организации маршей имело всегдашнее почти отсутствие сведений о противнике; стратегической

разведки почти не было. Поэтому приходилось двигаться „на ощупь“, в постоянной готовности к встрече с противником, что также побуждало к движению широким фронтом, по полкам.

К тому же побуждали хозяйственные соображения и удобство расположения на ночлег. При слабом распространении основных понятий из стратегии и тактики эти соображения играли нередко первенствующую роль. Да и трудно было бы винить командиров бригад и полков в таком пристрастии к полковым колоннам, когда, при полном почти отсутствии подвоза, каждый полк должен был сам заботиться о продовольствии из местных средств. Та же забота возбуждала очень ревнивое отношение к населенным пунктам, которое не могло не приводить к недоразумениям при размещении нескольких полков в одном и том же районе.

Наконец, еще одна из причин предпочтения самостоятельного движения по полкам заключалась в организации транспорта. Как известно, весь гужевой транспорт был основан на собирании обывательских подвод, которое производилось не только бригадными, но и полковыми хозяйственными управлениями. В действительности, при быстроте наступления к Варшаве, настоящий и единственный обоз только и составляли те повозки, которые следовали с полками, побатальонно. Обоз 2-го разряда уже оставался далеко в тылу, а бригадных и дивизионных транспортов войска почти не видели. Очевидно, что сбор подвод был легче, когда полки двигались каждый по своей дороге. К тому же при таком порядке движения никто не мешал каждому батальону тащить за собой свои повозки, в глубине полковой колонны, тогда как в глубине общей бригадной колонны такое размещение повозок представляло большие неудобства и вело к очевидным затруднениям.

В заключение нельзя не заметить, что если в войну с Польшей и производилось движение по-бригадно, то оно все же не давало настоящей практики в движении глубокими колоннами ввиду того, что полки были в очень слабом составе: в лучшем случае это были слабые батальоны прежнего состава старой армии и очень часто были не более, как ротами.

Так или иначе, но в войсках не могло выработаться навыков в движении не только в дивизионных, но и в бригадных колоннах, в составе близком к штатному и с этим явлением еще долго придется считаться.

Бороться с ним необходимо хотя бы потому, что движение в бригадных колоннах с другими родами войск составляет первую основу всех совместных действий. Эта азбука для взаимодействия различных частей и различных родов войск, а также азбука для командования ими. Возможно, что одна из причин непривычки к бригадным колоннам, именно, и скрывалась в недостатке управления со стороны бригадных командиров, которые, насколько известно, отличались наиболее слабой подготовкой.

Но учиться это одно, а применять на практике—это другое.

Вот почему, разбирая на практике способы подхода к полю сражения в войне ближайшего будущего, надо считаться с тем, что пехота будет двигаться в мелких колоннах, иногда в бригадных, чаще в полковых.

При таком условии и должно было обнаружиться то сходство боевых и походных порядков, о котором говорится в программе, данной для настоящей статьи. Точнее будет сказать, что это сходство сложилось для походных и маневренных порядков: войска ходили таким способом, каким в прежнее время они двигались уже с началом развертывания в боевой порядок, когда глубокие бригадные и дивизионные колонны разбиваются на более мелкие, в полной готовности выслать стрелковые цепи и разойтись по боевым участкам.

При слабом командовании и слабой подготовке войск, а также при недостатке дисциплины, такой способ движения наиболее обеспечивал непосредственную боевую готовность частей, но, с другой стороны, имел большие неудобства в том же боевом отношении.

Первое из них уже упоминалось—это трудность поддержания связи, второе—недостаток поворотливости общего фронта движения, третье— едва ли не самое коренное—преднамеренная и, при том, шаблонная группировка сил и четвертое—отсутствие резервов.

Чтобы ходить по полкам надо иметь хороших командиров полков и достаточно богатые средства связи.

Хорошие полковые командиры — это задача подготовки мирного времени, которая должна включить в свои программы не только тактику, но и стратегию: общее направление, движение, общий фронт его и группировка сил перед боем и в бою—все это понятия уже не тактические, но стратегические, с которыми в то же время должны вполне освоиться командиры современных полков, чтобы придать подходу к полю сражения то единство, которое от него требуется, несмотря на все трудности управления широким фронтом движения.

В большинстве случаев на таком фронте, при встрече с противником, уже нельзя ожидать приказания или хотя бы указаний старшего начальника. Надо решаться самому. Не всегда можно и нужно попросту продолжать движение по прежней дороге с тою скоростью, какую допустит противник. Иногда нужно итти по прежней дороге, иногда потребуется свернуть; в одном случае надо атаковать немедленно противника, не останавливаясь даже перед большими потерями; в другом—потребуется выдержка или даже заманивание противника, чтобы, например, дать время изменить фронт движения, или охватить противника другими колоннами.

Из этого видно, что движение по полкам вовсе не так просто, как может казаться. Если в общей бригадной колонне один только бригадный командир может знать стратегическую обстановку и с ней сообразоваться, то при движении по полкам это входит в обязанности каждого командира полка, притом все они должны видеть и судить

одинаково, хотя и находятся в разных местах. Облегчить положение могут только средства связи, но готовность их составляет уже задачу не тактики, а организации. Тактика может только указать, что они необходимы не менее того количества, которое назначено по штатам. При этом главный, да, пожалуй, и единственный надежный способ связи—это конные ординарцы.

Расчитывать на телефон, при походном движении несколькими мелкими колоннами, не приходится. Автомобили, мотоциклеты и самокаты при их современном состоянии, на наших дорогах,—средство малонадежное; к тому же, чем больше дорог будет занято при походном движении, тем труднее расчитывать на хорошее качество дорог. Обывательские повозки серьезным средством связи служить не могут. Поэтому заботы мирного времени должны быть обращены на выработку в полках хороших конных ординарцев.

Чтобы облегчить устройство связи и одновременно ослабить многие неудобства движения мелкими колоннами вблизи от противника, можно посоветовать делать своевременно общий привал для всех колонн, чтобы уровнять движение и дать необходимые указания и ориентировку перед выступлением в бой. Но такой привал надо назначить не слишком рано, а, в особенности, не слишком поздно, чтобы войска не стали на привал по букве приказа в то время, когда им надо уже начинать общий бой.

Недостаток поворотливости широкого фронта мелких колонн понятен сам собою. Для ослабления его необходимо прежде всего иметь заблаговременное предупреждение о предстоящей перемене направления движения, а затем вести постоянную разведку дорог, которые могут для этой цели понадобиться; нужны также и меры непрерывной связи с соседними колоннами, чтобы своевременно узнать о перемене направления их движения.

Из этих мер важнейшая—своевременное предупреждение, которое зависит от постановки стратегической разведки и стратегического охранения.

От правильного и энергичного выполнения тех же видов полевой службы зависит устранение возможных невыгодных последствий и другого свойства длинной линии небольших колонн, а, именно, преднамеренной группировки сил, которая при этом оказывается.

При нормальных условиях, когда войска имеют полную возможность двигаться по-бригадно или целой дивизией в одной колонне, они, конечно, не могут так быстро развернуться, как при движении по полкам, но за то находятся в сборе и могут развернуться в каком угодно направлении. Развертывание решается тогда, когда общее направление уже окончательно выбрано, причем ему в значительных силах обыкновенно предшествует переход из походного порядка в маневренный, в котором полки продолжают еще движение в походных колоннах но распределяются уже по боевым участкам и в резерв и получают, соответственно, каждый вполне определенное направление.

Боевой порядок при этом еще не будет построен, но в главных чертах предусмотрен или предрешен и внести в него крупные изменения будет уже затруднительно.

Если мы теперь представим себе дивизию или бригаду в движении в линии полковых колонн, то это будет для нее уже маневренный порядок с преднамеренным боевым порядком, при том в одну линию.

Спрашивается теперь, что может означать такое определенно принятое направление движения широким фронтом, которое уже трудно изменить, как не созревшее уже решение старшего начальника, заранее развернувшего свои силы именно так, как он считает необходимым и наиболее выгодным для достижения цели?

Но, очевидно, что такое, не допускающее изменений, развертывание может быть выгодно только тогда, когда цель и обстановка достаточно выяснены и когда приняты возможные меры, по крайней мере, против слишком опасных случайностей, могущих перевернуть всю обстановку.

Одною из мер, чтобы предупредить такие неблагоприятные случайности при недостаточно выясненной обстановке может служить известная форма марша (хотя бы в одну линию колонны), которая давала бы возможность до известной степени изменить направление движения, или сохранить часть сил в резерве, например, двигаясь по кривой линии, обращенной выпуклостью к противнику, или сохраняя уступы на флангах.

Другая,—более действительная мера, годная при всякой форме марша, заключается в инициативе всех младших начальников, начиная от командиров полков, о которой уже упоминалось по поводу необходимой подготовки командного состава. Эта инициатива должна проявляться, как в движении на выстрелы, так и в необходимой выдержке, если этого требует общая обстановка, но, во всяком случае, должна выказывать деятельность и напряжение сил, чтобы не упустить своего главного преимущества—готовности к бою.

Но против серьезного и активного противника условия безопастности и успешности движения могут быть выполнены лишь при широкой стратегической разведке и стратегическом охранении. Но как раз по обоим этим отделам полевой службы в действиях красной армии было много недостатков.

Вопрос о стратегической разведке в значительной мере составляет вопрос организации. Необходимы средства для воздушной разведки, нужна стратегическая конница, нужна тайная разведка. Не имея средств трудно, конечно, наладить такое дело, как разведка на широком фронте, в особенности, имея дело с противником, который обладает необходимыми средствами. Но стратегическая разведка должна быть в руках старшего начальника, поэтому снова нужны средства связи для передачи сведений в колонны. При движении широким фронтом на такую передачу неизбежно потребуется много времени, а потому необходимо, чтобы колонны имели свою конницу,

как для своей разведки, так и для связи с стратегической конницей. Эта конница может быть дивизионной или бригадной, но последняя на широком фронте выгоднее, так как иначе сведения от дивизионной конницы могут запаздывать. Подобная децентрализация в разведке, конечно, имеет свои невыгоды, но они являются как-бы естественным последствием общих невыгод движения широким фронтом и мелкими колоннами. Раз приходится предоставлять известную свободу действий младшим начальникам, необходимо облегчить для них и организацию разведки. Но раздавать конницу для разведки по полкам было бы уже невыгодно, а потому необходимо, чтобы каждый стрелковый полк имел достаточное число конных разведчиков для связи с бригадной разведкой и своей разведки.

В войну с Польшой по этой части много было ошибок. Конных разведчиков при полках было недостаточно, и, сверх того, их применяли не по назначению. Нередко командиры полков лично производили с ними разведку противника, но уже на близком расстоянии обращали разведчиков в свой конвой. Часто разведчиков применяли как боевую конную часть. Между тем, службой раз'ездов пренебрегали и высылать их не умели.

Надо однако заметить, что служба раз'ездов может быть полезна лишь в том случае, если разведчики или, по крайней мере, старшие в раз'ездах знают свое дело, между тем знания такого не было, а потому и приходилось применять разведчиков, как ординарцев или как боевую силу.

Надо также иметь ввиду, что правильная организация полковой конной разведки зависит от организации и деятельности бригадной разведки. Если эта последняя действительно хорошо организована, то одна из важнейших задач полковой разведки будет в поддержании непрерывной связи с бригадной разведкой, чего можно всегда добиться; задачи полковой разведки в этом случае вообще будут достаточно просты и исполнимы. Но когда нет никакой уверенности в надежности бригадной разведки и связь с ней не поддается усилиям, тогда и полковая разведка не может быть, как следует, организована и не может иметь успеха.

Под стратегическим охранением мы подразумеваем те особые меры для обеспечения безопасности походных движений, которые указаны в ст. 400 полевого устава и состоят в занятии переправ, горных перевалов и опорных пунктов на фланге движения, в высылке конницы для захвата теснин на пути движения колонн и т. п.

Особенное значение имеют меры для обеспечения флангов движения. Длинный фронт из небольших колонн представляет слишком выгодную стратегическую цель для атаки во фланг, если противник обладает какой-нибудь предприимчивостью. Подобным ударом можно разбить по частям целую армию или, по крайней мере, спутать и задержать все движение. Но указанные меры должны быть приняты

старшим начальником по соображению с общей стратегической обстановкой.

Вопрос о резервах имеет не меньшее значение, чем вопросы о стратегической разведке и охранении. Движение широким фронтом в линии небольших колонн представляет, в сущности, выгоды лишь против слабого противника, так как не дает возможности соединить выгоды направления с достаточной силой удара. Недостаток таких резервов был очень часто причиной неуспехов или неполных успехов красной армии в период наступления к Варшаве, на р. Нареве, на р. З. Буге и на подступах к р. Висле. В статье „Из опыта трехлетней войны", помещенной в №№ 4 и 5 журнала „Революция и Война" за 1921 год приведен по этому поводу целый ряд поучительных примеров, которые мы не будем здесь повторять.

Можно лишь добавить, что растянутое движение мелкими колоннами против активного противника не только не представляет решительных выгод, но должно считаться опасным, ввиду легкости прорыва на фланге.

Если можно сделать перегруппировки, когда инициатива всецело на нашей стороне и противник не проявляет активности, то едва ли можно определенно расчитывать на их успешность при противоположных условиях. Донесения и распоряжения могут запоздать, на перегруппировки может не хватить времени, наконец, войска могут ввязаться в бой и оказаться не в состоянии исполнить необходимые передвижения. Достаточно себе представить движение по полкам хотя бы одной дивизии, приняв в расчет небольшой состав этих полков, не достигающих даже силы батальона прежнего времени, чтобы увидеть всю нецелесообразность и рискованность подобного движения против серьезного противника. Оно может привести к успеху лишь в некоторых случаях и, если такого случая не имеется определенно в виду, то знаменует собою просто отсутствие всякого управления и стремление высшего начальника сложить всю ответственность на начальников колонн. Без резерва никакое управление не осуществимо.

По этому поводу может выдвинуться старый вопрос о пользе или даже допустимости стратегических резервов. Но, во-первых, опыт мировой войны уже разрешил этот вопрос в сторону необходимости этих резервов, а, во-вторых, в данном случае, при движении линии полковых, т. е. по старому батальонных, колонн, речь идет даже не о стратегических, но о тактических резервах более крупных частей, т. е. бригад и дивизий. Казалось бы вполне очевидным, что, по крайней мере, без этих резервов обойтись невозможно.

Наличие их может быть достигнуто направлением по одной дороге двух полков или целой бригады в общей колонне или по эшелонно. При отсутствии навыков в движении глубокими колоннами последний способ представляется более целесообразным.

Но кроме этих резервов, в зависимости от обстановки, могут понадобиться еще и более глубокие, стратегические резервы, какие

были во время наступления к Варшаве, но ко времени подхода к р. Висле были уже израсходованы.

Вопрос о тактических „походных“ резервах стоит в тесной связи с распределением и применением артиллерии. Движение по полкам заранее и неизбежно приводит к невыгодной разброске батарей по полкам. Привычкой и охотой к подобным движениям в значительной мере надо об‘яснить вообще разброску артиллерии, которая замечалась на западном фронте.

Чтобы достигнуть сосредоточения артиллерии и сохранить управление, по крайней мере, в руках комдивов, надо иметь резервы из пехоты с артиллерией за первой линией колонн, как указано выше.

Бои.

В ведении боя при современных условиях, с подходом к противнику небольшими колоннами на широком фронте, программа указанная в начале статьи правильно намечает следующие особенности: быстроту вступления в бой, затруднительность маневра на поле сражения, самостоятельные участковые бои небольших колонн, трудность массирования артиллерийского огня и длительность боя, несмотря на то, что разреженность порядка движения как будто бы приобретает быстрое решение.

Быстрота вступления в бой зависит от небольшой силы охраняющих частей (от полка—батальон в 450 штыков с заставами*), небольшой глубины колонн и одновременности их появления на поле боя.

В ней, как и в инициативе частных начальников, должно проявиться главное *преимущество движения небольших колонн на широком фронте.*

Таким образом, одним из основных побуждений должно быть— извлечь выгоды из более ранней боевой готовности, но это начало должно найти себе различное применение в зависимости от общей цели боя и обстановки.

Во встречном бою решение складывается просто: нужно быстрее атаковать противника, по возможности застигнуть его в походной колонне, принудить к обороне, захватить выгодные пункты, чтобы и оборону сделать невыгодной. Тоже при преследовании противника.

При подходе для атаки противника на заблаговременно занятой им позиции надо развивать общий план действий, который иногда будет требовать внезапной атаки после короткой и осторожной разведки, а иногда сведется вначале только к разведке и подготовке; в первом случае быстрота вступления в бой сыграет свою роль, во втором—она не будет иметь существенного значения; могут быть слу-

*)Во время наступления к Варшаве и того не было; не мало полков были сведены в двух батальонный состав; охранялись заставами или просто разведчиками.

чаи, когда преждевременная атака поведет лишь к напрасным потерям.

В оборонительном бою или в оборонительном маневре, быстрая готовность к бою полезна, но применить ее придется для атаки противника лишь в известной, более благоприятной обстановке; во многих других случаях инициатива действий в первое время будет на стороне противника, а потому придется начать дело с перегруппировки, до окончания которой вступление в решительный бой было бы преждевременным.

Отсюда видно, что хотя быстрота вступления и *может* быть одним из выгодных свойств „разреженных" порядков движения, но это не значит, что она всегда *должна* проявляться. Таким образом резреженные порядки, как и всякая тактическая *форма*, не могут быть одинаково выгодны для всех случаев, но должны применяться или, по крайней мере, видоизменяться смотря по обстановке.

Тем не менее, если не быстрота, то *готовность вступить в бой* является все же преимуществом разреженных порядков. Эта боевая готовность может дать случай для применения быстрых и решительных действий, если не в самый момент сближения с противником, то в последующие моменты благоприятного стечения обстановки, которая в каждом бою может быстро изменяться, а, *в особенности, приобретает такие изменчивые свойства при столкновениях на широком фронте*.

Но нужно, чтобы все частные начальники были, что называется, „на чеку", чтобы не упустить благоприятных случайностей.

Во встречных боях и при преследовании противника разреженные порядки могут чаще доставить выгоды, чем в других положениях, но они возможны и в других случаях. Нельзя не отметить еще и другого, очень важного преимущества разреженных порядков, на котором проведенная выше программа почему-то вовсе не останавливается.

Это преимущество—*ширина фронта*.

Как всякое положение, эта ширина фронта имеет свои положительные и отрицательные стороны. К отрицательным сторонам относятся: разброска сил, трудность связи и управления. Положительные стороны составляют: развлечение внимания противника, более доступная возможность найти слабое место в его расположении, или воспользоваться благоприятным стечением обстановки (как выше указано), угроза флангам и тылу противника, благоприятные условия для охватывающего или флангового огня.

Но сюда не лишнее присоединить и еще одно свойство широкого фронта для движений и действий, которое с военно-научной точки зрения, в сущности, следует считать скорее недостатком, нежели выгодой, но которое, тем не менее, может не только казаться преимуществом, но даже дать действительные преимущества хотя и относительного значения. Мы подразумеваем здесь незави-

симость действий не крупных частей, в частности, стрелковых полков с небольшими частями других родов войск. Такая независимость, конечно, должна служить признаком недостатка тактической подготовки для действий в больших войсковых соединениях. Но при недостатках высшего управления, при полном почти отсутствии дальней стратегической разведки и при недостатке настоящей боевой дисциплины—„отрядные" действия бригад и полков могли развиваться успешнее, чем действительно об'единенные действия более крупных соединений на более ограниченных участках. Последние проявляли свое преимущество при известной подготовке, например при первоначальном прорыве польского фронта на Лепельском направлении, когда действительно значительные силы были сосредоточены на тесном фронте. Но с развитием широких маневренных действий условия изменялись. Не малую роль играло уже одно назначение определенного и не смешанного с другими участка или направления на полную ответственность данного полка. Не даром строевые начальники, как уже упоминалось выше, выражали мнение, что „когда действовали по полкам, то выходило лучше".

Это не значит, что в действительности так именно и следует, действовать даже при другом составе и другой подготовке, но „выходило лучше" при наличных свойствах и особенностях красной армии.

В сущности, действия растянутыми фронтами обозначали не что иное, как стремление решать все тактические задачи стратегическими приемами,—выводить их из тесных рамок тактики на широкое поле стратегических комбинаций. Нечто подобное, как известно, проявилось и со стороны революционных армий Франции в эпоху войн Великой Французской Революции.

Тогда, как и теперь, не руководствовались, вероятно, именно таким определенно выраженным принципом—решать стратегически тактические задачи, но общие приемы действий сами слагались под сложным взаимодействием недостаточной тактической подготовки и как-бы инстинктивного стремления найти наименее крепкие пункты противника, обойти его, угрожать его путям отхода, одновременно распространяя ужас беспощадного отношения к тем, которые окажутся захваченными.

Перейдем теперь к условиям дальнейшего ведения боя из разреженного порядка, образованного движением линии небольших колонн на широком фронте.

Нельзя не признать, что именно небольшая глубина колонн может затруднить маневрирование на поле боя.

Не имея сильного авангарда и далеко выдвинутого охранения, она скорее окажется в полосе артиллерийского, а затем и пулеметного огня противника. Сверх того, небольшие силы колонны не могут дать очень широкого боевого порядка. Фланговые движения вблизи от противника также не могут не затрудниться.

Вступивши в бой на значительном расстоянии от других колонн, небольшая колонна должна будет вести самостоятельный бой на своем участке, если только не окажется возможной, по крайней мере, артиллерийская поддержка с соседних участков.

Если не удастся сразу оказаться против незначительных или слабых по качеству сил противника, или не удастся поразить его внезапностью появления, то бой, при небольших силах колонны, естественно разобьется на ряд отдельных мелких боев за особенно выгодные местные предметы, что, в конце концов может привести к перевесу над противником, или к удержанию захваченного участка, но ожидать быстрой и решительной развязки не всегда возможно.

Вот почему в заключительном пункте программы, за которой мы следовали, указывается на влияние ширины фронта на длительность боев, хотя разреженность порядков как будто бы указывает на нормальность быстрого решения.

Из этих замечаний можно, пожалуй, притти к заключению, что развитие боя из „разреженных“ порядков в тактическом отношении далеко не со всех точек зрения представляется выгодным.

Да иначе и быть не может, если принять во внимание, что тактика ищет, вообще говоря, решения ударом сосредоточенными силами. Между тем, разреженные порядки создают такие положения, при которых силы остаются разорванными не только на театре войны, но и на поле сражения.

Эти невыгодные свойства разреженных порядков становятся особенно чувствительными, когда части или колонны их составляющие становятся слишком слабыми и неспособными к самостоятельным действиям, а частные начальники оказываются не на высоте положеия.

В этих случаях ни быстрота вступления в бой, ни ширина фронта уже не могут искупить недостатков, соединенных с разброской и без того слабых сил, а недостатки командования в соединении с недостатками связи придают бою характер разрозненных усилий, не об'единенных никакой общей целью, или хотя бы взаимодействием на пути к достижению частных задач.

Нельзя не заметить, что именно в таком положении оказывались нередко части красной армии в период наступления к Варшаве, а, в особенности, в период отхода, чем и надо в значительной мере об'яснить, как неполноту удач, так и последовавшие затем неудачи.

Чтобы сделать разреженные порядки более выгодными, надо предпослать им некоторые условия и внести к ним некоторые поправки, а именно:

1) Состав колонн, а, в особенности, количество пехоты в каждой из них должны допускать соединение с другими родами войск, а, в особенности, с артиллерией. Состав стрелкового полка в 200—300 штыков в отдельной колонне очевидно не отвечает этому условию. Он должен быть не менее 1.000 штыков и 12 пулеметов. Судя по нормам, которые приводит Балк, немцы считают возможным такое соеди-

нение, как батальон и батарея, но немецкий батальон имеет 4 роты, не менее 150 штыков каждая с несколькими ружьями-пулеметами, и, сверх того, пулеметную роту из 12 пулеметов и еще взвод из ружей-пулеметов.

2) Сила колонн и расстояние между ними, с тактической точки зрения, должны зависить от того, имеется ли ввиду на известном фронте вести ряд боев одновременно или один общий бой в непосредственной зрительной и огневой связи. В первом случае каждая колонна или группа колон должна быть достаточной силы для самостоятельных действий и противодействий противнику, как при прорыве, так и при обходе. Во втором—сила колонн и расстояния между ними должны быть соображены с проведенными выше нормами протяжения боевых порядков, в зависимости от задачи и обстановки.

3) За первой линией колонн на более важных путях должны следовать резервы, для чего надо составлять более глубокие колонны, до стрелковых бригад включительно, или же вести два-три полка по одной дороге эшелонами, с небольшими промежутками; кроме того, на важнейших направлениях должны быть более глубокие резервы, в особенности, при значительной длине операционных линий.

4) Имея в виду важное значение современного артиллерийского огня:

а) направлять движение мелких колонн с артиллерией таким способом, чтобы артиллерия действительно могла их поддержать по местным условиям;
б) следить за тем, чтобы колонны оказывали взаимную поддержку артиллерийским огнем;
в) на более важных направлениях, в ожидании более сильного сопротивления противника,—организовывать движение колонн каждой дивизии таким способом, чтобы сохранить, по возможности, управление артиллерийским огнем в руках начальника артиллерии дивизии.

5) Дать высокую тактическую подготовку частным начальникам, в особенности, командирам полков и командирам бригад.

6) Вести широкую стратегическую разведку и принимать меры для стратегического охранения, для чего иметь надлежащие средства для разведки тайной, воздушной и конной.

7) Иметь во всех колоннах достаточные средства связи, в особенности, конными посыльными, на больших расстояниях—радиотелеграфом, на хороших дорогах—автомобилями и мотоциклетками.

Заключение:

В предшествующем изложении далеко не исчерпан весь вопрос о ведении боя в условиях гражданской войны, понимая ее в самом широком смысле слова, как указано во введении.

Различные виды боя и взаимодействие разных родов войск едва затронуты. Многих частных вопросов вовсе не пришлось коснуться.

Но для того, чтобы исчерпать всю указанную тему, пришлось бы написать целую книгу,—новый курс тактики в связи со стратегией. Наша задача не была такой обширной. Она состояла в том, чтобы, придерживаясь известной программы, которая уже намечала наиболее интересные вопросы, наметить самый подход к теме и те пути, по которому ее можно было исследовать, оставаясь, при том, на почве действительных фактов и текущих потребностей и не слишком вдаваясь в беспочвенные, теоретические рассуждения.

Насколько это удалось, не мне судить, но считаю не бесполезным в заключении дать сжатый очерк тех общих способов, которые кажутся наиболее подходящими для разработки вопроса о ведении боя в гражданской войне, т. е., другими словами, для разработки тактики красной армии, а также и тех общих выводов, к которым можно уже притти на основании имеющегося материала.

Тактика в каждую эпоху зависит, главным образом, от технических средств боя, от свойств армии и от стратегии. Последнее очень часто упускается из вида, но имеет очень важное значение.

Если подразумевать под стратегией—только тактику театра войны, то между стратегией и тактикой очень трудно провести резкую границу. Тактика не только выполняет задачи, получаемые от стратегии, но развивает и продолжает ее приемы действий. Она воплощает стратегические приемы в действиях менее крупных соединений, чем те, с которыми имеет дело стратегия.

Это соответствие между стратегическими и тактическими приемами действий не ведет к их полной тождественности.

Стратегия, прежде всего, считается с общим направлением операции и с устройством тыла, как своего, так и противника; она не может не принимать во внимание политических условий.

Для тактики эти, очень важные сами по себе данные, нередко имеют второстепенное значение.

С другой стороны, тактика не может не считаться с техническими условиями боя и с топографическими, иногда даже очень мелкими, местными условиями, тогда как стратегия принимает в расчет лишь общую совокупность технических условий и вовсе не касается различных мелочей на местности.

Таким образом, тактика имеет свои принципы (начала) с которыми стратегия должна считаться, тем не менее общие приемы стратегии непременно отражаются на тактических приемах.

Стратегия в этом смысле как бы ставит тактику на рельсы, с которых она уже не может сойти, не рискуя катастрофой.

Разбирая вопросы тактики для красной армии, необходимо принять в расчет общий характер ее стратегических приемов действий, которые, прежде всего, выражаются в небольшой плотности стратегических фронтов, как на месте, так и в движении.

Отсюда неизбежно вытекает разреженность тактических порядков походных и боевых.

Но, как уже замечено выше, тактика имеет свои принципы, от которых не может уклониться. Один из них—технические условия современного боя.

Отсюда в тактике свои приемы для определения тактической плотности, к которой она должна стремиться, какова бы ни была стратегическая плотность.

Примирить эти, с одной стороны стратегические, с другой стороны—тактические требования, могут только стратегия и тактика обоюдными усилиями, идя друг другу на встречу.

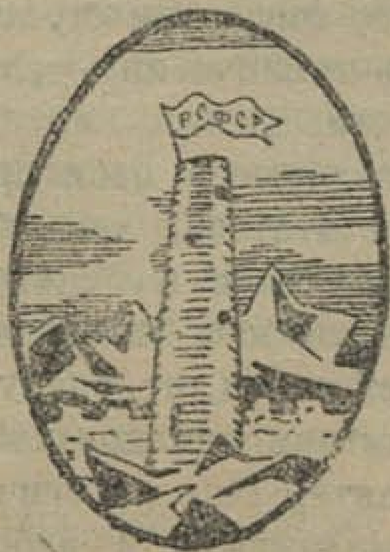
Тактика должна понять, что разреженные порядки, не смотря на некоторые невыгоды, для нее неизбежны по их зависимости от разреженных стратегических фронтов. Но она должна также в точности познать, в чем именно заключаются выгодные и невыгодные стороны тех положений, в которые она попадает с разреженными порядками.

Она должна не упускать выгодных сторон, усиливать их и бороться с невыгодными. Она должна принимать разреженные порядки лишь, как форму, применяя и видоизменяя ее в зависимости от обстановки.

С другой стороны и стратегия должна понимать, что она подчас задает тактике очень трудные задачи, вызывает на применение даже невыгодных форм для ведения боя. Поэтому стратегия красной армии, прежде всего, должна быть вообще очень хорошей стратегией. Она должна считаться с необходимостью в современных условиях даже частные тактические задачи решать известными общими, стратегическими приемами на широких фронтах.

Вместе с тем она должна помогать тактике стратегической разведкой и охранением.

В современных условиях, в особенности же, в разреженных порядках, ориентировка еще важнее, чем директивы.

М. Баторский.

Тактика или стратегия.

Большая современная война или малая отрядная.

(Этюд).

Одним из вопросов, давно требующих разрешения и ставших на очереди после окончания империалистической и гражданской войны является вопрос взаимоотношения тактики и стратегии; в зависимости от его разрешения можно эскизно наметить характер возможных в будущем войн и тех форм, в которые они выльются.

До войны 1914 года в вопросе воспитания и обучения армии придерживались того взгляда, что стратегия есть удел великих вождей и знать основы стратегии дело высшего командного состава от начальников дивизий и выше, а также генерального штаба. Младшие командиры, даже бригадные, почти с нею не были знакомы. Этого взгляда на указанную систему подготовки придерживались до начала войны 1914 года. Одной из причин приведших к этому было то, что начальниками высших соединений, дивизий и выше, предполагалось по преимуществу назначать лиц генерального штаба, которые считались наиболее подготовленными к этой роли, а, следовательно, считали, что в случае войны бояться за стратегические промахи не придется. Строевики же попадали на эти должности в виде исключения, а потому их в расчет и не принимали. Основных причин, приведших к такого рода системе прохождения службы я не знаю, но очевидно лишь одно, что особой почвы они под собой иметь не могли и скорее всего явилися продуктом работы одного из лиц генерального штаба, который хотел поставить эту касту в более привиллегированное положение, не учитывая дальнейших от сего последствий.

Таким образом, наша старая армия вступила в мировую войну, имея сравнительно большой процент тактически хорошо подготовленных начальников и крайне ограниченное число старших начальников, знавших основные положения стратегии.

В результате, после первых же месяцев войны, когда армию пришлось численно все больше и больше расширять, а в особенности, после наших чувствительных потерь в Восточной Пруссии, стоивших нам разгрома 2-х армий, у нас не оказалось кадра хорошо подготовленных старших начальников, а выдвигаемые за время войны, за боевые отличия, во многих случаях сами сознавались в своей полной неподготовленности. Говорят, что война создает героев; если это и верно, то еще не доказано, что каждый из героев—готовый полководец. В большинстве случаев, за войну, наши командиры полков сравнительно быстро продвигались до должности бригадных командиров включительно. Эта, казалось, промежуточная, к должности начальника дивизии, ступень должна была подготавливать их к ней, но на самом деле, в силу самой структуры и организации армии, резко отличавшейся от ныне принятой, выходило совсем не так и командиры бригад представляли собой лиц без определенных занятий, тогда как в штабах все лица были заняты, имея определенную работу; учить командира бригады никто не имел возможности и было поздно; благодаря этому он выступал в роли заместителя начальника дивизии или фактическим начальником дивизии с тем багажем знаний, который получил на школьной скамье и в стрелковой школе, если успевал ее пройти (прохождение ее не было обязательным).

Естественно, что по этой причине все управление в бою у таких лиц сводилось к шаблону и стереотипному руководству с отклонением в сторону тактического ведения боя в масштабе стратегических единиц.

По этой же причине эти начальники, в отношении управления дивизии и выше, все свое внимание обращали на мелочи, на детали, свойственные малому начальнику, т. е. командиру батальона или полка. Работа шла сравнительно удачно при наличии толкового начальника штаба, но, если мы вспомним, что уже в 1915 году на эти должности попадали лица генерального штаба, окончившие академию за 2—3 года до войны, то станет очевидным, что и они-то сами во многом грешили и не обладали должной подготовкой.

Не имея определенных данных в руках, я тем не менее позволяю себе считать, что если бы война не приняла чисто позиционного характера, а сохранила бы маневренность 1914 года, мы были бы разгромлены к началу 1915 года, ибо не знали основ войны большого масштаба; военного искусства в проведении операции почти не было видно, работали больше массой; не даром многие ближе к войскам стоявшие начальники называли наш способ действий „мужицкой стратегией". В дальнейшем, строго позиционная война сыграла нам не в руку, ибо создала опять таки тип шаблона и приучила всех без исключения к пассивности. Лишь путем долгого опыта и изучения

методов войны на Западе, мы научились и при окопной войне тактике маневра. Все вышеизложенное позволяет считать работу и подготовку старшего командного состава направленной по ложному пути. Основные ее ошибки заключались в том, что командиры, вышедшие из рядов армии, знали тактику и, в большинстве случаев, лишь своего оружия но зачастую не имели ни малейшего понятия о стратегии. Старшие же начальники из лиц генерального штаба знали стратегию, но не служа почти в строю, не будучи спаянными с войсками, будучи теоретиками, не знали тактических свойств отдельных родов войск фактически, благодаря чему армиям в большинстве случаев ставились непосильные задачи. Недаром строевики так неодобрительно отзывались о наших штабах и их работе, называя их „застоявшимся болотом". Вряд ли кто станет оспаривать всю нецелесообразность такого положения. Если же старая армия выдержала почти 4 года войны, то этому, главным образом, мы обязаны позиционному характеру войны и второстепенности значения самого восточного театра для немцев, так как при большей активности, проявленной ими в начале 1915 года и в другие последующие периоды, мы только отбивались, но не били, а предпринятые с нашей стороны наступательные операции, увенчавшиеся успехом, можно перечислить по пальцам.

В отличие от войны 1914—1918 годов, последовавшая за ней гражданская война была всецело проникнута подвижностью и маневренностью. Здесь зачастую отсутствовали всякие уставные формы и существовавшие ранее нормы, которыми можно было руководствоваться. Во многих случаях нормы уступали место личному творчеству, построенному на знании психологии бойца и, целесообразности к тому же одухотворенной самой идеей революционной борьбы. Формы, в которые выливалась самая структура, рождавшейся на полях сражения, армии в значительной степени разнились от прежней.

Поэтому в период развивающихся за эту войну событий, элемент тактический в силу вещей должен был уступить место стратегии. От старшего начальника требовалось меньшее знание тактики и большее знакомство с основами стратегии, что вполне понятно, если принять во внимание маневренность боевых операций, невиданный размах, который приобретали отдельные эпизоды войны, широта фронта отдельных войсковых соединений и большая их самостоятельность.

Если бы ставшие руководителями бригад и дивизий, не говоря уже об армиях, начальники были бы более военно образованными и знакомы с новыми методами, к коим пришлось прибегать, исход гражданской войны, при существовавшей разрозненности действий наших противников, можно было бы ожидать значительно раньше. К сожалению, большинство начальников, прошедших главным образом

строевую службу, знали больше тактику и совершенно не знали или крайне поверхностно—все остальное. Им приходилось учиться одновременно и на своих ошибках, а между тем знание тактики в создавшихся условиях играло второстепенную роль. В этом отношении положение противников было куда выгоднее. Они обладали более подготовленным командным составом, с более широким военным кругозором. Поэтому первоначально успех должен был быть на той стороне, что и было фактически. К тому же противная сторона имела уже вполне готовые кадры для армии в лице старого офицерства и казачества, ударных и учебных частей и к тому же готовилась к войне, тогда как Советской России все это приходилось создавать заново. Даже этого беглого очерка прошлого достаточно для того, чтобы судить о том, насколько пагубной оказалась прежняя система, доставшаяся в наследство революционной России. Вместе с тем сама по себе Европейская война произвела огромный сдвиг во взглядах на тактику и стратегию.

Среди немцев стали уже раздаваться отдельные голоса, думаю тоже и в других странах Европы, принимавших участие в войне, указывающие на то, что вопросы тактики и стратегии настолько тесно связаны между собой, что при современных *) войнах отделять одно от другого не приходится, что каждый из строевых начальников должен быть знаком, как с тем, так и с другим. Разница лишь в том, что младшему начальнику придется больше опираться на элемент тактики, а старшему применять основные принципы стратегии, но, независимо от этого, младший начальник должен понимать свой маневр не только в узко тактическом смысле, а понимать взаимную духовную связь своей работы с общим планом операции. Последнее, между тем, почти не наблюдалось и младшие начальники не только не знали задач, поставленных армии, но не понимали многих явлений жизни армии, выходивших за пределы полка. В то же время старший войсковой начальник не сможет в полной мере использовать всех основных положений стратегии, если он не будет хорошо знаком с тактикой отдельных родов войск.

Такова общая картина.

Действительно, если проследить за отдельными операциями за время трехлетней гражданской войны, то увидим, что, зачастую, отдельному батальону или полку приходилось действовать совершенно отдельно, имея свой самостоятельный боевой участок и приданные части конницы и технических войск. В таких случаях даже такой небольшой части приходилось, действуя в общей связи со всем фрон-

*) Примеч. Ред. Редакция считает, что это положение не менее верно было и во времена Суворова.

том, работать на основах стратегической единицы. Зачастую вокруг такой небольшой единицы происходило наростание отдельных боевых единиц и создавался целый фронт или армия. Так было на восточном, южном и западном фронтах и на севере. Из отдельных батальонов, полков, отрядов выростали целые дивизии. Командиры отдельных батальонов и начальники отрядов, в силу создавшейся обстановки, выскакивали в начдивы и руководили стратегическими единицами. В силу создавшейся обстановки начальнику приходилось действовать с тактической единицей по стратегическим приемам. Сколько раз нашим бригадам приходилось оперировать на огромном фронте, который по старому времени занимался бы целым корпусом. Командиру бригады ставилась командованием фактически задача на корпус. Мог ли этот командир бригады применять только одни тактические приемы. Естественно нет. Такое положение, в отличие от войны 1914—1918 год., проходит красной нитью за время всех трех лет гражданской войны.

Веденная нами в 1920 году польская кампания со всей очевидностью говорит за то, что наши начальники, встретив в лице поляков хорошо подготовленных начальников, к тому же изучивших свойства нашей армии и ее особенности, зачастую не выдерживали испытания. Если мы били Колчака, Деникина, Врангеля, то не только вследствие морального превосходства и единства руководства, а так же и потому, что эти противники дрались по старым методам. Они не справились с красной армией, выдвинувшей против них новый метод и новые незнакомые им приемы войны. Армия французской революции разбила своих противников, внесла новую эру в военное дело. Ее система, с которой не были знакомы в Европе, дала ей ряд побед.

То же и здесь—офицерство старой армии, действовавшей против красной армии, работало, по старой системе и было бито. Иначе и не могло быть.

Поляки, имевшие больше времени на подготовку, и воспитанные на принципе маневренности, оказались более серьезными противниками. Разбить красную армию они не могли, но и последней не удалось нанести разгрома Польше. Конечно, параллельно с факторами, чисто военными, не малую роль с'играли и политические события, которые в совокупности и сказались на исходе кампании.

Возможно ли в будущем избегнуть войн, сказать не трудно. Все говорит за то, что окончательный мир установится не скоро и столкновения будут. Поэтому все страны Европы лихорадочно готовят свои войска и стараются полностью использовать опыт минувших войн.

Советской России, служащей яблоком*) раздора, придется также

*) Примеч. ред. Сов. Россия не яблоко раздора, а семя раздора.

с этим считаться и в одинаковой степени быть готовой. Готовность эта, помимо разработанных планов, наличия промышленности способной выдержать войну и строевой подготовки войск, требует особенно внимательного отношения к делу подготовки командного состава.

Поэтому придется обратить внимание на методы обучения и программу, которая должна дать универсального красного командира.

Техника и современный размах войн, как указывалось выше, требуют гораздо больших знаний от начальников, чем раньше. Поэтому знакомство их со стратегией является необходимым во всех отношениях. А так как при широте фронта элемент тактики тесно сплетается со стратегией, то *правильнее всего не делать такого разделения, как это было принято раньше, ибо найти грань, где кончается тактика и начинается стратегия почти невозможно, а необходимо ввести уже в военных школах преподавание того и другого, начав с тактических элементов и переходя впоследствии к стратегии.* Иначе говоря, начав с изучения работы и задач более мелких соединений, переходить к работе и задачам более крупных, подробно разбирая отдельные свойства родов войск, при действии их врозь и в совокупности, постепенно развивая и детализируя те вопросы, которые возникают по мере роста войсковых масс с коими приходится иметь дело. (Организация марша, подход к полю сражения, значение направлений, тыл, фланги и т. п.).

При этом младшему начальнику следует знать все это в общих чертах, старшему же начальнику—в более широком масштабе. Лишь при этой нераздельности можно ожидать хороших результатов и приобрести знающих командиров.

Вторым вопросом также не безинтересным является вопрос выяснения тех форм, в которые может вылиться будущая война.

Применение массовых армий в масштабе, напоминающем Европейскую войну, впервые мы видим в 1870—71 и 1866 годах; это были первые из кампаний, веденные в духе современности. На сражениях этих войн немцы построили всю свою теорию военного искусства и вели подготовку своих армий. По окончании этих войн вышли в свет мемуары Мольтке, а впоследствии ряд больших трудов в духе, „Большой современной войны“ Фалькенгаузена, являющихся фундаментальным трудом, дающим ответ на ряд вопросов по ведению больших операций. Война 1870—71 велась почти исключительно в духе маневренности, вследствии чего обороне уделялось мало внимания.

Война 1904—5 годов велась в исключительных условиях организации тыла. Наши войска, в отличие от японской армии, воспитанной на немецкой наступательной доктрине, были подготовлены исключительно к оборонительным действиям.

Когда нами была проиграна кампания, среди многих военных авторитетов зародилась мысль, что главной причиной помимо неудач и поражений, была наша пассивность. Не разбираясь в других вопросах, не изучая всех причин приведших к поражению, наиболее горячие головы выдвинули формулу „ничего кроме наступательного". В одном этом видели якорь спасения и залог успеха. Оборону забросили и перестали изучать и на всех учениях, на все лады, проходили наступление, учили и готовили войска к одному наступлению. В это же самое время немцы, сохранив в основе принцип инициативы, принялись за детальное изучение русско-японской войны, уделяя большое внимание вопросам обороны; но, в отличие от нас, они и обороне придавали активность, считая, что и в этом роде боевых столкновений можно и должно сохранить инициативу в своих руках.

Таким образом, в то время, как русская армия делала шаг назад, немцы сделали шаг вперед.

У нас характер будущих войн намечали, как нечто исключительно наступательное и предполагали, что в будущем войны не смогут быть длительными, ввиду того, что ни одна сторона, ни один народ не будут в состоянии выдержать столь большого напряжения.

В глазах немцев будущие сражения намечались в виде сочетания активных действий и оборонительных. В отношении продолжительности ведения кампании прямых указаний не было, но, принятые с началом войны 1914 г. предохранительные меры указывают, что Германия не расчитывала на скорое окончание войны, хотя и муссировала идею взятия Парижа в течении первых двух месяцев войны.

Таким образом, к началу 1914 года, в Германии, равно как и в других государствах, в общем, войну расчитывали вести подвижную, в сочетании отдельных активных и пассивных участков. В действительности же вся кампания, начиная с 1915 года, велась строго позиционная и маневрировать удавалось лишь на восточном фронте и на Балканах, где вопрос техники стоял ниже, чем на Западе, а следовательно было легче прорвать укрепленную линию и проявить активность в более широком масштабе.

Другой причиной, обеспечивающей в частности немцам прорыв наших линий, являлось их значительное превосходство в артиллерии и пулеметах, а также их опыт на Западе, которого у нас не было. У немцев он был практический, у нас теоретический. Мы начали войну, расчитывая выиграть ее накоротке, задавив противника массой. Это не удалось; перейдя к обороне мы оказались во многих случаях несостоятельными, ибо оборону, как таковую, забросили вообще, а с основами последней техники не все были знакомы.

Результаты получились естественно крайне неудовлетворительные, пока мы не научились воевать.

Кончилась война 1914—18 года. Везде приступили к изучению методов ведения современной войны. Каковы результаты этого изучения и что они дали, точно пока неизвестно, но надо полагать, что у многих возник вопрос, как же будет вестись война в будущем, будет ли она также строго позиционной или нет, будет ли преобладать элемент активности и возможно ли, вообще, ожидать от войск в будущем такого напряжения, какое было проявлено в Европейскую войну.

Последовавшая вслед за этим гражданская война велась на совершенно иных началах и должна была, казалось бы, опрокинуть все теории, построенные на опыте прежних войн.

В противоположность войны 1914—18 года отсутствовали сплошные укрепленные полосы, не было видно всех тех технических средств, которыми была так богата война 1914—18 г. при позиционной борьбе. Возможно, что одной из причин отсутствия этих смертоносных орудий была прежняя слабая обеспеченность ими русской армии, вследствие чего к моменту начала гражданской войны в распоряжении России их оказалось очень мало. Иностранцы же скупились в выдаче таковых нашим противникам, приберегая все более ценное для себя. Больше вероятий за то, что даже при наличии этих средств, война, в основе своей, велась бы все же с тем же широким размахом.

Таким образом, казалось бы, можно отрицать возможность в будущем сплошных окопов и позиций и считать, что они отжили свой век и даже скорее, чем это думали.

Как же фактически будет вестись война будущего? Нужны ли позиции и укрепленные районы, или всего этого не надо и война будет вестись на местности, где будут происходить столкновения без предварительной подготовки?

Что бы хотя приблизительно дать ответ на этот вопрос придется вкратце оттенить те факторы, которые будут влиять на войну, возможный ее исход и самые побудительные причины, вызывающие открытие боевых действий.

Европейская война, как и большинство пред‘идущих войн, велась из за обладания рынком; но так как открыто об этом говорить не всегда было удобно, войны маскировались национальными идеями. Лишь небольшие, местного характера войны, как Англо-Бурская и Триполитанская ничем не прикрывались и велись открыто с целью наживы.

При этом войска, служа орудием в руках правящего класса, выполняли планы последних не получая за это ничего и зачастую даже не зная, за что воюют. Пока войны велись в ограниченных рамках и народ не был втянут в мировую бойню в полном своем об‘еме, можно считать, что опасность со стороны революционно настроенных масс

не грозит и активно они не выступят, хотя обыкновенно в побежденной стране самый факт поражения порождал известный толчек и реакцию.

Европейская война, втянувшая в бойню миллионы людей, стоившая огромных денег и истощившая ряд государств, должна была привести к реакции. Наиболее неподготовленные и с слабым организмом страны должны были неминуемо пережить кризис. Народ не понимавший настоящих целей войны, или уставший служить тем, кто превратил его в пушечное мясо, должен был отказатся от бойни. Это был первый толчек, начало революционного движения, охватившего Россию, перенесшегося в Германию и получившего отголоски в Австрии, Баварии, Венгрии и других странах.

Дальнейшее развитие и эволюция мысли и жизненных устоев привели к Октябрьской революции в России и завершились впоследствии натиском буржуазии на Советскую Россию, приведшим к трехлетней гражданской войне.

Эта война отличалась от прежних не только по форме и замыслам исполнения, но и по самой идее борьбы. Здесь сам их народ защищал свою самостоятельность, свое право на управление и хозяйничание от посягательств прежних правителей.

Этот фактор сыграл не малое значение при самом ведении операции и во многом повлиял на исход войны. Героизмом отдельных вождей, под'емом духа, моральным состоянием войск, мы во многом обязаны именно этому двигателю. Он же двигал части вперед, помогал им переносить все невзгоды и побеждать. Как же иначе об'яснить события из польской кампании, победы в Крыму и другие примеры, коими столь богата гражданская война, где части превосходили сами себя, являя примеры неслыханной энергии и твердости. И можно ли было ожидать от войск столь быстрого возрождения после разгрома в Польше, если бы они не были проникнуты определенной идеей, служившей им руководящей нитью и дальнейшим двигателем!

В будущем при сохранении ныне существующей кон'юнктуры правительств, следует считать войны возможными и направленными в сторону угнетения пролетарских правительств—буржуазными, с целью их полного уничтожения, или наступательного движения пролетарских стран, об'единенных в одно целое, для поднятия пролетариата, прилегающих к ним стран, с целью расширения власти Советов и уничтожения буржуазного строя.

Как в том, так и в другом случае, участие в войне примет народ. На одной стороне он будет руководим своими вождями и поведет борьбу или за сохранение своего положения и самостоятельности, или за освобождение угнетаемых братьев; на другой стороне народ будет

руководим правительством, положение которого можно считать прочным постолько, поскольку оно даст победу и будет в силах поддерживать в войсках идею национального характера самой войны и ее целесообразности. Последнее еще возможно при вторжении красной армии в пределы соседнего государства и менее вероятно, в случае наступательных с его стороны намерений. В случае, если в армии буржуазных правительств отпадет идейная сторона и смысл войны будет утерян, крах неминуем.

Отсюда вытекает следствие, что фактор идейной стороны, как указывалось выше, во многих случаях будет играть доминирующую роль и повлияет на формы самого ведения войны и операций.

В современных условиях ведения войны придется обратить огромное внимание на внутреннее состояние страны и ее политической устойчивости на время кампании. Если только тыл воюющих частей окажется дезорганизованным, будет переживать волнения и неурядицы, в форме ли открытых восстаний, забастовок или чего нибудь подобного, армии может грозить большая опасность, ибо она может оказаться отрезанной от своей базы, а прожить без тыла продолжительное время крупные войсковые соединения вряд ли смогут.

Поэтому следует учесть это обстоятельство, указывающее на то, что будущие войны могут иметь одновременно 2 фронта: один внешний и другой внутренний.

Вероятность этих предположений подтверждается документальными данными. При наступлении на Колчака и Деникина, красной армии приходилось считаться с работой антисоветских элементов, действовавших в тылу армии и разрушавших его. Но как на Востоке, так и на Юге и на Кавказе первоначально это движение носило разрозненный характер и потому войскам удавалось сравнительно легко и небольшими силами расправляться с отечественной контр-революцией. На Украине, где и посейчас страсти еще не улеглись, работа и борьба в этом направлении поневоле отвлекали значительное число войск на внутренний фронт.

На польском фронте, хорошо организованное восстание в тылу войск по линии р. Буга, привело к потере обозов, материальной части и в конец расстроило отходившие части.

Наконец, всякого рода бандитизм есть то же стремление антисоветских организаций и белых правительств разрушить тыл страны и сделать ее не работоспособной.

При продвижении красных войск, с их стороны так же принимались все меры к тому, что бы поддержать свое наступление путем открытого наступления пролетариата, которое должно было помочь войскам покончить с армией противника. Чем крепче была взаимная

спайка тех и других, чем сильнее была организация и быстрота движения красных войск, тем больше шансов было на успех при своевременном выступлении масс.

Таково общее положение.

В будущем эта борьба в тылу безусловно должна будет принять организованные формы и к ней будут прибегать обе стороны, в одинаковой степени готовясь к ней. Следует ли из этого делать вывод, что в будущем вся война выльется в борьбу по очагам, так сказать, порайонно, и что прежних крупных сражений вследствие этого не будет?

Мне кажется это не верным. Наиболее вероятной комбинацией будет сочетание в будущих войнах масштаба больших современных операций с отдельными эпизодами малой войны, как на общем фронте, так, и, главным образом, в тылу.

В отличие от прежних войн, где на охрану тыла выделялось сравнительно мало войск, при такой обстановке каждому правительству придется иметь сравнительно большее число наиболее крепких и стойких войск для защиты и охраны тыла. Так, например, Польше пришлось в срочном порядке создавать знаменитые добровольческие формирования, которые защищали подступы к Варшаве и служили, вместе с жандармерией опорой власти.

Одновременно, сравнительная неопределенность общей политической обстановки заставит всякое правительство в силу необходимости иметь известное количество резервов внутри страны, которые послужат для парирования и отражения этих случайностей.

Поэтому соответствующий боевой фронт никогда не окажется столь насыщенным войсками, как в войну 1914—18 годов. Этой густоты не будет. А раз это так, то, надо думать, отпадет вопрос создания дорого стоющих сплошных укрепленных линий, ибо не хватит войск, чтобы расположить их в линию, а если это и будет сделано, то такое расположение может быть, в пункте наименьшего сопротивления, прорванным без особого труда. На западе поляки стремились использовать линию старых германских позиций по линии Барановичи—и по реке Стырь, но они по изложенным выше причинам оказались прорванными. Если же под Варшавой мы не могли сломить упорства врага, то исключительно потому, что подошли численно слабыми без тыла и с сильно уставшими войсками, тогда как противник выдвинул своих добровольцев.

Тем не менее, решение войны придется искать не в борьбе мелких партий в тылу, а в открытом сражении крупного масштаба, где армия одной стороны будет искать возможности разбить и уничтожить живую силу, т. е. армию другой стороны.

Это обстоятельство позволяет считать идею операций крупного масштаба безусловно не изжитой; но необходимость рассредоточения живой силы по цели (борьба на фронте и в тылу) заставит ту и другую сторону искать выхода в усилении своих сил путем замены их техникой (орудия и пулеметы). Самые же сражения будут вероятно вестись по правилам последнего слова военного искусства, с применением маневра, выражающегося в комбинированных действиях активных участков с пассивными и применением всех наличных технических средств. В отличие от прежних сплошных окопов, определенные участки границы (наиболее уязвимые) будут защищены укрепленными районами на небольшие гарнизоны, преследующие цель задержать противника на определенный срок (до окончательного сосредоточения и развертывания армии). Эти районы не будут вовсе напоминать прежних крепостей и их группировка будет несколько иная. Раньше крепость не всегда была тесно связана с административным центром, а строилась по чисто стратегическим соображениям. Сейчас же укрепленные районы или, иначе говоря, прежние города—лагери, как Бухарест, будут тесно связаны с административными центрами страны, ибо сохранение их в своих руках в неприкосновенности равносильно сохранению управления данным районом. До тех пор пока город в руках защитника, власть в его руках. С падением центра можно выписывать в расход власть в определенном районе.

Это надо иметь ввиду и, естественно, что вся оборона в будущем будет построена на этом. В промежутках же укреплений не будет и строить их особой надобности нет. Самое большое, что будут соответственно прикрыты переправы через естественные преграды или горные теснины и т. п., которые могли бы послужить естественным препятствием при продвижении и задержании наступающего противника хотя бы временно.

Оборона таких районов вероятнее всего будет построена на принципе обороны крепости и маневра войск, действующих в промежутках. Сила такого района будет заключаться главным образом в числе войск, их качествах и наличии большого числа пулеметов, орудий и других технических средств, могущих заменить живую силу.

Эти районы будут служить опорой при развитии операции, они же заставят наступающего отвлечь часть сил. Самый же исход боя придется искать в непосредственном сражении массы против массы. При этом эти массы конечно не будут напоминанием по своим размерам тех Макензеновских фаланг, которые мы встречаем в 1915 и 1916 годах, но, тем не менее, каждая из стран будет стремиться сосредоточить в решающем пункте наибольшее количество войск за счет ослабления второстепенных участков. Необходимость иметь войска

для охраны тыла и борьбы с возможными выступлениями, иметь специальные войска для обороны укрепленных районов и, наконец, для маневра и сражений, приводит к необходимости поднятия сравнительно большого контингента населения, способного носить оружие, в особенности, если учесть всякие тыловые учреждения, технические войска и т. п.

Не только самый размах войны и задач, ложащихся на плечи армии, но и все растущая техника вынудит каждое государство поднять почти поголовно все население и в этом отношении придется считаться с массовыми армиями и вождением войск, в духе большой современной войны, но с расчленением войск по цели.

Одни будут искать больших сражений, другие будут вести упорную борьбу в тылу.

Следовательно, можно считать, что в будущих войнах придется иметь дело с масштабом большой современной войны и параллельно с этим вести операции мелкого характера, как у себя в тылу, так и в тылу противника, причем то и другое будет тесно связано между собою и будет находиться в неразрывной зависимости одно от другого.

Изложенное выше может служить теми отправными данными, на которых придется строить будущее воспитание и обучение войск, а также и подготовку прифронтовой полосы.

В отношении первого вопроса, придется готовить командный состав, знающий хорошо тактические свойства отдельных родов войск и их взаимодействие, имеющий вместе с тем общее понятие о стратегии. Что же касается высшего командного состава, то таковой должен быть подготовлен к ведению больших операций, уметь разбираться в обстановке, быть в состоянии сочетать боевую работу тыла с работой фронта, как в смысле самой организации тыла, так и борьбы с элементами, стремящимися к его дезорганизации.

Последнее, в особенности, не легко, ибо требует умения экономного расходования сил, основанного на принципе целесообразности и объединения работы строевых начальников с административными и В. Ч. К. органами. Это требует большого навыка и опыта и, во всяком случае, основательной теоретической подготовки и твердой руки.

Кроме того, требуется умение организовать работу в тылу противника, дабы создать выгодные для себя условия при наступлении. Умелое сочетание этих трех действий дает известные гарантии на успех и выигрыш кампании. Недочеты одной из этих равнодействующих сейчас же скажутся на остальной работе и разработанном плане действий.

Наконец, останется соответственно подготовить самый театр военных действий, создать себе наиболее выгодные условия активной обороны, которая выразится в соответствующей группировке войск с одной стороны и укреплении тех или иных районов и пунктов, которые имеют для страны жизненный интерес. Подводя итоги вышеизложенному придем к выводу, что *армию нужно готовить в духе наступательном, но вместе с тем и способную к активной обороне, не боящуюся за свой тыл, не озирающуюся на таковой; с командным составом, приученным быстро разбираться, ориентироваться и приказывать, твердым и решительным, подготовленным к ведению широких операций при всякой, даже самой сложной и неожиданной обстановке, в то же время усвоившей все последние новшевства в области применения техники и знакомой с маневром в сочетании с обороной и защитой отдельных районов.* При таких условиях можно считать, что армия выдержит испытание, с'умеет драться и побеждать.

Н. Варфоломеев.

К вопросу об армейских оперпунктах.

(По опыту 16-й армии в июле—августе 1920 г.).

В процессе крупных боевых операций надлежащая организация связи является одной из наиболее трудных задач, благополучное разрешение которой в сильной степени облегчит работу командования. Опыт войн Республики за последние три года показал, что все операции враждующих сторон носили яркий отпечаток крайней маневренности. Амплитуды колебаний фронтов обоих сторон достигали зачастую весьма внушительных размеров, исчисляясь в сотни верст. Преследование и отходы совершались в условиях крайней стремительности и, как обычное явление, велись по всему фронту данной стороны. Достаточно вспомнить историю и результаты походов наших врагов—Колчака, Врангеля и Деникина, а также отступление поляков к стенам Варшавы в июле—августе 1920 г. и последовавший затем наш отход в сентябре месяце того же года, чтобы признать справедливость высказанных выше положений.

Ясно, что установление и прочное поддержание связи в подобных условиях—задача нелегкая, требующая для удовлетворительного ее разрешения больших материальных средств и, главное, умелого, чисто практического подхода к делу. К этому надо еще присоединить необходимость развития максимальной энергии, дружной и согласованной работы всех причастных лиц и любви и охоты к делу. Как показал прошедший опыт, в операциях армейского масштаба—на широких фронтах и глубоких участках действий—властно чувствовалась необходимость создания известного органа, который в смысле связи явился бы промежуточным звеном между штадивами и штармом. Такими органами явились созданные летом 1920 г. армейские оперпункты с задачей служить сборными пунктами донесений штадивов и передачи распоряжений армейского командования.

Однако, подобная постановка задач армейского оперпункта явилась бы слишком узкой и односторонней. Боевая действительность уже в самом начале совлекла с них тесную одежду простого передатчика донесений из дивизий и армейских директив. Роль и значение армейских оперпунктов сразу же значительно возросли и расширились. Эти пункты оказали несомненную помощь армейскому командованию, облегчив его работу по управлению преследующей армией. Так, по крайнѐй мере, было в 16 армии за время ее стремительного наступления к стенам Варшавы (июль—август 1920 г.).

Опыт работы оперпункта упомянутой армии в период наиболее активных и значительных по масштабу боевых действий дает достаточный материал для установления желательных в целях наибольшей пользы дела взглядов на роль и значение армейских оперпунктов, приемы их работ и взаимоотношения с полештармами.

Попытка конкретных обоснований этих положений и составит содержание данной статьи.

По форсировании р. Березины (7 июля 1920 года) пять дивизий 16-й армии развернулись на фронте в 100 верст, каковая цифра оставалась почти без изменений во все время нашего наступления к Варшавским подступам. Вместе с тем, стремительный ход нашего продвижения вынуждал выдвинутые вперед полештадивы почти беспрерывно двигаться вслед за войсками, все более и более отрываясь от штарма. Последний, оставаясь в прежнем пункте своего расположения (Могилев) до 14 июля, вынужден был—в силу большой отдаленности от штадивов, бывших к этому времени уже на линии к западу от Минска, разделиться на полевой и основной штабы, из которых первый 14 июля перешел в Минск. В дальнейшем, полештарм, кочуя с поездом командарма, последовательно находился в Барановичах, Слониме, ст. Линево, Брест-Литовске, Высоко-Литовске и ст. Черемха, откуда, собственно, начался уже отход его в тыл ввиду общего отступления частей 16-й армии. В течение этого периода (7 июля—15 августа) полештарм в процессе нашего стремительного преследования отходившей к р. Висле польской армии находился, то ближе, то дальше от штадивов и занимал в отношении их, то центральное, то (в большинстве случаев) фланговое положение, что являлось прямым следствием привязанности его, как находившегося в составе поезда командарма, к железным дорогам. В общем же, можно считать, что полештарм в течение наступательного периода летней кампании (1920 г.) 16-й армии не находился от линии штадивов ближе 50—75 верст, а от фланговых дивизий (в особенности, в то время, когда он сам находился на фланге всей армии) значительно больше.

Помимо этого, район боевых действий был почти оголен в смысле телеграфно-телефонной сети, так как, вообще бедный ею, он испы-

тал на себе тяжелую руку отходящего противника, беспощадно разрушавшего телеграфные линии на путях своего отхода. В этом отношении неприятель особенно усердствовал при своем отходе от р. Березины до р. Буг, после которого разрушение линий проволочной связи стало значительно меньше.

Ясно, что в условиях, указанных выше, удовлетворительное поддержание прямой связи полештарма с штадивами являлось задачей почти неопреодолимой трудности. И действительно, уже вскоре по переходе полештарма в Минск, появились более или менее длительные перебои в связи, зачастую ставившие армейское командование в тяжелые условия за отсутствием надлежащей информации о боевой обстановке на фронтах преследующих противника дивизий. В силу этого появилась безусловная необходимость создания известного промежуточного органа, который, находясь от линии штадивов примерно в расстоянии 20—30 верст и при этом, по возможности, в центре, держал бы прямую проволочную связь с штадивами (дублируя ее летучей, мотоциклетной, конной почтой) и являлся бы сборным пунктом донесений и передатчиком армейских директив и распоряжений.

Таким органом и явился созданный во второй половине июля месяца 1920 г. оперативный пунк 16-й армии.

Выброшенный вперед из Минска 17 июля, этот оперпункт в течение месяца (до 19 августа) выполнил большую и сложную работу по установлению и поддержанию связи с пятью штадивами.

Организация этого оперпункта была следующая: начоперпункт—слушатель академии генштаба, в помощь ему технический руководитель оперпункта (один из инспекторов ускарма). Имелись—один аппарат Юза для связи в тыл с полештармом и Морзе по числу дивизий; помимо этого, по расчету также на каждую дивизию (плюс известный запас)—телефоны. Для обслуживания проволочной связи имелось соответствующее число юзистов, морзистов и телефонистов. Для приема и передачи почтовой корреспонденции была придана экспедиция из состава работников поконта.

В целях дублирования связи в состав оперпункта входили: автомобильная радиостанция и команды—мотоциклетная и конных ординарцев для установления летучей почты, как к полештарму, так и к штадивам. Наконец, для работ по восстановлению разрушенных и наведению новых телеграфных и телефонных линий в распоряжении начоперпункта состояли рабколонны и телеграфно-телефонный дивизион. До указанного состава оперпункт был доведен постепенно, путем усиления его материальными средствами и личным составом уже в ходе работы. Все передвижения оперпункта совершались исключительно на автомобилях (четыре грузовых и одна легковая машины), что вызывалось требованием безусловной подвижности. Никакого колесного обоза не имелось—все имущество и личный состав умещались и передвигались исключительно на машинах. Хозяйственного органа

оперпункт не имел и довольствовался, так сказать, явочным порядком, получая необходимые продукты от местных властей по требованию начоперпункта.

При оперпункте во весь период его существования находился начальник оперативного управления штаба армии, которому непосредственно и подчинялся начоперпункта. Приблизительно на половине работы оперпункта туда был вызван помскарм, который (с технической стороны) и регулировал взаимоотношения начоперпункта с скармом.

В распоряжении начоперупра находилась небольшая, но хорошо подобранная и вполне работоспособная, ячейка работников оперативного управления в составе помначоперупра, начальника разведывательного отделения, помощника начальника оперативного отделения, сотрудника для поручений при начоперупре, секретаря начоперупра и двух шифровальщиков. Работа этой ячейки состояла из составления ежедневных оперативных и разведывательных армейских сводок, оперативной переписки по текущим вопросам, получения и сбора материалов по боевому составу частей, потерь и трофеев (что служило основанием для составления в оперупре полештарма окончательно обработанных сведений), опроса наиболее интересных пленных и прочих, зачастую, крайне разнообразных вопросов оперативного, административного и даже хозяйственного характера, отчасти разрешавшихся на месте, отчасти передававшихся на разрешение в полештарм. Начоперупр, имея полную возможность быть в курсе боевой обстановки, находясь в центре стекавшихся к нему сведений о положении на фронтах, на месте разрешал некоторые не принципиальные вопросы чисто оперативного свойства (частичное изменение разграничительных линий, распоряжения по согласованию действий дивизий и пр.), причем он действовал именем командарма. Последний же, при встрече с ним уже в ходе операции, посвящал и широко ориентировал его в своих намерениях и планах на будущее, в силу чего распоряжения начоперупра, отдаваемые им по принципу частного почина, были согласованы, как с сущностью текущей боевой обстановки на фронте армии, так и с духом ближайших планов ее командования.

Оперпункт, помимо сбора донесений из дивизий и передачи в них армейских директив и распоряжений, отправлял в то же время и функции экспедиции, переотправляя, как из штарма в штадивы, так и обратно, всю переписку армейских и дивизионных учреждений. Помимо этого, он пересылал переписку одного штадива в другой и полештадивов с их основными штабами. Снабжение дивизий топографическими картами (вопрос при боевых действиях не маловажный) также шло через него. Наконец, временами при оперпункте же находились представители армейских довольствующих органов (как например, артиллерийского снабжения), кои, пользуясь связью оперпункта и имевшимися сведениями о положении вещей на фронте дивизий, легче справлялись с своими задачами.

Такова в общих чертах работа оперпункта 16-ой армии, выполненная им за период ее наступления от параллели Минска до выхода на ближние подступы к Варшаве. В ходе этой работы оперпункт силой вещей вышел из узких рамок сборного пункта донесений и передатчика директив армейского командования. Но и в специальной своей области установления и поддержания проволочной связи оперпунктом было сделано много. Так, уже 20 и 21 июля оперпункт имел со ст. Замирье связь с всеми штадивами (17, 27, 8, 10 и 2). При дальнейшем продвижении штадивов оперпункт 22 июля имел связь с штабами 2, 17 и 27 дивизий. 23 июля оперпункт перешел в Барановичи, откуда имел связь с штадивами 8, 17 и 27, а 24 июля со всеми штабами дивизий. Перейдя 26 июля в гор. Слоним, оперпункт имел связь с штабами 2, 8 и 27 дивизий. В дальнейшем связь имелась следующая: 28 июля (Ружаны)—с штадивами 2, 8 и 27; 29 июля—со всеми штабами дивизий. 30 июля (Пружаны)—все штадивы; 31 июля—штадивы 8, 10, 17 и 27; с 4 по 11 августа (Высоко-Литовск)—связь временами со всеми, временами с большинством штадивов; 11 августа (Лосицы)—со всеми штадивами; 12 и 13 августа (Седлец)—со штабами 2, 10, 17 и 27 дивизий, 14 и 15 августа (там-же)—со всеми штабами. С 17 августа начался общий отход частей 16-ой армии; с первого же дня отхода связь с дивизиями начала испытывать сильные перебои. Перейдя к вечеру 17 августа из Седлеца на ст. Семятичи, оперпункту временами удавалось ловить некоторые дивизии, включавшиеся в имевшиеся постоянные провода. Однако, в общем хаосе отхода, вскоре исчезла и эта возможность установления проволочной связи с штадивами. Попытки же оперпункта войти в связь с штадивами путем высылки мотоциклистов и по радио, в большинстве случаев успеха не имели за отсутствием сведений о местонахождении штадивов и прекращением работы их радиостанций.

В силу этих условий оперпункт становился бесполезным и 19 августа на ст. Черемха присоединился к поезду командарма, закончив этим свою полную напряженной энергии месячную работу в лихорадочный период стремительного продвижения 16-ой армии от р. Березины к Висле.

Примененный на практике, армейский оперпункт оказался крайне полезным, значительно облегчив работу армейского командования. Не подлежит сомнению, что армейские оперпункты, с честью выдержав боевое испытание в операциях запфронта летом 1920 года, приобрели полное право гражданства и более, чем вероятно, найдут широкое применение в будущих боевых действиях наших армий. А раз так, то является существенно необходимым полностью учесть полученный опыт и внести поправки во взгляды на роль и значение армейских оперпунктов и, в соответствии с этим, и в их организацию,

состав, круг работы и пр. К выяснению этих, боевой действительностью преподанных, поправок мы и перейдем.

Роль и значение армейских оперпунктов не может и не должна исчерпываться выполнением узких функций сборного пункта донесений и передатчика армейских директив и распоряжений. Действительно, армейский оперативный пункт, в силу своей близости к штадивам и, вообще, к линии фронта и тесной с ним связи, располагает многими весьма ценными данными, целесообразное использование которых неминуемо должно расширить и углубить значение оперпунктов. Важнейшими данными являются:

1) богатая осведомленность оперпунктов о ходе боевых действий, основывающаяся на ежедневном получении оперативных и разведывательных сводок дивизий и дополнительной информацией, дающейся штадивами по всем деталям боевой обстановки, состояния войск своих и противника, действий соседей, предположений, намерений и планов командования дивизий, вопросам тыла (снабжение всеми видами довольствия, пополнение людьми, состояние транспорта и пр.), настроения жителей, местных средств района действий и пр. и пр., что, в совокупности, даст вполне отчетливую, общую картину положения вещей в каждый данный момент.

2) Возможность прямых переговоров с начдивами, польза которых очевидна сама по себе; быстрота получения всякого рода справок и донесений и передача приказаний. В этом отношении, учитывая близость штадивов, не страшны и отказы (в силу тех или иных причин) в действии проволочной связи, так как наличие дублирующих средств позволит выдержать принцип непрерывности связи.

3) Возможность, при условии надлежащей организации, вообще, и достаточного снабжения перевозочными средствами, в частности, не отрываться в ходе стремительного продвижения от штадивов, а, значит, и не терять выгод, указанных в п. п. 1 и 2.

4) Близость полештадивов и линии фронта, что при наличии легковых машин даст возможность без особой потери времени использовать выгоды личного общения с начдивами и побывать в частях.

5) Наличие прочной связи с тылом (проволочная по Юза и Морзе, дублированная конной и мотоциклетной летпочтой), что гарантирует беспрепятственность прямых сношений с высшим штабом, полештармом и тыловыми учреждениями.

6) Сравнительная (хотя бы в отношении полештарма) легкость установления и поддержания, если не прямой, то через штабы фланговых дивизий, связи с соседями.

В силу этих ценных качеств оперпункт не может не сыграть весьма заметной роли в управлении армией, действующей в условиях широкой маневренности. Подробно информируя армейское командование о ходе боевых действий и о всех, вообще, вопросах, так или иначе связанных с текущей операцией, и быстро передавая его волю в войска, армейский оперпункт явится,—по крайней мере, должен явить-

ся—зорким глазом командования армией, его подсобным органом в деле контроля и руководства.

Само собою понятно, что подобная роль оперпункта значительно превышает функции простого посредника в установлении связи полештарма с полештадивами. Ясно также, что это обстоятельство вынуждает оперпункт быть вполне авторитетным органом, удельный вес которого должен стоят довольно высоко. В силу этого, как общее правило, во главе оперпункта должно стоять лицо, вполне компетентное и опытное в вопросах военного искусства, способное проявить разумную частную инициативу и могущее оправдать доверие армейского командования в случае облечения его известными полномочиями в разрешении оперативных вопросов хотя бы не принципиального характера. Вместе с тем, вынужденное по ходу событий, весьма часто непосредственно сталкиваться с начдивами, это лицо должно обладать известной выдержкой и тактом, как в вопросах личных с ними взаимоотношений, так и в взаимоотношениях начдивов между собой. Как вывод из сказанного, следует признать, что лицо, стоящее во главе оперпункта, должно обладать вполне достаточными военными познаниями и необходимым служебным опытом. Таким лицом, в масштабе армии, может явиться или помощник начальника штаба армии, или—в случае, если последнему будет поручено общее руководство основным штармом—начоперупр. Весьма желательно, чтобы эти лица были генерального штаба.

В целях предоставления указанному лицу возможности отдать все свое внимание и силы оперативным вопросам, с него должно быть снято непосредственное руководство деятельностью оперпункта, предоставив ему общее наблюдение и контроль. Все же вопросы по работе оперпункта, как такового (технические, административные, хозяйственные и пр.), должны разрешаться начальником оперативного пункта, входя в круг его непосредственных обязанностей. При этом начоперпункта в оперативном отношении обязательно должен быть подчинен находящемуся при оперпункте начоперупру (или помнаштарму), что гарантирует должную (с оперативной стороны) работу оперативного пункта, но и вместе с тем предоставляет его начальнику полную самостоятельность в вопросах специально технических и административно-хозяйственных, за правильное разрешение которых начоперпункта и несет всю ответственность. В распоряжении начоперупра (или помнаштарма) должно находиться известное количество работников из числа сотрудников оперативного управления штарма. Эта ячейка должна быть мала по количеству, но высока по качеству. В ее состав должны входить опытные и знающие сотрудники, обладающие большой работоспособностью, недюжинной энергией, испытанной добросовестности и сжившиеся друг с другом вообще, что явится залогом хороших личных отношений, так необходимых (в целях достижения дружности и согласованности работы) в первых условиях

работы на оперпункте вообще. Словом, на выбор таких сотрудников необходимо обратить серьезное внимание.

На долю указанной ячейки падет работа по составлению ежедневных оперативных и разведывательных сводок, опрос пленных, ведение и хранение текущей оперативной переписки, переговоров с наштадивами или другими сотрудниками штабов дивизий, ведение журнала военных действий и пр. Вместе с тем, как показал опыт, эти же сотрудники будут нести оперативные дежурства, передавать в полештадивы распоряжения из армии (когда, например, в случае пропажи, отказа или прямого отсутствия телеграфной связи с штадивами, приходилось сажать их на телефоны) и командировываться в экстренных случаях в полештадивы (на мотоциклетах, автомобилях) при полном отсутствии проволочной связи. В связи с характером вышеуказанной работы в состав ячейки войдут: начальники оперативного и разведывательного отделений, оперупрарм (или их помощники) для поручений при начоперупре, его секретарь, один журналист, два шифровальщика, а всего, вместе с начоперупром, 8 человек. Цифра не настолько большая, чтобы обременить перевозочные средства оперпункта (за чем, однако, надо строго следить), вместе с тем достаточная для продуктивной работы.

Возвращаясь к лицу, стоящему во главе оперпункта (начоперупру или помнаштарму) следует указать, что в целях наилучшего выполнения его весьма ответственной задачи и обеспечения „разумности" его частного почина, он должен быть по возможности шире ориентирован в планах и предположениях армейского командования, что достигается переговорами по прямому проводу с ним командарма или наштарма. Вместе с тем, для пользы дела желательно, чтобы командарм проводил известное время на оперпункте, где он в полной мере может использовать все положительные качества его, указанные выше. Ущерба для дела общего управления армией это не составит, так как в вопросах тыла убывшего из полевого штаба армии командарма заменит наштарм.

В поездках командарма по фронту необходимо участие начоперупра (или помнаштарма), которого командарм захватит с собой при от'езде с оперпункта. Эти поездки дадут начоперупру (или помнаштарму) возможность присутствовать при свиданиях командарма с начдивами (а значит, полнее ознакомиться с намерениями их) и, вообще, ознакомиться на месте с положением вещей.

Итак, имея во главе ответственное, облеченное известными полномочиями лицо с широким военным кругозором и необходимым служебным опытом, обеспеченный хорошо подобранной ячейкой оперативных работников, близкий к фронту и штадивам,богато осведомленный о ходе боевых действий, прочно связанный с тылом, фронтом и соседями, легкий и подвижный—оперативный пункт, выходя из тесных рамок сборного пункта донесений, сыграет весьма важную

роль передового аванпоста аппарата управления армией в горячий период ее боевой деятельности.

Организация армейского оперпункта должна преследовать: 1) обеспечение работоспособности всего его аппарата; 2) соответственное снабжение материальной частью и 3) надлежащее обеспечение перевозочными средствами. Переходя к обсуждению указанных положений, следует отметить:

По пункту 1-му—должная работоспособность всего аппарата оперативного пункта достигается, во первых, соответственным подбором сотрудников его. Следует обратить особое внимание на выбор начоперпункта. Учитывая, что при оперпункте будет всегда находиться начоперупр (или помнаштарм), начоперпункта, не привлекаемый в силу этого к разрешению чисто оперативных вопросов, вытекающих из хода текущих боевых действий, может быть и не генерального штаба. Основной задачей начоперпункта является непосредственное руководство службой оперпункта во всех отношениях. Это потребует от него разрешения многих и при том крайне разнообразных вопросов. На его ответственность и заботу ляжет обеспечение оперпункта надлежащей материальной частью, своевременно выясняя для этого потребность, увеличение или уменьшение ее и принятие необходимых мер для истребования недостающего и отправления в тыл всего излишествующего. Он следит, чтобы личный состав был бы на месте и, малый количественно, являлся бы отличным по качеству (надлежащий подбор сотрудников); регулирует самый ход специальной службы оперпункта, стремясь в этом отношении достигнуть точности часового механизма; устанавливает внутренний распорядок, проводя систему строгого распределения труда и разграничения обязанностей и исходя из требования дать с минимумом сил максимум работы; определяет порядок и характер необходимой отчетности по всем отраслям службы оперпункта; входит в сношения с местными властями, требуя от них нужного содействия, как по обеспечению беспрепятственной службы оперпункта, так и различных его нужд; налаживает хозяйственную сторону в целях должного обеспечения продовольствием, фуражем и горючим.

Все эти вопросы начоперпункта должен разрешать самостоятельно или проводя их через высшие инстанции. Уже из беглого их очерка видно, что начоперпункта должен являться человеком решительного характера, твердой воли и большой энергии и хотя бы поверхностно знакомый со службой связи. Самое же главное, он должен обладать хорошими организаторскими способностями вообще, на что преимущественно и должно быть обращено внимание при выборе того или иного работника на должность начоперпункта.

Подчиняясь в оперативном отношении находящемуся при оперативном пункте начоперупру (или помнаштарму), начоперпунка во всех других отношениях подчиняется непосредственно наштарму. Однако, он должен выполнять все, вообще, указания, кои—для пользы наилуч-

шей службы оперативного пункта—найдет нужным дать ему начоперупр (или помнаштарм).

Таким образом, как видно из вышесказанного, начоперпункта предстоит очень большая и разнообразная работа с деталями которой он, предоставленный своим силам, один, конечно, не справится. Ему необходимо будет придать помощников, которым он мог бы поручить те или иные отрасли службы оперпункта. Прежде всего, необходим помощник по специально-технической части, который ведал бы всей службой связи. В непосредственном его подчинении будут находиться юзисты, морзисты, механики, телефонисты, шоффера, взводы мотоциклетные и конных ординарцев, радиостанция, экспедиция поконта, рабколонны и телеграфные роты. При нем необходимо иметь также известное число политконтролеров. Он непосредственно распоряжается наводкой новых и ремонтом разрушенных неприятелем или, вообще, неисправных телеграфных и телефонных линий, установкой аппаратов, выставлением мотоциклетной и конной летучей почты; налаживает внутренний распорядок в аппаратной, имеет общее наблюдение за правильностью несения службы личным составом, принимает меры к надлежащему снабжению материальной частью и служебным персоналом; отдает все необходимые распоряжения при переходе оперпункта из одного места в другое, следя, чтобы этот переход производился лишь при установлении связи со всеми штадивами из нового пункта; комбинирует все средства связи с таким расчетом, чтобы обеспечить его все нужные направления; дает задания рабколоннам по наводке или исправлению некоторых линий связи, руководствуясь при этом (через начоперпункта) указаниями начоперупра (или помнаштарма); наконец, сносится с скармом по всем вопросам материального снабжения, пополнения служебным персоналом, установки связи с полештармом, передавая ему для этого контрольные станции, учреждаемые в местах бывших стоянок оперпункта.

Из сказанного видно, что круг работы достаточно велик и разнообразен и требует опытного и достаточно авторитетного лица, которое с'умело бы об'единить и фактически руководить сложной работой связи. Таковым лицом, естественно, является один из инспекторов связи ускарма, при наличии которого (помимо личного его знакомства с делом связи) значительно легче разрешались бы и все вопросы в области урегулирования взаимоотношений начоперпункта с скармом.

Другим помощником начоперпункта является лицо, непосредственно ведающее вопросами хозяйства, расквартирования, охранной службой и пр. вопросами административно-хозяйственного характера. Это, так сказать, комендант оперпункта. Он несет функции заведывающего хозяйством, заботясь о продовольствии людей и лошадей, имея на руках необходимый аванс и чековую книжку (для закупки у местных жителей и получения от ближайших военных и гражданских прод'органов); устанавливает и ведет с помощью переписчика всю необходимую отчетность; размещает на стоянках, как самый оперпункт,

так и сотрудников; устанавливает и ведает необходимой охраной оперпункта. Ему подчиняется начальник охраняющей части, артельщик и некоторое число выделенных в его распоряжение конных из той же команды конных ординарцев.

Вот главные, так сказать, персонажи личного состава оперпункта (начальник и два его помощника). Остальной состав должен быть в строго необходимом количестве, но хорошо подобранный качественно. Однако, хотя и очень желательно, чтобы в отношении личного состава оперпункт не был бы громоздким, все же следует считаться с трудностями службы, а потому при всякого рода дежурствах обеспечивать надлежащим количеством смен. Другими словами, механиков и политконтролеров должно быть не меньше двух; юзистов, морзистов и экспедиторов по расчету на три смены и т. д. Иначе, люди быстро переутомляются и ничего, кроме вреда для дела, не получается. Само собою разумеется, что все эти работники распоряжением скарма должны быть назначены самые лучшие из числа сотрудников теконта и поконта.

Что касается телефонистов, посыльных и пр., то таковые назначаются хотя бы от телеграфной роты при оперпункте (первые) и от команды конных ординарцев (вторые). Итак, строгим выбором сотрудников, продуманной системой разделения труда, прав и обязанностей, правильным порядком подчиненности, твердым и умелым отношением к делу подчиненных,—обеспечивается та необходимая работоспособность оперпункта, которая ляжет в основание продуктивности его работы вообще.

По пункту 2-му—надлежащее обеспечение материальной части надо понимать в смысле вполне достаточного снабжения аппаратами Юза, Морзе и телефонными и соответствующим количеством телеграфного кабеля и телефонного провода. Аппарата Юза достаточно одного—он будет обслуживать связь с полештармом. Запасного возить нет расчетов, занимает много места; имеющийся же единственный Юза должен быть вполне исправный с достаточным количеством запасных частей. В случае же его временной порчи можно всегда перейти на Морзе. Последних должно быть по расчету один на каждую дивизию; один в тыл, два на соседей; один запасный. Что касается телефонных аппаратов, то достаточно иметь на половину дивизий—несколько запасных. Количество телеграфного кабеля и телефонного провода, хотя бы и приблизительно, привести трудно—все будет зависить от степени разрушения существующих линий, расстояний до штадивов и т. д. Фактические размеры потребности выяснятся в ходе работы и дополнительный отпуск этого имущества не должен встречать затруднений.

Учитывая властное требование крайней подвижности оперпункта, надо избегать загромождения его излишними запасами. Если первоначально взятого количества не хватит, то не исключается возможность

дальнейшего пополнения, быстрый приток которого всецело ложится на обязанность и ответственность скарма.

Все необходимые принадлежности, как-то: катушки с лентами, краска, бланки, карандаши, бумага и пр. необходимо всегда иметь под рукой в достаточном размере. Если это и мелочь, то очень существенная мелочь, на которую обычно мало обращают внимания и недостаток которой сильно отражается на работе, вызывая перебои в ней. Достать на месте в большинстве случаев невозможно, а быстро получить из тыла в лихорадочных условиях стремительного движения—затруднительно. Говоря о „мелочах", кстати необходимо коснуться и таких, как керосин, свечи и лампы. Это тоже очень существенный вопрос. Электричества в условиях походной жизни не встретишь, а из за темноты работы не приостановишь.

В силу сказанного, случаев, когда юзист в самый разгар работы докладывает, что нет краски, морзист прекращает работу из за отсутствия ленты и вся, вообще, работа приостанавливается за неимением, положим, осветительных средств—таких случаев быть не должно, а если они и встречаются, то характеризуют этим недальновидность и халатность начоперпункта и, главным образом, его помощников по технической и хозяйственной части.

По пункту 3-му—надлежащее обеспечение оперпункта перевозочными средствами должно преследовать цель быстрой переброски его из одного пункта в другой. При этом весь оперпункт (материальная часть проволочной связи и личный состав) должен быть поднят сразу. Значит, перевозочные средства должны вместить телеграфные и телефонные аппараты, запасы кабеля и проводов, всех сотрудников и их багаж.

Наиболее пригодный по характеру службы оперпункта тип перевозочных средств—автотранспорт. Повозок не должно быть (у, собственно, оперпункта, не считая приданных ему частей связи), ибо они бесполезны. Действительно, оперпункт, продвигаясь вперед вслед за штадивами в стремлении не оторваться от них, будет двигаться скачками. Частые переходы вредны для проволочной связи, а потому оперпункт будет стремиться задерживаться на одном месте, но не на долго (на несколько дней), так как иначе оторвется от полиштадивов; а затем сделает скачек верст на 40—50—60, чтобы, пробыв на новом месте 2—4 суток, снова повторить такой же скачек. Ясно, что колесный обоз в таких условиях никогда не догонит оперпункта и явится, следовательно, бесполезным. По опыту оперпункта 16-й армии, достаточно иметь 5 грузовиков $1^1/_2$—2-х тонных. Машины большей грузопод'емности (3-х тонные и выше) крайне нежелательны: они тяжелы, с трудом идут по грунтовым, (особенно песчаным) дорогам, привязаны к шоссе, плохо преодолевают под'емы и часто застревают. В силу этого, оперпункт растягивается на походе и не весь одновременно приходит на новое место. Затем, как выяснил опыт, весьма желательны машины на грузо-шинах.

Помимо грузовиков, в распоряжении начоперупра (или помнаштарма) и начоперпункта обязательно должно иметься по одному легковому автомобилю, дабы обеспечить им (особенно первому) быстрый выезд в нужный момент в нужный пункт (как например, в полештадив в случае временного отсутствия связи и необходимости разрешить с начдивом ва́жные и срочные вопросы оперативного характера). Если нет возможности снабдить указанных лиц легковыми машинами, то, во всяком случае, им надо дать мотоциклеты с коляской сверх числа, необходимого для нужд мотоциклетной летпочты.

Все машины необходимо отпустить оперпункту из числа лучших (т. е. вполне исправных и надежных), имеющихся в распоряжении штарма. Надо учесть, что на походе, в горячке работы, не терпящей по характеру своему перерыва, некогда возиться с ремонтом, добыванием запасных частей и т. д. Особенное внимание следует обратить на обеспечение резиной (камерами и покрышками). Нормы отпуска, придерживаться которых так любят снабжающие органы, в данном случае не могут иметь места. Также и с горючим — нужды в нем оперпункт испытывать не должен также, как и перебоев в его поступлении. Для хранения и привозки горючего всего целесообразнее иметь цистерну — автомобиль. Словом, на горючее с резиной надо смотреть также, как на телеграфную краску с лентами в деле проволочной связи—отсутствие в нужный момент этих „мелочей" может приостановить работу.

Итак, пять $1^1/_2$—2-х тонных грузовиков, одна цистерна—автомобиль, два легковых автомобиля и ни одной повозки—вот примерный транспорт оперпункта, как такового.

Служба армейского оперпункта (не касаясь работы начоперупра или помнаштарма с его ячейкой, о чем было сказано выше) должна быть направлена на достижение своей основной цели — установление и поддержание связи с полештадивами и полештармом.

Если для выполнения этой задачи одного оперпункта явится недостаточным (в силу широкого фронта продвигающейся армии), то придется организовать, может быть, еще один—два дополнительных оперативных пункта, начальники коих в операт. отношении будут непосредственно подчинены начоперупру (или помнаштарму). Этот последний и об"единит деятельность всех оперпунктов в деле связи полештарма со всеми полештадивами.

Армейский оперпункт должен находиться за серединой линии полештадивов в удалении от них, примерно, на 20—30 верст. При наличии шоссе, ведущих к фронту, он, конечно, воспользуется ими, учитывая удобство движения по ним своего автотранспорта. В общем же, шоссе, (а за неимением его—грунтовая дорога) ведущая к фронту и выходящая, примерно, на середину линии полештадивов, определит собою путь движения оперпункта (оперпунктов). Самое движение оперпункта должно сообразовываться с движением вперед полештадивов. Движение последних в процессе стремительного преследования

отходящего противника будет совершаться почти непрерывно, с очень короткими остановками, иначе они оторвутся от своих частей. В силу этого, и армейский оперпункт будет вынужден часто передвигаться из одного пункта в другой, стремясь быть в относительной близости к полештадивам. Однако, слишком частое передвижение очень вредно отразится на установлении связи с полештадивами, так как переход в новый пункт сопряжен с ломкой установленной и необходимостью налаживания новой связи. Отсюда—в выводе—оперпункту желательно возможно дольше оставаться на месте. Таким образом, оперпункт должен, двигаясь за полештадивами, по возможности дольше задержаться на месте. Удачное разрешение этих противоположных задач должно каждый раз сообразовываться с общей сетью связи района и степенью необходимых ремонтных работ. Поэтому, нахождение в узлах связи и малая разрушенность линий связи, (а тем более исправность их), позволит оперпункту задержаться на больший срок. Отсутствие же этих условий вынудит чаще менять стоянку. Учитывая сказанное, при выборе места расположения оперпункта надлежит в пределах возможности сочетать центральное (в отношении полештадивов) расположение с местонахождением в узлах существующей связи (правительственный и железно-дорожный телеграф).

Таким образом, условия работы оперпункта были бы в значительной степени облегчены, если бы он мог двигаться по шоссе, центральном в отношении полештадивов и проходящем через узлы связи (или поблизости от них). Однако же, эти условия на всем протяжении операции выдержать трудно—или шоссе уклонится в сторону, или узлы связи отходят от него далеко. В таком случае, все же надо стараться (при выборе места расположения оперпункта) получить возможность поймать на провода большую часть полештадивов. Для этого, может быть, придется срочно выполнять средствами рабколонн или строительных рот те или иные ремонтные работы (в зависимости от степени разрушения) или же проводить заново нужные линии связи. Надо учитывать также, что иногда все таки можно остаться на шоссе и иметь связь с полештадивами, но не прямую со всеми, а с частью из них через соседние полештадивы.

Располагаясь в пунктах, где остались учреждения почтово-телеграфного ведомства, начоперпункта через своего помощника по связи тотчас берет на учет и привлекает к работе местные силы, соблюдая, однако, известную предосторожность в смысле сохранения военных тайн, т. е. не поручая работы по передаче и приему секретных оперативных сведений. По уходе оперпункта вперед, эти местные работники передаются в ведение скарма.

Как общее правило, переход оперпункта из одного места своего расположения в другое может совершаться только тогда, когда заблаговременными мерами на новом месте фактически установлена связь со всеми или с большей частью полештадивов. С этой целью туда высылается вперед помощник начоперупнкта по связи с необ-

ходимыми средствами и нужным количеством работников, который, установив из нового места связь с полештадивами, принимает ее на себя. Вместе с тем, начоперпункта закрывает связь с полештармом, передавая ее на прямую в новое место стоянки и выезжает туда с остальной частью оперпункта. Выполнение вышеуказанного правила является безусловно необходимым, так как иначе при переходах оперпункта связь полештарма с полештадивами хотя и временно, но утрачивалась бы, что недопустимо.

Следует установить за правило, что оперпункт за связь с полештармом не отвечает—это прямая забота и прямая ответственность скарма. Достаточно и того, что на пути своего движения оперпункт силами своих рабколонн (или строительных рот) чинит или даже наводит заново линии связи. Скарм, приняв эту линию, уже и заботится о поддержании ее в должном порядке, принимая своевременные меры в случае перерыва связи. Он же организует ряд контрольных станций; его же распоряжением устанавливается летучая (мотоциклетная или конная) почта от полештарма к оперпункту (в целях дублирования связи); лишь за недостатком средств можно поделить это расстояние пополам (между скармом и оперпунктом).

Сказанное необходимо сразу же твердо провести в жизнь с началом деятельности оперпункта, т. к. иначе это приводит к недоразумениям, спорам между начоперпункта и скармом, что и наблюдалось в действительности.

Что касается распорядка службы на самом оперпункте, то таковой должен обеспечивать точность, непрерывность и аккуратность работы. С этой целью устанавливается ряд дежурств оперативных работников (из ячейки при начоперупре): политконтролеров, экспедиторов, посыльных; аппараты Морзе, Юза и телефонные обслуживаются сменами соответствующих работников (по три на каждый аппарат). Каждый из начальников (начоперпункта, его помощники, начальник команды конных ординарцев, командиры мотоциклетных взводов, командир охранной полуроты и т. д.) должны всегда вести точный учет расхода людей и средств.

Каждый работник должен знать, что и как ему делать.

В этой маленькой, но сложной машине, каковой является оперпункт, каждый винтик, каждое колесико должны быть точно пригнанными, хорошо смазанными и вообще удачно скомбинированными. Только тогда работа этой машины даст максимальные результаты.

Тем, которые работали на армейских оперпунктах в операциях запфронта летом 1920 г., вероятно приходилось сталкиваться с теми или иными вопросами и положениями, приведенными выше. Вероятно также и то, что с некоторыми из них они согласятся, некоторые будут оспаривать. Данная статья и не претендует своим содержанием на исчерпывающее освещение вопросов, связанных с ролью и значением

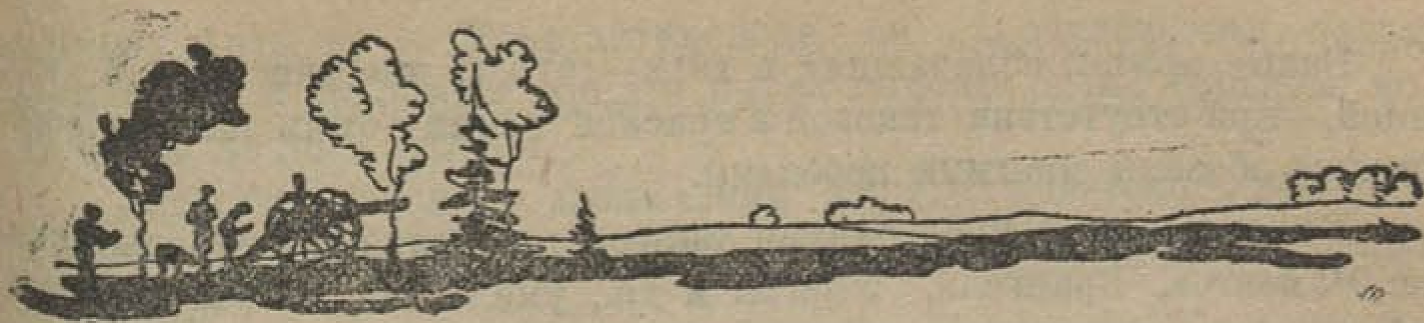
армейских оперативных пунктов, их организацией и службой. Она лишь намечает вехи в этом отношении, оставляя к тому же некоторые вопросы вообще незатронутыми.

Армейские оперпункты, получившие свое боевое крещение в горячий период стремительного преследования отходящего врага, доказали свою полезность и получили полное право гражданства. Надо думать, что это право они сохранят и впредь, а поэтому детальное освещение всех вопросов, связанных с организацией и службой оперпунктов и установление правильного взгляда на их роль и значение приобретают весьма важное значение. Над этим стоит подумать, поработать и—приняв во внимание полученный опыт—притти к определенным выводам.

Вопрос об армейских оперпунктах—недостаточно освещенный вопрос и для желающих поработать в этой области предоставляется широкий простор.

Б. Леонидов.

Враги о красной коннице.

В весьма короткий маневренный период войны 1914—1918 г. г. конница, взяв сначала широкий размах, уже в 1915 году на всем скаку споткнулась о многочисленные ряды проволочных заграждений и застряла перед ними в глубоком раздумьи, словно вдруг потеряла свое основное свойство—подвижность.

Лишь изредка раздвигались ворота колючей проволоки, куда на миг прорывалась конная лавина, чтобы вновь наткнуться на следующий ряд проволочных заграждений и застыть в ожидании лучших для себя времен.

Этот наступивший позиционный период выдвинул, как известно, вопрос о том, не отжила ли конница своей век, как самостоятельный род оружия, не потеряла ли она свой первоначальный смысл и значение?

Опыт войны 1914—18 г. г. как будто доказывал такое положение и это подкреплялось еще тем, что новейшие мощные технические средства—авиация, броневики, боевые повозки и проч. сводят на нет значение конницы. И редко раздавались голоса говорившие, что, именно, эти новейшие средства при умелом применении и комбинировании, наоборот, могли бы усилить значение конницы.

Так или иначе, но большинство мнений склонялось к тому, что времена лихих кавалерийских атак безвозвратно миновали, канули в историческую вечность.

Но, вот, вспыхнувшая ожесточенная гражданская война, на деле показавшая насколько ошибочны были выводы, построенные на опыте войны 1914—18 г. г. „рассудку вопреки“ воскресила вновь на полях сражений боевую славу конницы.

На фронтах гражданской войны, на территории необ'ятной России, конница становится одним из решающих родов войск не только на театре войны, но и на поле сражения.

Решительный и смелый маневр в соединении с лихой кавалерийской атакой зачастую решает участь боя даже при численном превосходстве противника.

История гражданской войны дает тому много примеров.

Белые армии, обладавшие в 1918—1919 г. многочисленной конницей,—при отсутствии таковой в красной армии—были именно своей коннице обязаны многими победами.

Белая конница, предводимая такими талантливыми начальниками как Мамонтов, Врангель, Улагай и др., умела не только вырывать победу, но и превращать отступление красных частей в поражение, в беспорядочное бегство.

Огромные фронты при малочисленности сил с особой убедительностью подтверждали весьма важную роль и значение конницы, способной быстро маневрировать и появляться там, где ее меньше всего ожидали.

Красная армия это особенно почувствовала после знаменитого рейда Мамонтова.

Это обстоятельство и послужило, наконец, поворотным моментом в истории красной армии.

Высшее командование красной армии стало решительно на путь необходимости создания мощной конницы, которая с'умела бы не только бороться с конницей белых, но и выйти победительницей из этой борьбы.

Не успел еще отзвучать клич, брошенный т. Троцким „пролетарий на коня", как красная конница уже появилась на полях сражений и с большим успехом стала состязаться с конницей белых. И вскоре этот успех принял небывалые размеры: молодая красная конница разгромила полчища белой конницы, сбросив жалкие остатки ее в Черное море.

Такие успехи красной конницы не могли, конечно, не приковать всеобщего внимания, не могли не вызвать стремления к изучению и проникновению в тайны ее побед. Этот интерес еще более усиливался, если вспомнить, как пророки из лагеря наших противников предсказывали о неминуемой близкой гибели („через две недели") советской республики, о развале красной армии.

И, вдруг, полный разгром контр-революционных полчищ, полное поражение белой конницы!

Какое впечатление это произвело в стане белых, можно судить по брошюре—бывшего начальника штаба корпуса Мамонтова, впоследствии—штаба Донской армии—Кельчевского—„Думенко и Буденный", изданной в Константинополе 28 июня 1920 г.

„Весь мир с нескрываемым интересом,—пишет в своем предисловии Кельчевский,—следил и следит за успехами большевистской конницы на польском театре военных действий и, особенно, той конницы, которой командует Буденный". „Знать приемы и способы борьбы врага—обязанность каждого военного".

Но не только „любопытством военного" руководился Кельчевский.

Испытав на собственной шкуре всю силу и мощь ударов красной конницы, от которых он едва очнулся лишь в гостеприимных

лагерях Антанты в Константинополе, он посочувствовал польским шляхтичам и торопится придти им на помощь своим горьким, но безусловно ценным опытом.

„Польша накануне заключения мира с Советской Россией. Ее молодая армия, детище Антанты, потерпела на поле брани полное крушение“.

Крушение это началось и прогрессивно росло со времени появления на фронте советской армии конницы Буденного и других, нам неизвестных начальников.

„Весь мир с величайшим интересом и вниманием следит за действиями советской армии, особенно, ее конницы, стремясь предугадать причины ее успехов и тактические приемы и способы ее действий“. Так повествует Кельчевский.

А. Кельчевский, безусловно, имеет ввиду придти на помощь польской шляхте и поэтому он в своей брошюре, не в пример другим белым писакам, не льет помоев на красную армию, не вводит, значит, в заблуждение, а, наоборот, отзывается очень хорошо. Он говорит правду. Поэтому его отзыв приобретает особый интерес.

Давая оценку нашим кавалерийским начальникам, г. Кельчевский пишет:

„Вахмистр Думенко и его ученик рядовой Буденный два крупных самородка.

Они не только поняли сущность и психологию конного боя, но они внесли некоторые, и притом существенные, поправки в приемы и способы ведения этого боя.

Талантливый ученик Думенки,—рядовой Буденный пошел еще далее и дал незаурядные образцы ведения комбинированных боев конницы с пехотой.

Характеризуя того и другого с точки зрения ведения боя вообще, мы можем сказать, что Думенко кавалерист чистой воды. Буденный не только кавалерист, но и талантливый начальник вообще.

Смелые исполнители тактических идей по ведению разведки передовыми эскадронами, они и сюда внесли свое новое.

Высылая на разведку редко по одному, а большей частью по два и даже по три эскадрона на каждое направление, они снабжали эти эскадроны большим числом ездящих (на тачанках) пулеметов и, сбивая более слабые разведывательные части противника, всегда добивались цели разведки. Благодаря этому они подходили к полю боя и вступали в бой всегда с открытыми, а не закрытыми неизвестностью, глазами.

Им принадлежат (главным образом Думенке) и несколько иные способы ведения кавалерийского боя.

Прикрывшись, как указано выше, сильными разведывательными частями, они вели главные силы под охраною авангарда, назначая в таковой полк или бригаду от дивизии.

Авангард совместно с разведывательными эскадронами, которые на поле боя собирались к нему, или же отходили в стороны для обеспечивания флангов, завязывал бой лавою или разомкнутым строем, искусно прикрывая своими действиями и действиями лихо маневрирующих пулеметов, подход и развертывание для боя главных сил.

Главные силы, подходя к полю боя, перестраивались на широком фронте в линию полковых взводных или двойных взводных колонн и, сойдясь на дистанцию действительного артиллерийского огня, выдвигали вперед на карьере могучую артиллерию с огромным числом ездящих пулеметов и с двумя—четырьмя авто-броневиками, которые, выдвинувшись, своим огнем расстраивали головные части конницы противника.

В период действий артиллерии и пулеметов, как правило, головные полки конной дивизии или конной массы, (в атаках участвовало иногда до 22-х полков), на широких аллюрах развертывались вперед, вправо и влево от пути следования и безостановочно шли в атаку на передовые части противника.

Думенко, точно также как и Буденный, никогда не боялись неудачи в атаке головных полков своей дивизии или конной массы. Наоборот, они всегда и часто с большим успехом пользовались этой неудачей.

Дав возможность, успешно атаковавшим полкам противника, увлечься преследованием своих расстроенных головных полков, они наносили могучие удары, а нередко и окружали конницу противника своими, шедшими на уступе за флангами головных полков, лучшими и отборными полками.

Если противник, потерпев неудачу, давал тыл—они жестоко преследовали его на десятки верст, сперва отборными по конскому составу полками с автоброневиками, а затем—отдельными эскадронами и автоброневиками.

Преследование велось на один, нередко на два перехода (был случай преследования на 70 верст), не опасаясь, что их части очутятся далеко в тылу превосходных сил противника.

По окончании успешного боя, конница обычно шла на отдых в неглубокий тыл. Этот обычай у Думенки, а затем и у Буденного был возведен в разумное правило.

Надо отдать им справедливость, их конные части были почти всегда в отличном порядке. Люди бодры и веселы, лошади сыты и хорошо убраны. И только лишь в период длительной и широко задуманной операции, продолжавшейся неделями и даже месяцами, как например, операция Буденного на Воронеж, Касторную и далее на Валуйки и Купянск в октябре и ноябре 1919 года, их конский состав сильно изнашивался.

Но даже и в этих случаях названные кавалерийские начальники, особенно Буденный, сумели искусно сочетать действия конницы с

пехотой, пользуясь последней, в известное время, как щитом для прикрытия поработавшей и заслужившей необходимый отдых конницы.

Вот почему начиная с октября 1919 года, Буденный, хотя и носил название командующего конной армией, но имел всегда в своем подчинении две, три пехотных дивизии.

Не торопясь, с большой выдержкой и методичностью, щадя силы людей и лошадей в период совершения маршей, Буденный, по сближении с противником, решительно выдвигался с конницей вперед и, нанеся ею удар, в отличие от бешенного преследования Думенки, ограничивался преследованием на коротке, не более, как на половину перехода.

В период действий конницы его пехота совершала спокойно марш, подтягивалась к определенным пунктам. Здесь, в зависимости от физической усталости людей и лошадей конницы, пехота или располагалась на отдых, прикрытая конницей, или же выдвигалась вперед и, заняв боевой фронт, служила щитом для уводимой на отдых конницы. Эта последняя после указанной боевой работы располагалась на отдых позади пехоты, усилив, если нужно, пехоту конными частями от более свежих полков для ведения разведки.

Располагая свою конницу на отдых позади пехоты, Буденный, чтобы не терять времени и завоеванного пространства, продолжал дальнейшее наступление своей пехотой, нисколько не опасаясь, что она, как слабейший род войск, потерпит неудачу, наоборот, он чрезвычайно искусно пользовался этой неудачей, чтобы обратить ее снова в победу. Здесь повторялся тот-же маневр, что и в бою конными массами.

Отступление разбитой и отходящей пехоты служило ему той приманкой, тем вентерем, который увлекал за собою наши конные и пешие части и которым он затем наносил удары во фланг, быстро и решительно выдвигая свою отдохнувшую конницу из за флангов отходящей в беспорядке пехоты.

Итак: 1) умелое ведение разведки серией сильных разведывательных частей в 1—3 эскадрона на каждом направлении, снабженных значительным количеством ездящих, отлично маневрировавших и всюду поспевавших за конницей пулеметными частями; 2) искусное маневрирование авангардом (или авангардами), рассыпавшихся в лаву и прикрывавших выдвижение вперед артиллерии, авто-броневиков и ездящих пулеметных частей для расстройства огнем передовых частей противника и для прикрытия развертывания своих главных сил; 3) искусное ведение главных сил на широком фронте и подход их к полю боя в гибких и удобных для маневрирования полковых взводных или двойных взводных колоннах; 4) быстрое выстраивание головными частями развернутого фронта и ведение ими атаки с полной решительностью против передовых частей противника; 5) довершение удара фланговыми лучшими частями и пользование неудачей голов-

ных (обыкновенно худших) частей, как средством для заманивания и для удара во фланг или для окружения конницы противника; 6) использование пехоты, как средства для прикрытия отдыха конных частей и для неожиданного удара из за флангов ее отступающего боевого порядка; 7) применение беспощадного преследования сперва свежими частями с авто-броневиками, а затем этими последними и отдельными эскадронами и, наконец, как общий вывод, 8) умелое использование сил, людей и лошадей.

Мы остановились и кратко описали здесь лишь типичные образцы приемов и способов ведения разведки и конного боя теми конными частями, которыми командовали Думенко и Буденный. Несомненно, что эти приемы и способы не были обращены в шаблон, а бесконечно разнообразились в зависимости от обстановки, как и все в искусстве, особенно если этим искусством обладают одаренные натуры.

Если к этому добавить, что в конных частях Думенки и Буденного наблюдался порядок и своеобразная, но суровая дисциплина, то мы поймем, грозную силу этой конницы".

* * *

В предисловии к своей брошюре А Кельчевский, как уже было сказано выше, говорит: „знать приемы и способы борьбы врага—обязанность каждого военного".

Но к чему ему это знание? Белой армии уже не существует и вряд ли Келчевский питает надежду после полученного урока на воскресение этой армии. Свои выводы, как и свою шпагу, он может предложить только иностранной бирже. И поэтому его выводы ограничиваются только констатированием факта, что красная конница безусловно хороша, что ее начальники весьма талантливы; но в его выводах нет того, что можно было бы ожидать: как же можно использовать опыт кр. конницы в применении к своей армии?

На этот вопрос мы можем найти ответ во французском журнале „Revuie de cavalerie" в книжке за июль—август 1921 г.

В названном журнале напечатана статья—неизвестного автора, но очевидно весьма близко стоявшего к польскому штабу и добросовестно изучившего действия красной конницы,—„этюд о действиях большевистской кавалерии".

Автор этой статьи, как офицер французской армии, рассматривая действия красной конницы, ставит себе более широкие задачи; давая оценку действий кр. конницы, он задается вопросом: какую пользу может извлечь из опыта кр. конницы французская кавалерия?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, автор дает беглый обзор операций красной и польской армии, останавливая главное внимание на действиях красной конницы.

Более существенную часть этого обзора мы приводим почти полностью, полагая, что это представит безусловный интерес для работников кр. армии.

1. „Расположение польских и большевистских армий после польского весеннего наступления 1920 года.

а) *Польская армия.*—Польское наступление весной 1920 года имело результатом достижение польскими армиями линии Днепра (взятие Киева 7-го мая 1920 года).

Линия, достигнутая поляками, упиралась на севере в Зап. Двину, на юге—в Днестр и тянулась на 950 клм. через Двинск—Борисов—по течению Днепра (от впадения Березины до Канева)—Таращу—Гайсин—Ямполь.

К моменту установления линии фронта польская армия состояла из 22 пехотных дивизий и одной запасной кавалерийской дивизии, распределенных следующим образом.

	Сектор Двинск—Борисов (150 кл.) . .	3	див. пех.
	Сектор Борисов—Канев (550 кл.) . .	$6^1/_2$	див. “
	Сектор Канев—Ямполь (250 кл.) . .	$6^1/_2$	див. “
В резерве	Вильно	3	див. “
	На германской границе . .	2	див. “

Несоответствие между линией протяжения фронта и средствами, коими располагало польское командование для удержания этой линии делало устойчивость фронта очень слабой и кордонное расположение, к которому оно приводило, еще усугубляло это положение.

Высшее командование выставило на фронт почти все свои пехотные дивизии и, за отсутствием возможностей к быстрой переброске, не могло использовать зачатки резервов, которые оно создало.

Кавалерийская дивизия находилась в периоде формирования и представляла собой всего лишь группу бригад.

Частные начальники проводили в жизнь те же принципы распределения сил, так что польская армия, растянувшаяся до чрезвычайности, представляла собой тонкую кордонную линию, неспособную к обороне и в тылу у которой не имелось никаких частей, способных в случае прорыва заткнуть дыру и остановить неприятеля.

Обширное поле сражения, на котором разовьется большевистское контр-наступление, разделяется на два совершенно отличных друг от друга военных театра болотистой областью реки Припяти, тянущейся от Киева до Брест-Литовска.

Распределение польских сил соответствовало этому подразделению:

Северная группа (1-я и 4-я арм.).

Южная группа (3-я и 6-я арм.).

Связь между этими двумя районами пытался поддерживать оперирующий в низовьях Березины и подчиненный командованию северной группы отряд Полесья.

б) Большевистская армия.—Польское наступление притянуло на русско-польский фронт около половины всех вооруженных сил Московского правительства.

13 августа к моменту нахождения большевистских армий у ворот Варшавы из 67 пех. дивизий и 17 див. кав. на польском фронте находилось 36 пех. дивизий и 9 кавалерийских дивизий.

Усиление фронта могло прогрессировать хотя и очень медленно ввиду того, что Троцкий располагает очень ограниченными средствами передвижения. Только кавалерия, совершающая передвижения походным порядком, будет привлечена к делу с самого начала большевистского контр-наступления.

В первых числах мая силы красных, могущих принять участие в боях на польском фронте, составляли приблизительно 22 пех. див. и 9 див. кав. Эти силы распределены между двумя группами в соответствии с двумя театрами, разделяемыми Припятью.

Северную группу (II пех. див. и 2 кав. див.) под командой Тухачевского составляют XV и XVI армии.

Южную группу (10 пех. див. и 7 кав. див.), находящуюся под командой Егорова, составляют XII и XIV армии и конная армия Буденного.

2. Первая фаза большевистского контр-наступления.

а) К северу от Припяти.—Самая северная большевистская армия—XV-я, как только это стало возможным по местным климатическим условиям, переходит в наступление (14-го мая) между Полоцком и Лепелем.

Несколько дней спустя и XVI-я большевистская армия переходит в свою очередь в наступление, пытаясь развить к югу успех, достигнутый XV армией.

Польский фронт дрогнул и 1-я польская армия отходит на линию Свенцяны—Борисов, на которой ей удается на время задержать XV большевистскую армию, между тем как XVI-я большевистская армия, которая смогла вначале продвинуться к Минску, энергичными контр-атаками отброшена в беспорядке к Березине (28 мая).

В первые дни большевистского контр-наступления польское командование приняло ряд решений в целях восстановить положение, скомпрометированное отходом своей 1-й армии, и направило в эту армию:

4 див. пехоты, снятых с украинского фронта, $1^1/_2$ див. пех. из Виленского резерва и 2 пех. див. с германского фронта.

Как только она была подкреплена, 1-я польская армия переходит в контр-атаку и отбрасывает XV большевистскую армию в исходное положение.

В конечном счете к 12 июня фронт вновь устанавливается на линии Дрисса—Борисов.

Равновесие, таким образом, восстановлено, но большевистское наступление, результаты которого в смысле захвата территории были ничтожны, поглотило большую часть сил, находившихся в распоряжении командования и заставило его оголить украинский фронт и без того уже жидкий.

б) К югу от Припяти.—В начале большевистского контр-наступления украинский фронт оставался в кажущемся спокойствии, каковое нарушалось только активностью красной конницы.

Обе польских армии (3-я и 6-я), занимающие фронт к югу от Припяти, были очень удалены от своих баз и, сверх того, были очень ослаблены усилением за их счет 1-й армии.—Общее количество сил не превышало $8^1/_2$ див. пех. и 1-й див. кав.

3-я армия занимала Киевский сектор; она была расположена по течению реки и в целях прикрыть самый город выдвинула на восточный берег тет-де-пон с очень слабым радиусом действия.

Левый фланг армии упирался в Пинские болота, где она пыталась связаться с Полесской группой и соединялась в районе Таращa-Володарка с левым флангом 6-й армии, правый фланг которой достигал Днестра.

Коммуникационные линии с тылом составляли магистрали, которые выходили на Киев:

Жел. дорога Киев—Сарны.

Жел. дорога Киев—Казатин.

Шоссе: Киев—Житомир—Ровно.

Расположение русских сил, оперирующих на этом фронте, было следующее:

XII армия (5 див. пех. и кав. див.) на правом берегу Днепра.

XIV армия (5 пех. див. и 1 кав. див.) между Днепром и Днестром.

Конная армия Буденного (5 кав. див., входящих в эту армию, составляют 4 кав. див. собственно этой армии и 9-я кав. див., приданная на время) обеспечивающая связь между XII и XIV армиями.

Большевистское командование делает нажим на 3 армию, чтобы попытаться прорвать польский фронт в районе Киева и к преимуществам прорыва фронта прибавить моральный под'ем, долженствующий иметь, по его мнению, место занятием столицы Украины.

Большевистский план базируется на комбинированных действиях двух групп, которые, атакуя 3-ю польскую армию на ее флангах, местах в особенности слабых, прорвут с легкостью фронт и угрозой коммуникационным линиям этой армии принудят ее, во избежание окружения, к отходу.

Южная группа (конармия Буденного, поддержанная 2 див. пех. XIV армии) будет атаковать в стыке 3-ей и 6-й польских армий в направлении на сев.-запад.

Северная группа (1 бриг. кав. и 2 див. пех.) вводилась в бой несколько позже, перейдет Днепр при впадении Тетерева и будет

действовать в общем направлении на юго-запад, опираясь своим правым флангом на реку.

На фронте перед Киевским тет-де-поном будет оставлена только простая завеса.

23-го мая XIV большевистская армия атакует на фронте Канев—Таращ—Володарка.

5 июня кавалерийскому корпусу Буденного удается прорвать польский фронт в районе Володарки на стыке 3-ей и 6-й польских армий и корпус, пользуясь прорывом, устремляется в тыл польских линий.

8-го июня он достигает и перерезывает железную дорогу Киев—Казатин к западу от Паволочи, бросает одну дивизию кавалерии на Житомир для производства там „военных разрушений“ и поворачивает на северо-восток, чтобы обойти с тыла польские части, расположенные в районе Киева.

В это же время северная группа перешла Днепр и направлена вдоль Тетерева в юго-западном направлении.

7-го июня кавалерия достигла Иванкова и брошена на железнодорожный мост через Тетерев на линии Киев—Сарны. Таким образом, у польской армии оказалась перерезанной 2-ая железнодорожная коммуникационная линия.

Стоя перед этой двойной опасностью, командование 3-ей польской армией отдает приказ об эвакуации Киева (9 июня) и отходит на Тетерев (12-го июня).

Широкая брешь в польском фронте открыта и отход 3-ей и 6-й польских армий на Житомир и Бар еще более расширяет прорыв.

Высшее польское командование пытается закрепиться на линии Овруч—Новоград-Волынск—Бар—Могилев и для того, чтобы спаять обе армии, берет подкрепление из числа своих последних резервов (полдивизии пехоты) и снимает части к северу от Припяти (две с половиной дивизии пехоты) всего 3 дивизии пехоты.

20 июня 3-я и 6-я польские армии устраиваются на предписанной линии фронта и подкрепления приходят в район Ровно.

В целом, эта первая фаза большевистского контр-наступления может быть отмечена:

Переходом инициативы операций в руки красной армии;

Прорывом польского фронта; израсходованием польским командованием резервов;

И, между тем, оба противника располагали почти что одинаковыми силами—

Меньшая численность пехоты у русских (180.000 человек против 200.000 человек) широко компенсировалась заметным преобладанием кавалерии (7 кав. див. против 1 кав. див.).

3. Вторая фаза большевистского контр-наступления.

После этих первых успехов, которые сильно расшатали польские армии, Советское правительство усиливает свой натиск.

Намечая целью достижений своих армий—Варшаву, оно расчитывает продиктовать советский мир Польше в польской столице.

Все свободные большевистские силы направлены на польский фронт и из них формируется 5 армий и 2 корпуса кавалерии.

Группа Тухачевского насчитывает 3 армии и корпус кавалерии (IV, XV и XVI армии и 3 кав. корпус), в общем, 23 пех. дивизии и 2 дивизии кавалерии.

Группу Егорова составляют две армии и одна конная армия (XII и XIV армии и конная армия Буденного), в общем, 10 дивизий пехоты и 7 див. кавалерии.

а) *к северу от Припяти.*—4-го июля Тухачевский переходит в наступление. Атакуя с фронта своей армией центра (XV-я армия), он бросает свою IV армию на левый фланг поляков, который он старается опрокинуть своей кавалерией (3-й кав. корпус).

1-я польская армия, не располагающая никакими резервами, чтобы парировать угрозу окружения, подается назад с первого же дня атаки. Командующий армией хочет попробовать закрепиться на линии Постава—Борисов, заходя левым плечом, но под давлением кавалерии противника движение отхода скоро превращается в бегство.

Авангард большевистских сил вступает в Вильно (15 июля), Гродно (20 июля) и достигает к 29 июля линии Белосток—Осовец.

1-я польская армия почти перестала существовать, она насчитывает всего несколько тысяч штыков.

Продолжающийся отход 1-й польской армии влечет за собой отход более южного польского фронта (4-я армия и группа Полесья).

В конечном итоге к 31 июля линия, достигнутая большевистскими армиями, отмечается к северу от Припяти: Осовцом—Белостоком—Брест-Литовском.

б) *к югу от Припяти.*—Как следствие своего отхода из Украины (25 июня) полякам удается создать новый фронт на Случе.

2-я армия была вкраплена между 3-ей и 6-й по обе стороны от шоссе Киев—Ровно.

Сектор Новоград-Волынска занят группой Бербеки (2 див. пех. и 1 див. кав.).

Все полки расположены на линии за рекой и болотами, которые служат ее продолжением к Уборте. Но засуха свела на нет у этих препятствий всю их ценность для обороны. Местность,—широкая культивируемая долина, слегка всхолмленная, очень благоприятна для действий кавалерии.

21 июня конная армия Буденного (4, 6, 9, 11 и 14-я кав. див.), поддержанная 2 див. пех. (44-я и 55 див. пех.) атакует в районе Новоград-Волынска.

Главная масса в направлении прямо Новоград-Волынск.

Одна кав. дивизия (14-я) влево у моста у Кульска через Случ:

Одна кав. дивизия (11-я) при поддержке бригады пехоты вправо у моста у Емельчина через реку Уборть.

Левее кавалерийского корпуса Буденного и развивая его действия, 45-я пех. дивизия атакует на фронте Киланка—Мирополь—Любар, по обе стороны от железной дороги Бердичев—Шепетовка.

Под этим натиском группа Бербеки эвакуирует тет-де-пон у Новограда, но задерживается, несмотря на все атаки противника, на реке.

Буденный усиливает свой натиск.

44-я пех. дивизия вступает в бой к северу от Новограда, чтобы поддержать 11-ю кав. дивизию, но польские войска сектора, усиленные бригадой кавалерии, препятствуют неприятелю переправиться через реку.

14-ой кав. дивизии удается, между тем, прорвать польский фронт на стыке 3-й армии и группы Бербеки в районе Кульск—Киланки.

27-го июня в 2 часа утра, пользуясь прорывом, произведенным 14-й кав. дивизией, кавалерия армии Буденного переходит Случ.

Напрасно генерал Бербеки пытается остановить ее, направляя против нее свои последние резервы,—один баталион и одну бригаду кавалерии. Поле действия свободно, кавалерия глубоко проникает между польскими линиями.

К северу почти одновременно с этим 11-я кав. дивизия форсировала переправу у Емельчина и перешла р. Уборть.

Обойденный с двух флангов генерал Бербеки отдает приказ эвакуировать Новоград-Волынск и пытается произвести перегруппировку своих частей на линии отхода на высоте Кореца. Но его приказы уже невыполнимы.

Настойчиво продолжая наступления, Буденный бросает одну кав. дивизию (II-ю) на Корец, куда она входит 28 июня, а с главными своими силами (4-я 6-я, 14-я кавдив.) направляется на Шепетовку 29 июня), откуда он направляет часть сил на Ровно, дабы отрезать прорванным им только что польским войскам единственный остающийся им путь отступления: шоссе Новоград—Луцк.

Сзади по пятам идет 45 пех. дивизия, готовая поддержать кавалерию или же принять ее на себя.

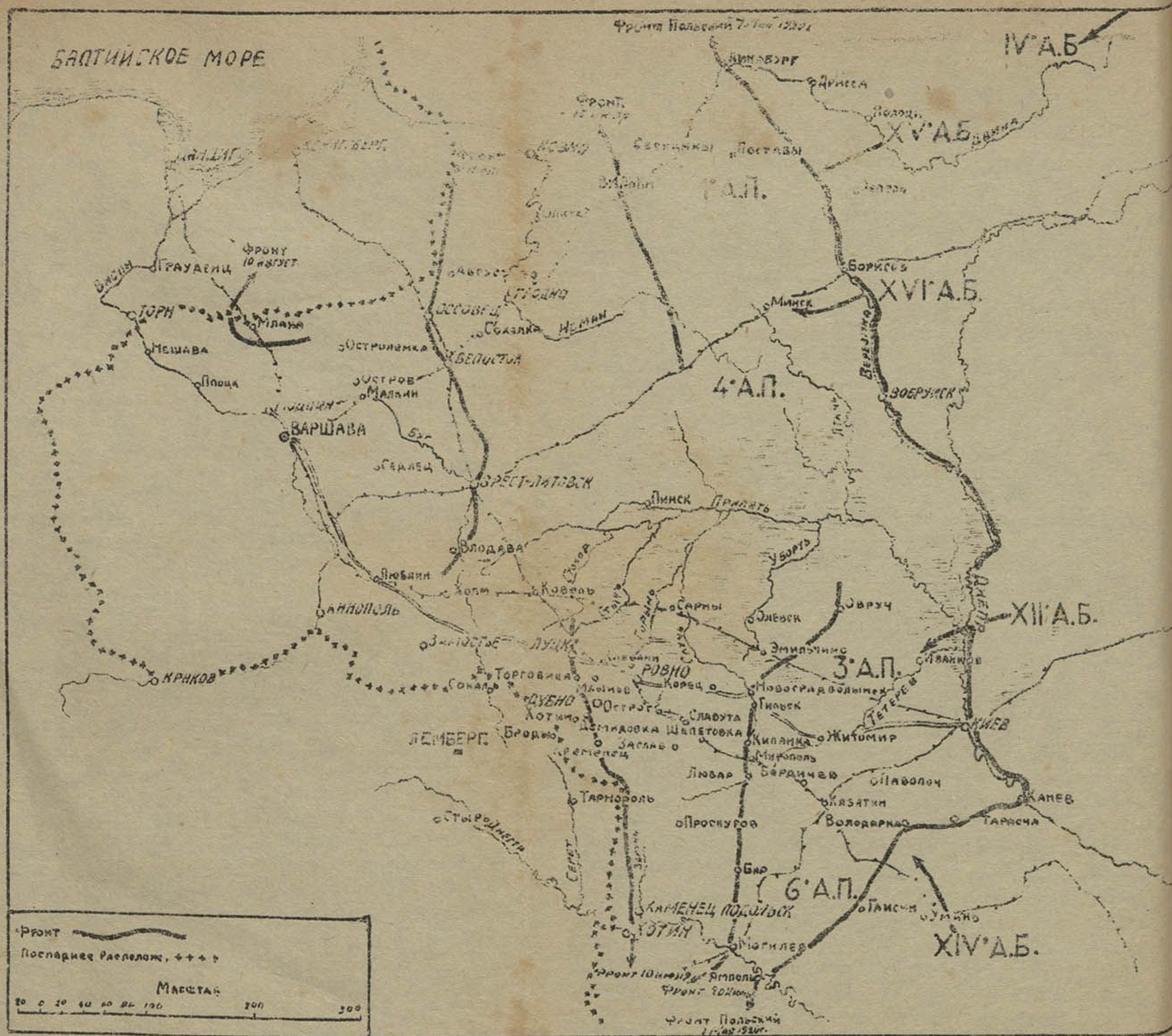
После непродолжительной остановки (29—31 июня), без сомнения необходимой для перегруппировки, конная армия Буденного продолжает движение.

2-го июля ее авангарды достигают Горыни на фронте Заславль—Славута и направляются на Острог.

5 июля Буденный занимает Ровно, между тем как часть сил поворачивает к северу, чтобы отрезать пути отступления польским войскам, оперирующим еще к западу от Горыни.

9 июля 2-я польская армия производит удачную контр-атаку в районе Ровно, в течение которой она наносит серьезные потери кавалерии Буденного.

Красная кавалерия разжимает тиски и фронт временно устанавливается позади препятствий, представляемых реками Стырью,

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
IV А.Б.
XV А.Б.
XVI А.Б.
XII А.Б.
XIV А.Б.
4 А.П.
3 А.П.
6 А.П.
Фронт 10 август
ВАРШАВА
ТОРН
Грауденц
Млава
Нешава
Плоцк
Остроленка
Остров
Малкин
Седлец
БРЕСТ-ЛИТОВСК
Влодава
Холм
Ковель
Пинск
Припять
Уборть
Сарны
Олевск
Овруч
Эмильчино
Новоград-Волынск
Житомир
Киев
Бердичев
Казатин
Канев
Тараща
Гайсин
Могилев
Проскуров
Бар
Тарнополь
Хотин
Каменец Подольск
Ровно
Луцк
Дубно
Броды
ЛЕМБЕРГ
Корец
Славута
Шепетовка
Минск
Бобруйск
Борисов
Березина
Днепр
Тетерев
Неман
Гродно
Осовец
Белосток
Свенцяны
Поставы
Дрисса
Двина
Фронт
Масштаб

Иквой, Сбручем, на линии Луцк—Дубно—Кременец—Каменец-Подольск.

15-го июля Буденный возобновляет движение на запад на фронте Клевань—Кременец.

14-я кав. дивизия устремляется через Клевань на Луцк; 6-я кав. див. через Млынов на Торговику; 4-я кав. див. на Дубно; 11-я кав. див. на Кременец.

Следом за 11-й кав. дивизией наступает 45 пех. дивизия.

В то время, как другие из числа кавалерийских дивизий остановлены в своем наступательном движении на польских позициях, 4-я кав. дивизия форсирует переправу через Икву, прорывает польский фронт у Дубно и бросается через Демидовку на Хотин в направлении на Броды, куда она вступает 18-го июля, внося полное расстройство в обозы отступающего противника.

Мы подходим к концу большевистского наступления на этом театре военных операций. Дело решается на подступах к Варшаве.

Красным армиям удается продвинуться за Серет (Тарнополь) и Стоход и отбросить польские войска к Бугу. 8-й кав. дивизии XIV армии удается даже временно дойти до Стыри в стремлении захватить Львов с юга, но эти удачи остаются без последствий. .

Конная армия Буденного, спешно отозванная для парирования польского контр-наступления в район Соколь—Замостье—Люблин, тщетно пытается продвинуться в направлении на Замостье; она несет в этих бесплодных попытках тяжелые потери, которые заставляют ее приостановиться вплоть до того момента, когда (31 августа) русско-польское перемирие положило конец военным действиям.

4. Третья фаза большевистского контр-наступления.

Мы оставили 31 июля IV и XV большевистские армии на фронте Осовец—Белосток—Брест-Литовск.

Они продолжают наступление, усиливая с севера окружение остатков 1-й польской армии, получивших во время отступления подкрепление в лице двух дивизий пехоты из резервов Вильны.

3-й большевистский кавалерийский корпус, поддержанный бригадой пехоты, достигает (4 августа) Остроленки, перерезывает железную дорогу Варшава—Млава—Данцинг (10 августа). Некоторым частям удается даже перейти Вислу в районе Нешавы.

Большевистское командование близко к цели своих стремлений, поставленных с начала кампании:—Варшава.

В то время, как главные силы атакуют польскую столицу непосредственно с востока, 3-й кав. корпус и IV армия захватывают с севера и северо-запада укрепленную зону Варшава—Модлин *).

Игра кажется окончательно проигранной. Польское правительство предпринимает уже шаги по эвакуации Варшавы, но путем напряжения энергии, поддерживаемое советами Франции, польским армиям

*) Прим. ред. Новогеоргиевск.

удается, используя ошибки противника, взять вновь в свои руки инициативу.

Главное командование большевистских армий (Каменев) как будто не координировало *) наступательное движение двух групп армий Тухачевского и Егорова.

В самом деле, первый из них делает нажим все более и более к северу, в то время, как второй направляет удар своих армий на Львов. Между группами армий образуется в районе Холм—Люблин прорыв в 80 кл. ширины.

Польское командование сосредоточивает силы, предназначенные для контр-наступления (4-я армия) и бросает их (16-го августа) в направлении с севера на Седлец—Малкин, заходя во фланг войскам группы Тухачевского и отрезывает их от Буга.

Большевистские войска начинают беспорядочное отступление.

31-го августа поляки достигают линии, намеченной нотой лорда Керзена: Августово—Соколка—Брест-Литовск—Влодава и там останавливаются.

Успехи, которые в течение трех месяцев привели большевистские армии с линии Днепра к Висле, могут быть об'яснены чрезмерностью фронта польской армии, вытянутой на пространстве, не соответствующем наличным силам и средствам; но полнота и быстрота этих успехов, по всей справедливости, должна быть отнесена на счет красной конницы.

Это она была в течение этих операций „решающей армией".

Два главных фактора, которые позволили ей сыграть эту роль:

Ее боевые качества, прежде всего, причину коих следует искать в заботливости, вложенной при ее организации и в применении ее тактики к условиям современного боя.

А затем принципы, согласно коим она была распределена по фронту и применявшимся при ее использовании".

После этого беглого обзора автор переходит к рассмотрению организации красной конницы, в общем и целом почти правильно освещая этот вопрос. Затем он переходит к оценке главных принципов использования кавалерии, которые, по мнению автора, применялись командованием кр. армии.

Оценка эта следующая:

„*1) Марши.*—Стратегические передвижения больших кавалерийских соединений совершаются всегда походным порядком.

Армия Буденного, выступив с Кавказа 24 марта и покрыв в 64 дня 12000 кл., 23-го мая уже атакует на украинском фронте.

Переходы вдали от противника совершаются дивизиями кавалерии на расстоянии 50—80 кл. одна от другой. Переходы эти совершаются по одному и тому же типу.

*) Автор этой статьи не осведомлен об истинных причинах; последние были, к сожалению, вне зависимости и воли нашего главнокомандования. Б. Л.

Выступление в 4 часа. Большой привал в середине перехода на несколько часов. Прибытие на ночлег в 18 часов. Переходы совершаются исключительно шагом.

Средний переход измеряется в 30 кл. Дневка на четвертый день перехода.

2) Сближение.—Каждая кавалерийская дивизия получает определенную зону действий. Она наступает разомкнутыми строями. Каждая бригада прикрывается цепью раз'ездов по три всадника в каждом. Батарея, приданная бригаде, идет в авангарде.

Главные силы идут за авангардом на дистанции от 500 до 1000 метров.

3) Атаки.—Против позиций, занятых пехотой: патрули определяют пункты, занятые пехотой. Автоматически, впереди идущие, части спешивают три четверти всадников и завязывают огневой бой (карабин, пулемет, орудие). В то время как эта демонстрация приковывает внимание противника, другие части просачиваются в интервалы, либо в пешем, либо в конном строю для того, чтобы попытаться деморализовать противника огнем с тыла и этой простой угрозы бывает, обычно, достаточно, чтобы сломить сопротивление.

В принципе, русская кавалерия не ищет случая сразиться холодным оружием с конницей противника. Она пытается втянуть противника в зону, где он будет находиться под пулеметным огнем.

Выводы.

Использование большевистской кавалерии в 1920 году характеризуется:

1) С точки зрения стратегической—интенсивным использованием возможностей кавалерии в смысле передвижения для формирований маневренных масс, которые русское командование пускает в дело то на одном, то на другом фронте и которыми оно пользуется для достижения решительных результатов.

2) С точки зрения тактической—комбинированием огня и движения—с одной стороны, чтобы приковать противника, а с другой,—чтобы действовать на его коммуникационные линии и заставить противника прекратить сопротивление, либо путем охватов, либо просачиванием внутрь его расположения.

3) Гибкость способов ведения боя, преимущественное использование для ведения боя огнестрельного оружия перед холодным.

Большевистская кавалерия играла в боях против Польши главную роль. Это она достигла решающих результатов.

Дело в том, что операции на русском фронте в 1920 году протекали в особых условиях, к которым большевистское командование сумело применить организацию и использование своей кавалерии.

То, что больше всего привлекает внимание в этих операциях—это несоответствие между обширностью театра военных действий и

числом сил, которые были пущены в дело неприятельскими армиями. На фронте протяжением в 1000 кл. большевики смогли выставить на фронт во второй фазе операции 33 пех. дивизии и 9 див. кавалерии, против которых поляки имели всего 22 пех дивизии и 1 див. кавалерии. При таких условиях фронт не мог быть беспрерывным. Он по необходимости должен был иметь фланги и незаполненные интервалы. Даже на занятых участках фронта насыщенность была очевидно в некоторых местах весьма слабой.

Польское командование, развернув на фронте почти все свои вооруженные силы и не имея войск в глубину, лишило себя возможности маневрировать, что дали бы ей сильные резервы.

Большевистской кавалерии было не трудно иметь дело с таким противником. Она должна была, естественно, использовать свою способность к движению, чтобы взорвать фронт путем охвата флангов, или проникая в интервалы. Ей мог бы даже удаться прорыв фронта, используя свои огневые возможности, атакуя фронт на слабо занятых участках. Обойдя или прорвав фронт—красная конница получала полную свободу действий, т. к. у противника не было резервов для перехода в контр-наступление. Она могла, устремляясь на коммуникационные линии противника, быстро использовать свои успехи и сорвать сопротивление.

Бедность коммуникационных линий и средств передвижения придает операциям на русско-польском театре специальный характер. Обе неприятельские армии располагали весьма слабо развитою сетью дорог, которые к тому же находились, наверно, в скверном состоянии. Их сеть железных дорог развита еще слабее. Транспортные средства противников (автомобильные и железнодорожные) очень ограничены. Они могут расчитывать при их стратегических движениях и тактических маневрах, в сущности, только на ноги пехоты и, главным образом, на ноги их лошадей. Действия кавалерии приобретают при таких условиях первенствующее значение и становится вполне понятным, что большевистское командование смогло извлечь такую большую пользу от подавляющего превосходства, которое ему давали конные массы, против которых поляки могли выставить всего несколько эскадронов.

Наконец, большевистская и польская армии располагали в течение кампании 1920 года материальными средствами (артиллерия, авиация, инженерн. и т. п.), значительно более бедными и по качеству и по количеству по сравнению с армиями, дравшимися в минувшую кампанию на западном фронте, или теми армиями, которые могут быть пущены в дело в будущем конфликте наций, нормально снабженных. Обширность фронтов и отсутствие средств мешали им довести могущество огня до того значения, которое оно получило и и еще получит в бою. Ибо это, именно, развитие могущества огня, ограничивает в современной войне случаи, когда кавалерия может принять участие в деле и диктует условия ее использования. Это заме-

чание позволяет понять также, почему большевистская кавалерия могла расширить свою роль и иметь такое применение.

В общем, обширность фронтов по сравнению с наличными силами противников, недочеты по материальному снабжению армий и, в частности, огневыми средствами боя, бедность в коммуникационных линиях, придали войне 1920 года на русско-польском фронте особый характер, в значительной мере способствовавший использованию кавалерии.

Если в будущем повторятся условия, подобные описанным, то очевидно, что кавалерия найдет для себя широкое поле действий.

Но было бы весьма неосмотрительно из роли, сыгранной большевистской кавалерией, вывести заключение, что кавалерия могла играть роль на западном фронте в течение войны 1914—1918 г. г., или же считать, что, в случае нового конфликта на этом фронте, она должна сыграть там аналогичную роль и применить к ней то же средство использования.

Надо остеречься от всякой опасной аналогии и найти нужные границы для поучений, которые мы могли бы извлечь с пользой для себя.

В новом конфликте противники, по всей вероятности, постараются избежать слабых мест, в виде обнаженных флангов, упирая их либо в непреодолимые препятствия, либо к какой нибудь нейтральной границе. Операции разыграются, в общем, в районах, сильно насыщенных железными и другими дорогами. Благодаря богатству в коммунникационных линиях за армиями сохраняются, с точки зрения тактической и стратегической, большие возможности по маневрированию до тех пор, пока они будут в состоянии иметь крупные резервы.

Прорыв фронта и проникновение далеко вглубь, способные дать решающие результаты, могут иметь место только тогда, когда истощение от затяжного сражения лишит противника возможностей к маневрированию, или в случае морального упадка духа противника.

Нам необходимо знать, какое место займет наша кавалерия в только что очерченных рамках. Для того, чтобы выработать наше мнение и установить нашу доктрину, было бы неблагоразумно итти искать заключений в событиях русско-польского фронта, ибо они протекали в совершенно других условиях.

Для того, чтобы определить роль кавалерии в будущем конфликте на западном фронте, мы должны обратиться к изучению того, что нам дает по этому вопросу война 1914—1918 г. г., т. к. операции завтрешнего дня будут в общем аналогичны прошлой кампании.

Поучения, которые дает нам эта война, многочисленны. Их будет совершенно достаточно, чтобы показать, что большие конные массы смогут сыграть еще значительную роль в войне будущего и зафиксировать границы и способ употребления этого рода оружия".

* * *

Из отзывов наших врагов мы можем лишний раз убедиться, что пути, пройденные красной конницей, что методы борьбы, применявшиеся ею, были в общем и целом верными. В этом вопросе мы согласны с нашими врагами.

Но мы не можем согласиться с автором приведенной выше статьи во взгляде на будущую роль конницы.

Прав, конечно, автор, когда говорит, что методы нашей конницы смогут быть применены, если условия предстоящих войн будут такими, какими они были в русско-польскую войну, но автор безусловно неправ, думая, что „операции затрашнего дня будут в общем аналогичны прошлой кампании“ (1914—18 г. г.).

Французский офицер не верит, а, главное, не понимает тех новых факторов, которые теперь играют первенствующую роль и которые не имели места перед войной 1914—18 г. г.

Классовые противоречия в странах капиталистических слишком обострились, слишком возросло рабочее движение, пролетариат слишком стал оказывать большое давление на политику своих правительств, чтобы позволить в будущих войнах мобилизацию всего мужского населения для истребления во имя утоления алчных аппетитов своей буржуазии. Пролетариат слишком уже прозрел, чтобы дать еще раз убаюкать себя теми лозунгами, которыми его баюкала буржуазия в войну 1914—18 г. г. Экономические условия также изменились и не таковы, какие они были до мировой войны и вряд-ли скоро будут залечены старые раны.

И коль скоро это так, то вряд-ли в будущим войнах смогут быть сплошные фронты, густо насыщенные „пушечным мясом“ и вряд-ли средства воюющих позволят делать такие расходы, как в прошлую кампанию.

Будущие войны будут верно отличаться теми же особенностями, что и русско-польская война—маневренным характером, малочисленностью сил, т. е., именно, теми условиями, которые благоприятны для действий больших конных масс. Правда, будущие войны могут отличаться еще более широким применением новых технических средств борьбы, чем это имело место в войну 1914—18 г. г., но мы думаем, что это нисколько не умаляет будущей роли конницы и, что это вовсе не доказывает необходимости пользоваться конницей, как это думают французские офицеры (см. статью Брекара „Будущее конницы“).

Новые технические средства борьбы с успехом смогут быть использованы для усиления наличных свойств конницы, также как может быть использовано для этой цели современное могущество огня.

Мы думаем, что наши взгляды на будущую роль конницы более правильны и жизненны, и что красной коннице следует итти по из-

бранному уже ею пути, совершенствуясь и развиваясь и, готовясь уметь, пользоваться, как новыми техническими средствами борьбы, так и особенностями пешего боя в полной мере.

Мы не сомневаемся, что красная конница, находившая до сих пор пути к победе, найдет их и в предстоящих ей испытаниях.

Брекар.

Будущее конницы

(перевод с французского А. Типольта).

I.

Предисловие.

В начале 1921 года вновь начал выходить журнал „Обозрение Конницы“. В первом номере журнала помещена была статья генерала Вейганда, долженствующая до известной степени подвести итоги кавалерии. Выдающемуся сотруднику маршала Фоша, бывшему, не надо того забывать, в течении долгого времени одним из наиболее выдающихся инструкторов кавалерийской школы, удалось в нескольких словах точных и ясных установить роль кавалерии на завтра после войны и обрисовать будущее, которое может ее ожидать. После краткого обзора роли, сыгранной кавалерией на западном фронте, а также в России, Италии, на Балканах и в Палестине с теми боевыми средствами, которые у нее имелись, генерал Вейганд набросал широкими мазками будущее, которое рисуется для кавалерии, снабженной новейшими средствами боя: повозки, авто-пулеметы, авио и, вообще, все то, что, как он выразился „было выдумано не для того, чтобы свести на нет кавалерию, но для того, чтобы увеличить ее силу“.

После этой основной статьи, которая намечала для кавалерии те пути, по которым пойдет ее дальнейшее развитие, появились в печати другие статьи, внесшие в неустановившееся миросозерцание офицеров больше смущения, чем света. Авторы их, являвшиеся, в большинстве случаев, лицами известными в кавалерийском мире, занялись критикой принципов, внесенных в новый только что выпущенный устав и устав, кстати сказать, временного характера. Получилось то, что офицеры, читая теперь внизу статей фамилии начальников, которых они по справедливости привыкли любить и уважать, спра-

шивают себя, где же, наконец, истина. Не зная ее сам, я отнюдь не претендую им ее открыть. Истина в военном деле познается опытом, размышлением, доверием и верой. Дальнейшие строки имеют единственною целью—попробовать ориентировать моих товарищей, выявив влияние, которое имела война на оружие находившееся в тени, часто непонятое и подчас употреблявшееся не считаясь с его особенностями или даже с интересами войны в ее целом.

II.

Перед войной.

Перед войной за кавалерией, кавалерией разведки, или кавалерией охранения была признана роль доставлять сведения о противнике—следовательно, вести разведку, прикрывать и сражаться. Считалось так, чтобы выполнить эту роль, крупным соединениям конницы придется прежде всего отделаться от неприятельской кавалерии; отсюда идея кавалерийского боя, которая стояла превыше всего. Эта идея, удачно использованная немецкими военными писателями, была тем лейт-мотивом, который служил основой инструктирования конницы и ежегодно в течении совместных маневров кавалерия обучалась сражаться с кавалерией противника. Было бы несправедливым утверждать, что она обучалась только этому, т. к. среди начальствующих лиц были, конечно, и такие, которые отдавали себе ясный отчет в использовании крупных соединений конницы в бою, но также совершенно очевидно и то, что в глазах командования бой в конном строю, бой конницы с конницей является единственно тем боем, который должен дать быстрые и положительные результаты. Боевая единица считалась достаточно подготовленной, когда она могла пройти любым аллюром по всякой местности и раздавить неприятеля могучим ударом своих эскадронов.

Помимо этих принципов кавалерийского сражения, которые изучались, в особенности, в инструкционных лагерях и на осенних маневрах, кавалерия ежедневно упражнялась в уставной службе, службе в поле. Все задания кавалерии: разведка, бдительность, охранение были предметом самых тщательных забот. Раз'езды, взводы, эскадроны употреблявшиеся для этих служб выполняли их обычно хорошо. Хорошее сознательное развитие наших кадров офицеров и унтер-офицеров, их выносливость и втянутость делали их особенно способными для этих различных служб, которые требуют от выполнителей столько же знания, столько и суровой решимости. Когда какая нибудь разведывательная единица, будь то взвод или эскадрон, пущенная на „ура“ впереди колонны, встречала отряд противника, хотя бы отряд этот был гораздо многочисленнее, она обязательно атаковывала его и обращала в бегство. Когда же разведывательная партия натыкалась на линию огня, она разведывала то, что принято называть линией

противника, высылая вперед раз'езды, или каким либо другим способом и приносила всегда донесение более или менее неопределенное. Атаковать с целью разведки не было в обычае, или, если даже и решались атаковывать, то еще менее в привычках было атаковать в пешем строю. Бой в пешем строю допускался уставами только в особо исключительных случаях: непреодолимое препятствие, оборона местных предметов. Отсюда проистекало то, что всякий кавалерист, который в потребных случаях выказывал себя сторонником этого способа боя, рассматривался часто людьми слабо размышляющими, как лишенный чувства истиного кавалериста.

Кавалерия так жила будучи вполне убеждена в том, что она стоит на правильном пути, да и как могло быть иначе, когда рядом с собой она видела пехоту, идущую в штыки с расстояния в 400 или 500 метров от противника.

III.

В начале войны.

При таких условиях разразилась война. Крупные соединения французской конницы, брошенные вперед с задачей уничтожить прежде всего немецкую кавалерию, таковой никогда не встретили.

Эта последняя, используемая однако в крупных соединениях, никогда не рискнула искать встречи с нашей конницей. Немецкие кавалерийские корпуса, действуя для непосредственной пользы их пехоты, никогда не имели своим заданием уничтожение нашей кавалерии. Результатом этого явилось то, что французская кавалерия, освобожденная на западном фронте от заботы сражаться с кавалерией противника, учавствовала в несколько приемов в тесном общении с другими родами оружия непосредственно в сражении. Так, дивизии корпуса генерала Сордэ сражались 28 августа на левом фланге английской армии, затем в окрестностях Перронна и во время боя у Урка на левом фланге VI армии. Но они учавствовали, главным образом, своей артиллерией и только уже лишь в сражении на Ипре можно было наблюдать крупные единицы конницы, сражающимися плечо к плечу с пехотными дивизиями. Однако чрезмерное использование в первые месяцы войны дивизий генерала Сордэ привело к тому, что в тот момент, когда их хотели привлечь для преследования противника, они оказались настолько измотанными, что не могли оказаться полезными.

Что же касается боевых столкновений мелких единиц, пущенных в разведку, то первые встречи все были в нашу пользу и с большим удовлетворением с первых же дней войны можно было наблюдать, что наша конница берет перевес над конницей противника,—перевес, об'ясняемый личными достоинствами сражающихся и энергичным побуждением со стороны начальников.

В противовес этому, нашим кавалеристам пришлось пережить не одно разочарование, когда после преследования отходящего противника конница доходила до сплошной линии огня и пулеметной огневой завесы, которую она не могла превозмочь. Какова боевая ценность этой линии огня? Что прячет она за собой? Как действовать, чтобы прорваться через нее? Если в ней не имеется прорывов и отсутствуют обнаженные фланги, какой способ избрать, чтобы разведать, что скрывается в тылу?

Кавалеристам приходилось часто останавливаться перед трудно разрешимыми задачами и, так как на войне делают то, что привыкли делать в мирное время, то они пользовались привычными им способами. Для разведки высылались раз'езды, но этот способ вел часто только к лишним потерям. Так как, в сущности, только бой выясняет положение, а бой в пешем строю не был в привычках кавалерии, то приходилось часто ожидать подхода пехоты, которая завязывала бой и получала те разведывательные данные, которые кавалерия получить не могла.

В общем, вот какие выводы можно сделать из опыта первых месяцев войны:

1) Отсутствие на западном фронте боев крупных соединений в конном строю. Если и можно привести пример одного или двух эскадронов, которые разворачивались для атаки конницы или пехоты, то никогда не видели в продолжении всей войны ни одной бригады, ни одной дивизии, идущей в атаку на кавалерийскую часть или на отступающую в беспорядке пехоту. Кавалерийские дивизии и корпуса принимали участие в сражениях своей артиллерией. Они никогда не дрались в конном строю с саблей или пикой в руках.

2) Недостаточность разведывательных данных, собранных кавалерийскими частями, остановленными сплошной линией огня, т. к. части эти не устанавливали интересующих их данных огневым боем.

3) Блестящие успехи одержанные в боевых встречах раз'ездами, взводами и эскадронами должны быть отнесены на счет качества кадров и масс, составляющих войска.

Таким образом, хотят того или нет, но представляется совершенно очевидным, что в течении первых месяцев войны огневой бой внес глубокие изменения в ранее существовавшие заблуждения; и в кавалерии так же точно, как и в прочих родах оружия, было скоро замечено, что могущество огня доминирует над всеми военными операциями. Если бы французская пехота была бы раньше осведомлена о могуществе огня, она не бросалась бы в атаку без предварительной артиллерийской подготовки, как она часто практиковала перед линией прочно занятой пулеметами; если бы германская пехота знала могущество огня, она никогда бы не использовала массивные строи, принесшие ей такие потери. Если бы, наконец, французская кавалерия знала лучше могущество огня, она никогда бы не проповедывала в виде догмы свой главный способ сражения в конном строю.

Через несколько недель после начала войны стало непреложной истиной, что могущество огня—вот тот главный фактор, на котором в будущем будет базироваться употребление кавалерии. Вооружение кавалерии значительно улучшено, способы ведения боя видоизменены, но она сохраняет прежде всего свою отличительную и главную черту, а именно: подвижность и быстроту, ту быстроту, которая делает из нее по преимуществу оружие движения и маневра. Снабженная ружьями—пулеметами—автопулеметами, повозками, она не является, как ранее, при наличии тяжелых обозов связанной дорогами; кавалерия является в руках командования могущественным резервом, который может быть переброшен со всеми своими огневыми средствами по всякой местности и в руках начальника, который сумеет ее использовать, произвести эфект неожиданности в выбранном месте и в желаемый момент. В таком духе реорганизованные кавалерийские части используются даже для занятия определенных секторов траншей совершенно также, как это делает пехота. Это не мешает кавалерийским частям сохранять, несмотря ни на что, все их качества конных частей с присущей им способностью к движению.

IV.

После войны.

Предшествующие замечания позволяют отдать отчет в том, как будет использована кавалерия в современной войне? Изменилась ли ее роль в области стратегии?

Очевидно, можно с уверенностью сказать, что в настоящее время задача дальней разведки принадлежит авиации, но помимо разведывательных данных, доставленных авиацией, кавалерия сохраняет свою роль, которая заключается, как и раньше, вести разведку, прикрывать и сражаться. Кавалерийские части, оперирующие в ближайшей к колоннам зоне, используются либо для доставления нужных командованию немедленных сведений, или представляют в руках командующего лица подвижные и могущественные резервы. Как в том, так и в другом им может представиться случай участвовать активно в бою. На этих двух задачах—разведке и сражении я хочу остановиться более подробно.

а) *Разведка.*—Авиация не может вполне заменить кавалерию в области разведки, а только лишь восполняет последнюю в дальней разведке. Авиация со своей поразительной быстротой передвижения по воздуху, со способностью проникать далеко в глубь неприятельских линий, видеть и немедленно принести сведения о противнике, представляет собой замечательный орган разведки. Но он все же не совершенен, он видит только то, что ему показывают, он слеп ночью; дождь, туман, дым значительно уменьшают область его применений. Авиация не берет пленных. Кавалерия, напротив, может действовать во

всякое время и на любой местности. Менее быстрая, чем авиация, но более быстрая, чем пехота, располагая во всякий данный момент всеми своими средствами, конница занимает среднее положение между одним и другим родом оружия. Способность кавалерии к атаке дает ей возможность раздобывать нужные ей сведения маневром и сражением.

В настоящее время трудно предположить, чтобы крупная кавалерийская единица была пущена на „ура“ на четыре или пять переходов впереди армии; это повлекло бы только за собой бесполезную ее гибель. Но, оперируя в двух или трех переходах впереди авангардов, конница будет иметь возможность производить разведку достаточно глубоко, чтобы осветить командование и обезопасить колонны от неприятельской артиллерии; она установит линию фронта, занимаемую противником, и постарается выяснить характер этого фронта, т. е. представляет ли он сплошную линию и нет ли в нем прорывов и интервалов; конница приобретет по преимуществу характер оружия установления контакта с неприятельской армией.

Иной раз неприятельский фронт будет представлять собой группу далеко отстоящих друг от друга опорных пунктов; кавалерия будет маневрировать вокруг них, захватит их путем обходов и будет продолжать движение. Может быть и так, что эти опорные пункты будут представлять собою более или менее сплошную линию фронта, которую ей не удастся обойти. Для того, чтобы узнать степень прочности этой линии, у кавалерии будет один только способ: атака некоторых из пунктов—и я скажу больше, атака в пешем строю с применением огневых средств боя: артиллерия, авто-пулеметы, спешенные кавалеристы. Эти средства будут часто недостаточны, чтобы сломить сопротивление противника. Командующему армейским корпусом надо будет тогда прежде всего усилить кавалерийскую дивизию, если он признает это полезным, частями пехоты и артиллерии, взятыми из авангардов для того, чтобы быстро получить нужные сведения, а, сверх того, и в целях более точного установления контакта частями авангардов.

Эта задача установления контакта до чрезвычайности деликатна. Она требует от начальства и войсковых частей глубокого познания в способах ведения боя, испытанной энергии и большой осмотрительности, т. к. кавалерийская дивизия неосмотрительно введеная в бой может быть уничтожена в несколько минут, до того момента, пока главные силы будут иметь время придти ей на помощь.

С того момента, когда авангард вступил в дело, командир армейского корпуса берет в свои руки ведение сражения. Он предлагает дивизионным генералам руководить местными действиями, вызываемыми обстановкой или предписываемыми командованием. Кавалерия сыграла свою роль, она переходит в резерв до того момента, когда она может быть снова использована и брошена вперед.

Обрисованная выше роль кавалерийской дивизии при сближении с противником может быть применена при тех же условиях к кавалерии армейского корпуса с тою лишь разницей, что ввиду ее ограниченного численного состава, слабости огневых средств боя, она никогда не сможет быть пущена особенно далеко для раздобывания сведений, необходимых командиру армейского корпуса. По большей части она будет в отряде авангарда и будет находиться в подчинении дивизионного генерала. Может даже случиться, что корпусная кавалерия будет распределена между дивизиями армейского корпуса, но тогда ее роль сведется к освещению авангардов на коротких расстояниях. Всякое продолжительное участие в бою для нее, так сказать, явится невозможным.

б) Сражение. В качестве подвижного резерва, находящегося в руках командования, крупные соединения конницы будут иметь огромную роль, как в наступлении, так и при обороне.

При наступлении с того момента, когда фронт будет прорван и расстроенный противник не будет более представлять собою линии огня достаточно солидной, чтобы удержать преследующих на расстоянии, кавалерия будет иметь широкое поле для действий. Она будет брошена в преследование, или непосредственно атакуя расстроенные части, дабы сломить последнее сопротивление и открыть проход, либо будет действовать на фланги противника. Для достижения этих результатов необходимо, чтобы она была снабжена всеми потребными огневыми средствами боя и, главным образом, боевыми повозками (mars de combat). Выдержанная нами продолжительная война никогда не была для нее достаточно благоприятной, чтобы позволить использовать ее описанным способом. В течении четырех лет позиционной войны интервалы между армиями всегда отсутствовали, а кавалерия для своего действия нуждается в пространстве. Но, даже при наличии таких неблагоприятных обстоятельств, мне приходилось слышать от многих корпусных командиров конницы о той пользе, которая может быть извлечена из маневренной конницы, и сожаление о том, что они не имели в своем распоряжении в момент отхода германской пехоты хотя бы нескольких эскадронов. Впрочем, в отношении полей сражения западного фронта может быть и нельзя было выразить каких либо сомнений о способах использования кавалерии при наступлении и обороне. Установление солидно организованного сплошного фронта, присутствие многих рядов проволочных заграждений и высокие качества обороняющихся войск, владеющих автоматическим оружием, всегда представляли для конницы те препятствия, которые мешали развитию ее операций. В России, на Балканах, в Палестине, как только кавалерия имела перед собой свободное пространство, она получала сразу возможность маневрировать с пользой для других родов оружия и, хотя и пускала в ход новые способы ведения боя, сохраняла вместе с тем свою традиционную роль быть оружием преследования.

При обороне. Операции на западном фронте в течении 1918 года указывают, как могут быть использованы крупные соединения конницы. Оставаясь, к счастью, в распоряжении высшего командования, они, главным образом, и помогли заткнуть брешь образовавшуюся на фронте союзных армий 21 марта между Нуаоном и Перонном, 8 апреля—у Кеммеля и 27 мая—у Шемен-дэ-Дам. Части шли в бой в очень тяжелых условиях, после переходов более чем в 200 километров и им все же удавалось, благодаря их втянутости и крепким кадрам, остановить своим огнем волны германского нашествия. Иной раз полки, только что развернутые на большем фронте, занимали уже окопы, устанавливали линию огня и отправляли в тыл мелкими партиями своих лошадей. В другое время бригады составляли батальоны, которые оперировали, как пехотные части. Эти способы использования кавалерии в пешем строю сохранены и новым кавалерийским уставом; но, все же, можно лучше отдать себе отчет в достоинствах каждого из них. Организация батальона из кавалерийской бригады представляет собой операцию в достаточной степени затяжного характера и неопределенную, которая может дать результаты, главным образом, при наступлении, когда есть впереди время для принятия соответствующих мер и организации атаки. Она всегда будет представлять собой неудобство ставить под начальство командира батальона части, принадлежащие к другому полку. Но при обороне приходится часто действовать очень быстро, вступать в бой как только части подошли. В этом случае, способ, состоящий в участии в бою в пешем строю в рамках постоянных единиц, предпочтительнее, главным образом, с точки зрения командования и быстроты исполнения, но он не допускает действий в глубину, что вызывается всегда боем пехоты.

Таким образом, вышло, что, сказав о принятых в настоящее время в кавалерии способах ведения боя, я, сам того не желая, оказался вынужденным сказать несколько слов о новом маневренном уставе и о критике, которой он подвергался.

V.

Вопрос устава.

„Опыт руководит школой“ напомнило одно из лиц, подпись которого стоит под одной из недавно появившихся статей о кавалерии. Эта истина справедливая для всех времен, как нельзя более точна для наших дней. Без сомнения, было бы предпочтительнее, если бы появлению временного устава предшествовал руководящий документ, как например, служба в поле, или инструкция о действиях крупных единиц, но ,считаясь с тем, что этот документ еще не появился в свет, представлялось нежелательным оставлять кавалерию еще долгое время в неизвестности. Устав, впрочем, должен заключать в себе вторую часть, касающуюся использования кавалерии; эта вторая часть увидит

свет, вероятно, в течении будущего года. Если положение о способах использования кавалерии, которое я только что высказал, соответствует взгляду на этот предмет со стороны высшего командования, трудно тогда не признать, что кавалерии предстоит сражаться чаще всего в пешем строю. Возможно ли представить себе сколько нибудь значительное кавалерийское соединение, бригаду или дивизию кавалерии, призванную сражаться в Европе и являющуюся на поле сражения в конном строю, хотя бы против расстроенных частей. К какому результату может это привести ее, если не к полному ее уничтожению! Как только эта кавалерийская единица придет в зону соприкосновения с противником, в зону где она будет находиться под обстрелом артиллерии, откуда ей придется наступать и где ей придется пустить в дело оружие, она обязательно спешится и отошлет своих лошадей в тыл. Эта истина блестяще подтверждена опытом войны.

Вот что хотел ярко выявить новый устав и, я не думаю, чтобы он был не вполне прав. Впрочем, хотят того или не хотят, будут ли писать в уставе, что сражение в конном строю есть нормальный способ сражения конницы, или не будут этого писать, рассудок всегда возьмет верх. В нормальное время на западном фронте, как только начнется сражение, оно начнется огневым боем или же оно будет продолжаться и это будет всегда огонь, который будет управлять боем. Итак, совершенно необходимо, чтобы устав сохранил это положение и признал эту истину. Это не надо понимать в том смысле, что кавалерии в будущем запрещается сражаться в конном строю. Очевидно, что всякий раз, когда к тому представится удобный случай, она не должна его пропускать, потому что бой в конном строю, когда он удачен, дает непосредственные результаты, быстрые и положительные. Но когда к тому представится случай?

В течение всей войны бои в конном строю имели место только у мелких единиц, как взводы и эскадроны. Новый устав сохраняет этот принцип, он не считает возможным бой в конном строю для единиц выше эскадрона.

Впрочем, представляется возможным и такой случай, который, к сожалению, мы не видели на западном фронте, когда полк, бригада, дивизия смогут быть брошены в атаку на расстроенную и деморализованную пехоту, или захваченную в расплох артиллерию или кавалерию. На внешних театрах войны группы эскадронов, сведенные в полки, могут иметь конные встречи с массами кавалерия, как например, в Марокко или Алжире. Нужно, чтобы кавалерия нашла в своем уставе и эти принципы сражения, в которых ей придется, быть может, когда нибудь участвовать. Эволюции на полях сражений, равным образом, как и положения о сражении в конном строю для полка или бригады были исключены из нового устава с целью упростить обучение кавалериста и без того очень осложнившееся. Но возможно, что придется, быть может, опять к ним вернуться. Устав не должен предусматривать один только западный фронт.

VI.

Обучение кавалерии и ее дух.

Отвечает ли современное обучение кавалерии выраженным выше мыслям? Находится ли кавалерия на правильном пути? Эти вопросы я не берусь разрешить, но несомненно, что в настоящее время имеются в кавалерии, в частности, среди лиц высшего командования, офицеры, являющиеся партизанами боя, как в пешем, так и в конном строю.

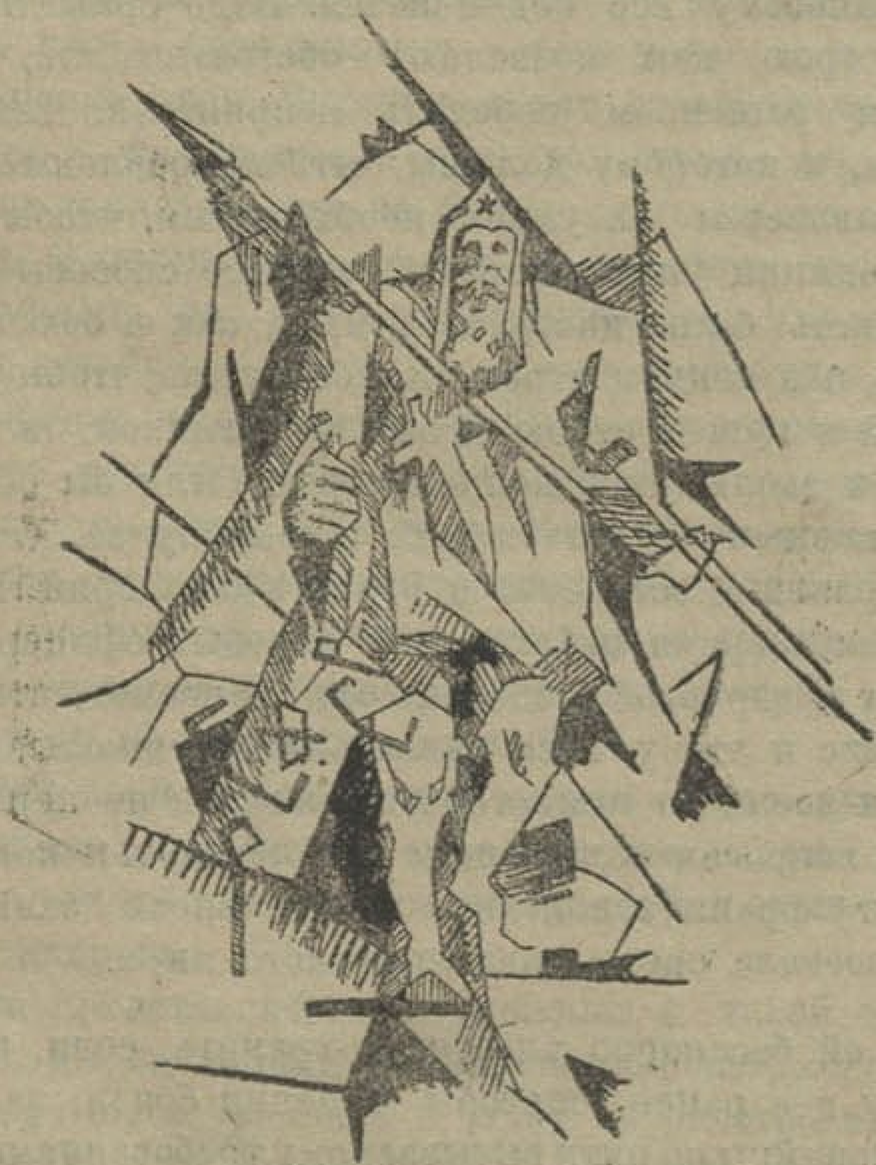
Приверженцы, как одного, так и другого способа боя, в равной мере находятся в заблуждении. На войне мы имеем дело со сражением, с боем, каковому все подчиняется. Надо сражаться в пешем, или в конном строю, как позволяют обстоятельства, но всегда с твердо принятым решением победить неприятеля. Для достижения этого результата, к которому должны быть направлены вся воля, вся энергия, представляется насущно необходимым, чтобы начальники кавалерийских единиц умели использовать все способы ведения боя и чтобы сама часть была инструктирована, как в бою в пешем, так, равным образом, и в конном строю. Далее нужно, чтобы в кавалерийских частях бой в пешем строю не был ни новинкой, ни исключением, чтобы маневры и эволюции в конном строю были бы обычным явлением и они таковыми будут только в том случае, если любовь к лошади, как и раньше, останется в чести в кавалерии. К сожалению, можно в настоящее время наблюдать у молодых офицеров тенденцию к потере вкуса к верховой езде, но мы надеемся, что это только временный кризис и что усилия кавалерийской школы, командования всех степеней и военного министерства, которое не перестает проявлять интерес к вопросам волнующим кавалерию и к конному спорту, вообще, помогут французской кавалерии вновь занять то место, которое она завоевала среди кавалерийского мира.

Это место ей бесспорно удастся сохранить, если, изменив практиковавшиеся у нее ранее способы ведения боя и, направив инструктирование конницы по пути вызываемому требованиями современной войны, она сохранит свой дух, столь прекрасный и возвышенный, который не покидал ее во все время войны. Именно этот ее дух, полный дисциплинированности и самопожертвования, позволил ей пройти через тяжелые кризисы, бывшие на ее пути за четырех-летнюю войну.

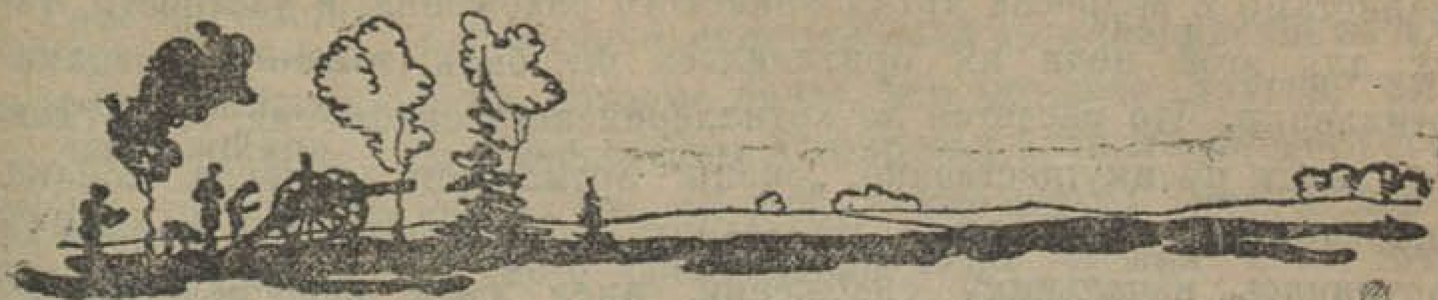
Много ли найдется других родов оружия способных, как французская кавалерия, дать такие прекрасные доказательства преданности священным заветам страны. Она отдала большое количество своих кадров пехоте, артиллерии и авиации: 4060 человек лиц командного состава, служившие в других родах оружия, вышли из ее рядов.

В тот день, когда это потребовалось ходом войны, шесть из числа лучших ее полков спешились окончательно и превратились в полки пехоты.

Кавалерия во что бы то ни стало должна сохранить этот свой дух и для того, чтобы его сохранить, необходимо, чтобы кавалеристы всех степеней от полковника до скромного солдата имели бы доверие к своим уставам.

А. А. Дьяконов.

О слиянии артиллерийского снабжения с управлением начальника артиллерии *).

Минувшая кампания дала вполне солидный документальный и опытный материал для заключения о тех или иных ошибках, допущенных, или благодаря причинам общего свойства, или же вследствие причин частного порядка. Разбор этого материала неоднократно производился, но в нем не было упоминаний о чрезвычайно сложной, кропотливой и важной работе артиллерийского снабжения. Всем известна аксиома, что присутствие огнеприпасов и правильно налаженное питание ими является одним из самых существенных факторов боевого успеха. И, казалось бы, что, в зависимости от этого, он должен иметь вполне определенное и отчетливое решение. На деле же это выходило несколько иначе.

В настоящей статье, имеющей узко специальное значение, мне не хотелось бы вдаваться в детали работы артиллерийского снабжения, ибо эта работа весьма вероятно еще найдет свою справедливую оценку. Не вдаваясь также в те тысячи причин частного порядка, которые ведут к определенным выводам, затрону лишь вопрос самого общего свойства, который, так или иначе, благоприятно или отрицательно, влиял на работу артиллерийского снабжения в минувшую кампанию.

Подчиненность. Артиллерийское снабжение, как и теперь, являлось одним из отделов управления начальника снабжений фронта, армии или дивизии. Во главе управления стояло обычно лицо с большим военно-хозяйственным опытом и стажем, во многих случаях специалисты обще-снабженческого дела. Но, к сожалению, приходилось констатировать, что начальники снабжений, будучи хорошими „снабженцами“, вообще, не могли считаться спе-

*) Написано на основании материалов, имеющихся в распоряжении начальника артиллерии западного фронта.

циалистами в вопросах артиллерийского снабжения, в частности, так как для этой цели им приходилось бы быть также и „спецами" артиллерии. Что касается до артиллерийского снабжения, то во главе его стояли преимущественно, „спецы" артиллерии из числа командного состава старой армии. Начальник артиллерийского снабжения, подчиняясь начальнику снабжений, имел свой непосредственный доклад у соответственного обще-войскового начальника (начальник дивизии, командующий армией и т. д.), так как начальник снабжений, как не „спец" артиллерии, не мог представить исчерпывающего материала по вопросам артиллерийского снабжения.

Распоряжения общевойскового начальника начальникам артиллерийского снабжения давались также чаще всего непосредственно от общевойскового начальника. Так что получалась несколько непонятная зависимось начальника артиллерийского снабжения: с одной стороны, он подчинялся общевойсковому начальнику через начальника снабжений, а с другой—как будто бы непосредственно. Следовательно, не только сам начальник артиллерийского снабжения мог поднимать те или иные вопросы по службе, но эти вопросы мог возбуждать и не всегда компетентный начальник снабжений. Любопытны результаты такого положения, имевшие место в минувшую кампанию.

В 3-й армии начальник артиллерийского снабжения находится при начснабарме в тылу, и дело артиллерийского снабжения по всей подготовке к операции ведет его помощник при полевом штабе в Лепеле, который, по выражению сотрудника штаба фронта, выехавшего для связи в штаб армии, „был бессилен что-либо предпринять".

В 4-й армии дело артиллерийского снабжения хромает „из-за недоброжелательного отношения артснабжения 15 армии", долженствующего притти на помощь 4-й армии, и это почему-то не устранено.

В 16-ю армию должен был выехать помощник инспектора артиллерии фронта для роли „толкача" в снабжении огнеприпасами. Результат его посещения выразился в телеграмме инспартзапа на имя инспартармов, которая гласила следующее: „инспекцией установлена неорганизованность питания огнеприпасами... Немедленно путем инспектирования управлений начартснабармов выясните места нахождения головных артбаз... Дайте нужные указания о желательном и возможном, в зависимости от дорог и наличия подвод, расположении огнескладов и через командармов проведите в жизнь непрерывность огнепитания... Примите меры для использования по назначению находящихся в полевых штабах сотрудников управлений инспартармов и артснабжения"... Эта телеграмма в своих выдержках показывает, насколько важно присутствие в нужный момент специалиста артиллерии при решении вопросов артиллерийского снабжения в оперативной обстановке.

Роль инспекций артиллерии и артиллерийских начальников. Наряду с таким несколько неудобным для дела положением, существовали артиллерийские начальники, которые более, чем кто-либо другой, были заинтересованы в вопросах артиллерийского снабжения. Да и кому, как не им, это дело ближе всего? Они и компетентны в этом деле с чисто специальной точки зрения и с точки зрения, если можно так выразиться, обще-оперативной, так как согласно существующих положений, роль инспартов и начартов сводилась также к инспектированию работы артиллерийского снабжения. Требовался постоянный контакт работы, а иногда даже получался и параллелизм, так вредящий всякому делу. Доклады начартснабов у общевойскового начальника приурочивались ко времени докладов артиллерийских начальников. Было много и других фактов, свидетельствующих о таком параллелизме.

В качестве иллюстраций приведу указанный выше случай отправки „толкачем" в 16 армию помощника инспектора артиллерии фронта, который в своем рапорте доносил: „14 июля перегнал на ст. Орша голартбазу 16 армии, погруженную в вагоны на ст. Орша с задачей переброски ее на ст. Борисов"..., „отсутствие точных сведений в штабе армии о месте нахождения артбаз заставляет предполагать отсутствие связи артснабжения с полевым штармом. В полевом штарме не было представителя артснабжения"... В качестве вывода там же указывается на необходимость *компетентного* и своевременного руководства огнеснабжением частей с *непременным участием инспартармов*. В качестве мер было предложено „инспартарму 16 давать *руководящие* указания по огнеснабжению и контролировать снабжение войск огнеприпасами".

Еще характернее дело обстояло в 3 армии, где инспартарм volens-nolens должен был взять на себя функции артиллерийского снабжения, так как там совершенно не был налажен вопрос с подвозом огнеприпасов. Весь поход к Варшаве инспартарм продолжал играть роль начартснаба включительно до распределения снарядов и винтовочных патронов по частям или эвакуации брошенных в Острове 30.000 французских трофейных патронов.

В других армиях также существуют указания на параллелизм работ артиллерийских начальников и начартснабов в смысле организации артснабжения.

Отношение общевойсковых начальников. Общевойсковые начальники, очевидно, учитывали ненормальность положения, а некоторые из них весьма вероятно не понимали разграничения функций начартов или инспартов с начартснабами. И получилось загромождение работ артиллерийских начальников работой по артиллерийскому снабжению, которое фактически даже не было ему подчинено.

Так, начдив 27 возложил на начартдива „всю ответственность за своевременное передвижение тылов артиллерийского снабжения“ и потребовал „принятия исключительных мер к обеспечению войск патронами и снарядами“, а командарм 3 в вопросах артиллерийского снабжения возлагал большую долю работы на инспартарма. И это не единичные примеры.

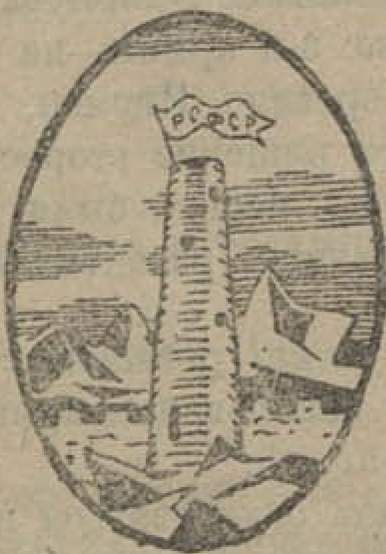
Частично артиллерийским начальникам приходилось возражать против этого, частично же приходилось принимать на себя обязанности и по артиллерийскому снабжению, так как фактически и компетенция их и требования боевой обстановки ставили в прямую зависимость от энергии артиллерийских начальников удовлетворительное разрешение вопросов об артиллерийском снабжении.

Выводы. Выводы отсюда напрашиваются сами собой. *Необходимо подчинение аппарата, ведающего артиллерийским снабжением артиллерийскому начальнику (начарту), из'яв его из подчинения начальника снабжения.*

Вопрос этот в прошлом году поднимался, как со стороны артиллерийских начальников, так и со стороны начальников артиллерийского снабжения. Он поднимался и инспектирующими и инспектируемыми. Наконец, в декабре месяце прошлого года, он был поднят одним из инспартармов в официальном порядке, который в своем рапорте по этому поводу, делая ссылку на опыт гражданской войны и на тесную связь своей работы с артснабжением, просил ходатайства о подчинении артиллерийского снабжения по артиллерийской линии. Это нашло отклик у других инспартармов. Так, один из них пишет: „решение вопроса о подчиненности артиллерийского снабжения следует искать в боевом прошлом недавно закончившейся польской кампании. Насколько можно судить по отчетам о деятельности высших артиллерийских начальников в период минувших боевых операций, повидимому, снабжение огнеприпасами в некоторых дивизиях находилось всецело в руках начальников артиллерии. Имеются даже указания, что начартдивы превращались в заведывающих артиллерийским снабжением... В армии, вовремя боевой операции, в целях большого успеха работы, артиллерийское снабжение было также подчинено инспектору артиллерии и это подчинение было проведено приказом по армии... Таким образом, в период военного времени, в моменты напряженной борьбы, артиллерийское снабжение официально или неофициально, но переходит в ведение артиллерийских начальников... Исходя из тех соображений, что вся наша работа мирного времени должна быть сплошной подготовкой к войне, считаю необходимым и крайне полезным для общего дела, чтобы артиллерийское снабжение не только в моменты боевой обстановки, но и в периоды затишья, подчинялось артилле-

рийским начальникам, которым лучше всего известны вопросы артиллерийского снабжения". Еще любопытнее другой документ, который представляет собой мнение начальника артиллерийского снабжения армии"... Подтверждаю, что большинство завартснабдивов также ожидают выделения из подчинения начснабам, так как почти все жалуются на вредность и никчемность этого подчинения. Наоборот, подчинение начартдивам узаконит лишь существующий контакт в работе с ними и даст завартснабдивам опытных „руководителей", указания которых будут для них ценны. Начснабы же, не будучи специалистами, никаких ценных указаний дать не могут. Все отношение мое к начснабарму заключается в соблюдении подчиненности и информировании его, что отрывает только время и никакой пользы не приносит. Докладчиком же Р. В. С. здесь в армии, а в дивизии начдиву, являемся мы—артснабы, а начснабы лишь присутствуют. Подчинение инспартарму устранит параллелизм в работе и об'единит разрозненные функции одного и того же дела"...

Учитывая все эти соображения, нам кажется, что решение уже сказано, и иного быть не может. И к этому же решению пришло и совещание „артснабженцев", бывшее в начале этого года.

Снабжение красной армии на запфронте.

(За время июльской операции 1920 г.).

Основная директива строевого командования. 3-го июня 1920 года реввоенсоветом фронта была дана общая директива предстоящей операции. По этой директиве намечалось исходное положение армий, которые к 5—6 июня должны были занять линию Шарковщизны—Лукки—Парифианово—Докшицы и правый берег р. Березины.

5-го июня строевым командованием была дана общая задача армиям фронта, предполагающая продвижение: 4-й армии на фронт Двинск—Свенцяны с выдвижением корпуса Гая в тыл противнику; 15-й армии—на Молодечно; 3-й армии—на Шклянцы—Радошковичи; 16-й армии на Нижнее Березино, Игумен, Минск. На остальных направлениях предполагалось решение второстепенных задач.

В десятых числах июня месяца были даны общие соображения командования в случае удачного развития операции.

Устройство тыла к моменту операции. 20-го июня реввоенсоветом фронта были даны линии базирования армий с приказанием реорганизации тыла снабжения армий.

4-я армия должна была базироваться на желдорогу Гарковичи—Полоц—Великие Луки, а также на водный участок Полоцк—Дисна.

15-я армия—на желдорогу Полоцк—Витебск—Смоленск и на водный участок Зап. Двины от Витебска до Полоцка.

3-я армия—на желдорогу Коханово—Орша; Богушевская—Орша и далее на Смоленск.

16-я армия—на желдорогу Могилев—Орша—Смоленск и Могилев—Гомель—Брянск.

Мозырская группа—на желдорогу Гомель—Брянск.

Того-же 20-го июня были даны реввоенсоветом фронта расграничительные линии, как фронта, так и армий.

Руководствуясь преподанными директивами, снабжению фронта пришлось перегруппировать существующие хранилища, создать некоторые из них вновь и немедленно разрешить следующие вопросы:

1) О снабжении 3-й армии по р. Зап. Двине от Витебска до Бешенковичей т. е. по коммуникации 15 армии и о дальнейшем подвозе от Бешенковичей на Бочейково—Камень—Лепель. Вопрос этот был разрешен в том смысле, что водный участок Витебск—Бешенковичи был предоставлен как 15, так и 3 армиям.

2) Согласно задания строевого командования на ст. Толочино было сосредоточено продовольствие для 3-й армии, на 3—4 дивизии в десятидневной потребности, но, по установлению расграничительной линии между 3 и 16 армиями, Толочино отошло в раион 16 армии, поэтому, сосредоточенные там для 3 армии запасы, пришлось перебрасывать сушей на Лепель через Овчугу—Черею и Чашники.

Тыловые учреждения фронта и армий к началу операций было решено расположить, о чем снабжением фронта было сделано распоряжение 22 июня, следующим образом:

а) Основные фронтовые базы оставить на местах.

Кроме того, 26 июня по заданию строевого командования следовало образовать в раионе Плисса передовой фронтовой продовольственный артиллерийский и инженерный склады для 4, 15 и 3 армий с 7 дневным запасом.

б) Основные армейские базы были образованы:

Для 4-й армии.

Продовольственная и вещевая—Великие Луки.
Артбаза в Полоцке.
Инжсклад в Невеле.

Для 15-й армии.

Продовольственная, вещевая и голартбаза—Витебск.
Артбаза—Осташков.
Передовой Инжсклад—Великие Луки.

Для 3-й армии.

Продовольственная и артиллерийская—Орша.
Вещевая, продовольственная и инжсклад—Витебск.

Для 16-й армии.

Продовольственная, вещевая и артиллерийская—401 верста Александровской жел. дор.
Инжсклад—Орша.
Продовольственная и голартбаза—Могилев.
Отделение голартбазы—Гомель.
Склад взрывчатых—Брянск.

Для Мозырской группы.

Продовольственная — Новозыбков — (вскоре была переведена в Гомель).

Вещевая—Брянск.

Артиллерийская—Новозыбков.

Инжсклад—Почеп.

Кроме того, Мозырская группа временно довольствовалась из Брянской продбазы, которая с 25 июня перешла в ведение фронта.

Распоряжения снабжения по приведению тыла в соответствие с директивами Р. В. С. фронта.

По 4-й армии.

До июльской операции 4-я армия находилась на довольствии у 15 армии.

Для создания самостоятельного армейского довольствующего аппарата было приказано 15-ой армии передать Великолуцкую продбазу 4-й армии с 25 июня с личным составом с условием выделения 4-й армией причитающейся части продуктов для 15-й армии.

Вещебаза 15-й армии в Великих Луках к тому-же числу должна быть также передана 4-й армии с личным составом, каковой предоставлялся в распоряжение начснабарма 4 не более, как на месяц.

Все находящиеся в Великих Луках предметы летнего обмундирования—белье, обувь и шинели, как отпущенные по плану для 15-й армии, оставлялись за последней.

4-я армия должна была получить это обмундирование по июньскому плану самостоятельно от центра.

Артбазу 4-ой армии к 25 июня было приказано передвинуть из Витебска в Невель, путем выделения части артимущества 15 армии.

Инжсклад был сформирован снабжением фронта.

По 15 армии.

15 армии было приказано следующим образом организовать свой тыл:

Продовольственную головную артиллерийскую и вещевую базы иметь в Витебске.

Инжсклад—в Осташкове. Передовой инжсклад в Великих Луках, т. е. было подтверждено ранее существующее расположение этих тыловых учреждений армии.

По 3 армии.

3-й армии иметь продбазы в Витебске и Орше. Продбазу в Витебске образовать собственным попечением. В Орше 3 армии принять от 16 армии ее армейскую продбазу с личным составом.

Вещебазу организовать в Витебске.

Артбазу и инжсклад иметь там - же; формирование их произвести снабжением фронта.

По 16 армии.

Было подтверждено ранее существующее положение тылов за исключением Оршанской продбазы, переданной 16 армии и Брянской продбазы, переданной с 25 июня во фронт.

По Мозырской группе.

Мозырской группе было приказано организовать: продбазу в Новозыбкове, вещебазу в Брянске или Новозыбкове, там-же артбазу, инжсклад в Почепе.

Всем армиям предоставлялось право открывать головные и промежуточные базы в числе и пунктах по указаниям Р. В. С. армий.

Затруднения, встретившиеся при выполнении директивы строевого командования.

Выполнение развертывания армейских тылов прошло не совсем гладко.

Снабжение 4-й армии, выделенное из 2-й трудармии и состоящее, в большинстве случаев, из работников, не привыкших к самостоятельной деятельности, с первых же шагов допустило крупный промах. Аппарат снабжения армии в июне перешел, не известив фронт, в Невель (штарм находился в то время Борковичах), и сразу же оторвался и от фронта и от войск.

Директива снабжения фронта об организации тыла, данная 22 июня до начснабарма, в силу изложенных причин, не дошла и только 27 июня по прямому проводу было приказано начснабарму 4 выполнить в точности директиву снабфронта и быть при штабе армии, куда аппарат армейского снабжения прибыл в первых числах июля. Неосведомленность начснабарма 4 достигла того, что он не знал даже состава войск армии.

Вероятно, пользуясь сложившимся положением, начснабарм 15 исказил распоряжение фронта о передаче Великолуцкой продбазы и выделил из нее для 4 армии некоторый запас продовольствия, обеспечивающий, в среднем, на 4—5 дней эту армию, вместо того, чтобы передать базу полностью в 4 армию, а последней выделить 15 армии необходимый продзапас.

Этот вопрос был урегулирован особой фронтовой комиссией по передвижению грузов, находившейся в Полоцке, где было расположено и снабжение 15 армии.

При передаче Оршанской продбазы начснабарм 16 выкачал из нее большинство запасов и снял часть личного состава; то-же случилось и при передаче 16 армией фронту продбазы в Брянске.

Формирование снабжением фронта армейских инжскладов и артбаз несколько затянулось, так как переброска их к месту расположения была сопряжена с большими затруднениями.

Артбаза 4-й армии в Невеле, выделенная 15-й армией, осталась неустроенной.

Организация питания в связи с развитием операций. Развитие июльской операции выразилось в быстром и безостановочном продвижении войск фронта вперед.

Вследствие этого тотчас-же создалась оторванность тыловых учреждений от действующих частей.

Еще в момент группировки войск к пунктам исходного положения выяснилась недостаточность и неорганизованность гужевого транспорта, обозов, как войсковых, так и высших военных соединений (армейских транспортов). Таким образом, уже перед операцией возможно было вполне определенно предвидеть, что войска, оперирующие в стороне от линии жел. дорог, будут поставлены в весьма тяжелое положение в смысле питания.

В наиболее тяжелых условиях оказались 4 и, особенно, 3-я армии. Для последней организовалась передовая летучбаза Бешенковичи—Коханово (Толочино) с запасами арт. и огнеприпасов и продовольствия—в Бешенковичах на 2 недели и в Толочине (продовольствия) на 10 дней.

Выполнить это задание по отношению к Бешенковичам в полной мере не удалось. Уже 23 июня начснабарм 3 доносит, что лайб по р. Двине дано недостаточно (предполагалось дать до 13) и что они поднимают ежедневно только 6000 п. продовольствия и 1000 п. артгрузов т. е. приблизительно дневную потребность. Приданные для усиления транспорта мотопонтоны 6-го июня остановились за отсутствием горючки. 27 июня число лайб сократилось до 5 с грузопод'емностью в 3000 пуд. при ежедневной потребности в 8 тысяч пудов. Последовавшее вслед за тем обмеление Зап. Двины свело водный транспорт на нет.

Дальнейший ход событий показал, что в Бешенковичах и не следовало сосредоточивать такого запаса. Войска армии настолько поспешно продвинулись вперед, что коммуникация Бешенковичи—Лепель—Шклянцы потеряла свое значение, за дальностью расстояния и не возможностью догонять обозами быстро двигающиеся части. В заключение, пришлось собирать остатки имущества в Бешенковичах, Камене и др. пунктах и доставлять на основные базы. Приведенная попытка использования водного транспорта для целей снабжения показала его неподготовленность и неприемлемость импровизации, несмотря на проявленную изобретательность и энергию.

К 1-му июля на фронте всего имелось 21 вольнонаемных и 5 военных транспортов в неполном составе, которые распределялись следующим образом:

В 15-й армии 2 кадра вольнонаемных транспортов (№ 21 и 24) и 9 военный транспорт в неполном составе.

В 3 армии 6 кадров вольнонаемных транспортов (18, 19, 20, 1, 3 и 22) и 3 военных транспорта (30, 7 и без № в неполном составе).

В 16 армии 7 кадров вольнонаемных транспортов (2, 16, 13, 17, 25, 26, 27 из которых большинство формировалось) и 1 военный тран-

спорт (№ 15 в неполном составе). Кроме того, при 5 дивизиях (из 19 оперировавших) на фронте имелось и формировалось 6 кадров вольнонаемных транспортов. Сбор вольнонаемных подвод производился начальниками тылов, но не имел никакого планомерного характера и не достигал положительных результатов.

Между тем, для планомерного и достаточного снабжения войск, фронту было необходимо 72 армейских транспорта вполне укомплектованных, т. е. в составе от 320 до 500 обывательских одноконных подвод.

Недостаток и несоорганизованность обозов и транспортов, а также быстрота и непрерывность наступательного движения армии, принудили направить, как различного рода запасы имущества и продовольствие, так и почти все тыловые учреждения бригадные и дивизионные (частью даже полковые) по железной дороге вслед за своими частями.

Но железно-дорожный путь, в большинстве своего протяжения, одноколейный, был испорчен и недоставало подвижного состава.

Поэтому, эшелоны тыловых учреждений простаивали на колесах, забивали пути, занимая и без того недостаточный подвижной состав и, в результате, потеряли связь со своими войсками, оторвались от них и не было надежды продвинуть их к своим частям в ближайшее время. Так, например, в Полоцке в средних числах июля застряли 3 дивизионных артсклада, а тылы одной из дивизии 15 армии оказались в Орше.

К 3 июля боевая обстановка сложилась таким образом, что строевое командование приказало снабж. фронта выдвинуть в Крулевщизну головную базу с 7 дневным запасом продовольствия и огнеприпасов, а армейские головные базы продвинуть для 4 армии в Парафианово и для 3—в Докшицы.

8 июля этот план изменился в том, что 3 армии было предложено базироваться правым крылом на желдорожную линию Полоцк—Молодечно, а левым крылом на желдорожную линию Орша—Борисов.

К этому времени определенно выяснилось, что по причинам, изложенным выше, нормальная схема довольствия войск нарушается (т. е. нарушается постепенность передачи предметов снабжения и продовольствия от фронта к армиям, от армий к дивизиям, от дивизий к бригадам и от последних к полкам) и что восстановить ее нельзя. Тогда были приняты следующие меры:

Строевое командование приказывало выбрасывать фронтовые прод. и арт. припасы насколько возможно вперед, опережая армейские и отчасти дивизионные учреждения (напр., образование 7 дневного запаса на ст. Сеславино, образование 4-х дневного запаса в Вилейке и 3-х дневного в Молодечно и переброска последнего на ст. Мосты).

Меры эти существенных результатов дать не могли, так как железнодорожный путь все-же оставался забитым различного рода тыловыми учреждениями и имуществом и, кроме того, получалась

нежелательная конкуренция в поспешности продвижения армейских запасов и имущества с фронтовыми.

Тогда были приняты более решительные меры. 29 июня по приказу реввоенсовета фронта были организованы особые полномочные комиссии армейские и фронтовые для обследования желдорожных линий и хранилищ своего района. Комиссии обязаны были обезличить, обнаруженные в своем районе дивизионные запасы и имущество, и сдать в армейские базы, а личный состав направить к своим войсковым соединениям.

Но так как дивизии находились в непрерывном движении, то, высылаемое в отдельных вагонах армиями продовольствие, огнеприпасы и прочее имущество, в адрес этих дивизий попадали по назначению с большим опозданием и, вообще, такие вагоны блуждали, загромождая путь.

Поэтому 30 июня был издан приказ реввоенсовета высылать в адрес армий продовольствие и имущество эшелонами.

Начснабармам было приказано немедленно выдвинуть к линии расположения бригад по желдороге передовые склады продовольствия и различного имущества.

Начснабармам ничего в адрес дивизий не посылать, а маршрутами пополнять свои передовые склады из которых и довольствовать дивизии. Посылку отдельных вагонов производить, как исключение.

Одновременно с этими мерами, упорядочивающими снабжение, было признано насущно необходимым передвинуть все основные, фронтовые и армейские базы на запад, приблизив их к продвинувшимся далеко вперед войскам.

Поэтому 29 июля было утверждена реввоенсоветом фронта следующая организация тыловых учреждений фронта:

Фронтовые продбазы передвинуть:

Из Ржева в Невель—база № 2.
Из Вязьмы в Оршу—база № 1.
Из Брянска в Гомель—база № 3.
Передовая продбаза в г. Минске.

Армейские продбазы организовать:
4 армии—в Вильно
15 и 3 армии в Молодечно, затем в Лиде.
16 армии—Барановичи—Слоним.
Южмозырская группа—Калинковичи.

Тыл артиллерийского снабжения:
Артбазу перенести в Оршу.
Артсклад в Смоленске использовать, как промежуточный фронтовой.
Головные фронтартбазы—Минск и Молодечно.

Основные армейские артбазы распоряжением начснабармов, по докладу реввоенсовета армий, передвинуть не восточнее линии Вильно—Молодечно—Минск—Калинковичи.

Головные армейские артбазы передвинуть на сказанных выше основаниях не восточнее линии Гродно—Лида—Барановичи—Лунинец.

Тылы инженерного снабжения.

Передовой инжзапас фронта организовать в г. Минске. Передовые армейские инжзапасы распоряжением начснабармов, по докладу реввоенсоветам армий, передвинуть не восточнее линии Вильно—Молодечно—Минск—Калинковичи.

Вещебазы и инжбазы фронта и армий временно оставлены на местах.

В связи с перенесением фронтовых баз к западу, довольствие частей, подчиненных фронту и, в частности, запасной армии, было возложено на последнюю. Ей было приказано организовать продбазы в Вязьме и расходные магазины в Ржеве, Смоленске и Рославле.

Пополнение Вяземской базы запасных войск должно было производиться непосредственно центром.

Заканчивая на этом общий обзор оперативной деятельности органов снабжения в период июльской наступательной операции (с 4 июля—приблизительно до 18 августа) следует отметить, что с начала операции и до 10 чисел июля, 15 армия оказывала помощь 4 и 3 армиям, снабжая их продовольствием и выделяя имущество.

Об'ясняется это тем, что часть войск последних двух армий входила ранее в состав 15 армии, и что органы снабжения этих армий были очень слабы. Действительно, как уже упоминалось, снабжение 4-й армии было выделено из 2 трудовой армии далеко не в полном составе и не из крупных, знающих дело, работников, а снабжение 3 армии формировалось вновь из отдела снабжения 29 (5) стрелк. дивизии. Насколько первое время были слабы эти органы, подтверждает хотя-бы тот факт, что командование 4 армией выделило 150 чел., краскомов артиллеристов, на образование различных кадров, как-то: артбаз, транспортов и т. п.

Переходя к вопросу об обеспечении войск фронта продовольствием и различного рода имуществом за время июльской кампании, главное внимание настоящего очерка, как имеющего специальное назначение, будет обращено на вещевое довольствие. Всех-же прочих видов снабжения войск коснемся в общих чертах.

Обеспечение войск фронта перед началом кампании продовольствием, вещевым, артиллер. и инженерным довольствиями.

К началу июльской операции войска фронта были обеспечены главнейшими видами продовольствия, в общем, от 30 до 60 дней.

Наибольшая обеспеченность была в спичках и мыле (75 и 85 дней), наименьшая сено (1, 2 дня), консервы (10, 8 дней), зернофуража (21, 6 дня) и жиры (21, 4 дня), однако, по разным армиям обеспеченность сильно колебалась.

Наибольшая обеспеченность всеми вообще продуктами была в 15 и 16 армиях, выделивших для вновь образованных новых армий сравнительно небольшие запасы.

Июньский план высылки продуктов из центра, в общем, выполнен полностью в отношении хлеба, мяса и рыбы; недостаточна была высылка жиров (61%).

На довольствии к началу операции состояло всего по фронту 592.898 чел., 123890 лошадей. Это количество распределялось следующим образом:

На довольствии фронтовых баз . .	96.624	чел.	973	лош.
„ в 3 армии	99.367	„	30765	„
„ в 4 „	111.564	„	24381	„
„ в 15 „	136.698	„	37297	„
„ в 16 „	117.224	„	23307	„
„ в Мозырск. группе .	31.421	„	7167	„

Потребность в продовольствии на июль месяц выразилась в следующих цифрах по отношению к главнейшим продуктам.

Месячная потребность.		Поступление по плану и вне плана.	%
Мука	636000	701525	110,7
Крупа	111000	106955	96,3
Мясо-рыба . .	222000	306015	137,8
Жиры	29000	18974	61
Зернофураж .	930000	746498	80,6

На вещевом довольствии к началу июльской операции числилось 415000 человек.

Эта цифра довольствующихся разбивалась по армиям следующим образом:

В 3 армии	58000
4 „	52000
15 „	39000
16 „	102300
Запасной	63400
Мозыргруппе	45000
Не входящих в состав армий	5300

Обеспеченность и процент удовлетворенности фронта вещедовольствием были более чем на 100% рубахами (суконные-летние), шароварами, обувью и фуражками.

Обеспеченность армий вещедовольствием складывалась неравномерно: наиболее обеспеченной была 15 армия, наименее—запасная армия и Мозырская группа.

Несмотря на относительно высокий % удовлетворенности войск фронта вещедовольствием случалось, что в тех или иных войсковых частях фронта испытывалась нужда в вещах.

Так,—в 4 армии в конце июня месяца обнаружился недостаток обмундирования и обуви. Требование армии было удовлетворено высылкой из Москвы и др. мест.

Начснабарм 3 донес 28 июня, что некоторые части войск армии босы и ходят в зимних телогрейках и ватных шароварах.

29 июня он настаивает на скорейшем удовлетворении армии вещедовольствием.

Такие случайные недостатки в вещедовольствии, как отдельных войсковых частей, так и целых войсковых соединений (бригад и дивизий), возможно об'яснить экстренной переброской их из одной армии в другую и отчасти тем, что обмундирование на людях быстро изнашивалось, своевременно не выбраковывалось.

Вещевой план фронта на июнь месяц был покрыт центром свыше 100% по отношению шинелей и нательного белья, прочие вещи в % меньших заявленного количества.

Потребность фронта по июньскому плану, количество отпущенного центом, % удовлетворения, а равно теже сведения по армиям даны в особой таблице (приложение № 1.)

Из этой таблицы видно, что 3, 4 армии и Мозырская группа потребности не заявляли, так как полевые управления их или еще не были сформированы, или же только что формировались.

16 армии, запасной армии (Упраформу), Мозырской группе и 4 армии вещевое довольствие, в счет июньского плана, было выслано непосредственно из центра.

16 армии — 20 июня.

4-й армии, Мозгруппе—18 июня. Приб. в арм. (в Брянск) 22 июня.

Запасная армия (Упроформ)—15 июля.

Высылка предметов вещевого довольствия по июльскому плану центром началась в средних числах июня и закончилась в конце июля.

Задержалось высылкой белье, которого к 12 июля не было дослано 35000 комплектов.

В общем, июльский план центром был выполнен полностью. Было недослано:

Шинелей	616
Летрубах	270
Летшаровар	365
Обуви	466
Натрубах	211
Наткальсон	1631

Точно проследить время поступления наряженного вещедовольствия в армии невозможно, так как армии во время напряженной боевой работы не имели возможности учесть, в счет плана какого месяца высылается вещедовольствие.

Высылка вещей по июньскому плану в 3 армию задержалась до первых чисел июля. 3 армия перед началом операции частично удовлетворялась 15-й армией в счет майского плана; по июньскому плану 15 армия обязана была удовлетворить те дивизии 3 армии, которые при составлении плана 15 армии входили в ее состав.

От Чусоснабарма в июне месяце было назначено: 1) белье: нательных рубах—117584, исподних брюк—117162, которые были распределены фронтом 19 июня. Но чусо 15 и 16 сделали некоторые фактические изменения до составления плана 19 июня, поэтому упомянутый план пришлось изменить, что и было исполнено 5 июля. (Приложение № 2).

2) Обмундирование:

Гимнастерок	80978
Летшаровар	92330
Ботинок	23894
Сапог	9884
Сукрубах	2238
Сукшаровар	7464
Шинелей	2173
Фуражек	92163

Распределение этих вещей приведено в приложении № 3.

Степень выполнения нарядов чусозап и время поступления вещей в армии, к сожалению, точно проследить невозможно, но из донесений армий видно, что вещи эти поступали в армии в июле месяце.

Наибольшая обеспеченность войск фронта была пулеметами 106%, наименьшая винтовками—49%, а из огнеприпасов фронт был отлично обеспечен выстрелами к тяжелым орудиям (48 лн. на 152 дня, 6 дм. на 307 дней) и относительно скромно 3 линейными винтпатронами.

Недостаток в 3-х линейных винтовках покрывался таковыми иностранных образцов, как высылаемых армиям от фронта, так и захваченными у противника, как военная добыча.

Подготовка к июльской операции выразилась в рациональном и своевременном распределении между армиями имеющихся запасов в основных артбазах фронта и подвозом необходимого количества артогнеимущества в артбазы, расположенные на линии Полоцк—Витебск—Орша—Гомель. Удоволетворение фронтом потребности армий производилось в тесном взаимоотношении с удовлетворением потребности фронта центром.

До июльской операции требования фронта удовлетворялись центром в размере 40—45 %, с развитием же операции % удовлет-

ворения повысисля до 55—60 % и, в отдельных случаях, даже выше 100 %.

Наличие инженерного имущества было различно.

Процент обеспечения фронта шанцевым инструментом был высок и колебался от 91% (лопаты) до 322% (ломы). Но процент обеспечения этим имуществом армий значительно ниже и самое имущество распределялось по армиям неравномерно.

Причина неравномерности распределения шанцевого инструмента по армиям, вероятно, таже, что и вещевого довольствия: быстрое перемещение дивизий из одной армии в другую и несвоевременное исключение пришедшего в негодность и утраченного.

Кроме сего, перед началом операции, довольно большой % шанцевого инструмента хранился во фронтовых складах, тогда как в войсковых частях в названном имуществе испытывался недостаток.

Обеспечение фронта телеграфно-телефонным имуществом выражалось также в высоком проценте: от 61% (элементы) до 283% (телефоны).

Телефонно-телеграфное имущество преимущественно находилось в войсковых частях и армиях, но распределение их по отдельным армиям, как и шанцевого инструмента, было неравномерно.

Для непосредственного обеспечения инженерным имуществом снабжение фронта, как и для обеспечения вещевым довольствием, специальных заявок в центр не делало, ввиду того, что последний не выполнил 6-ти месячную плановую заявку фронта, но напоминания о необходимости выполнить план, подчас весьма нервные, посылались в центр неоднократно.

Удовлетворение центром до начала операции рисовалось в следующих (приблизительно) %%: имущество связи—9 %, пионерно-позиционное—56% и только горючее и смазочное было отпущоно с избытком—133%.

Обеспечение войск фронта во время июльской кампании продовольствием, вещевым, артиллерийским и инженерным довольствием.

С развитием польской операции число людей состоящих на вещевом довольствии фронта возросло в июле и августе месяцах до 450000 человек.

Всего-же едоков на фронте числилось: в июле месяце 707.700 и в августе 794600 человек.

Общая обеспеченность войск фронта продовольствием и фуражем выражалась в среднем (в днях)

Хлебопродукты	30—35
Крупа	60—65
Мясо—рыба	40
Чай—сахар	40
Жиры	10
Мыло	30

Наименьшая обеспеченность была в фураже:

Зернофураж	на 14 дней
Сено	„ 6 „

Несмотря на меры, принимаемые для доставки к войскам прежде всего продовольствия (и огнеприпасов), оно поступало, по причинам, изложенным выше, несвоевременно и между фронтом, армиями и дивизиями находилось много продуктов на колесах. Войска довольствовались из местных средств. Хуже обстояло дело с фуражем, так как не всегда было возможно использовать подножный корм.

Особых требований на вещевое довольствие в центр не посылалось.

Центр отпускал вещевое довольствие по плану, составленному снабжением фронта на июль, август, сентябрь и октябрь месяцы.

План был составлен из расчета 450000 человек, состоящих на вещевом довольствии, с предположением, что в июле—августе—сентябре и октябре поступит пополнение в 300 тыс. человек.

В июле и августе ожидалось поступление 100 тыс. комплектов обмундирования.

При составлении плана было принято в расчет, что на фронте 416 тысяч красноармейцев снабжены вещедовольствием и что ежемесячно выходят в брак шинелей $^1/_8$ часть, летнего обмунирования $^1/_4$, обуви $^1/_2$, белья $^1/_4$, снаряжения и головных уборов до $^1/_4$ всего состоящего на людях.

В июле был дан дополнительный план.

По заявленному плану центром было отпущено в июле (в августе центр по плану ничего не отпустил).

Шинелей	36000	шт.
Рубах летн. . . .	90000	„
Шаровар „ . . .	73000	„
Обуви	76000	„
Фуражек	55000	„ (потребность на фуражки не заявлялась)
Нательных рубах	118000	„
Исподних брюк . .	128000	„
Портянок	172000	„

Это количество вещей удовлетворило плановую потребность фронта: шинелями в 10%, летним обмундированием в 30%, обувью в 25%, нательным бельем в 21%.

Отправка вещей центром производилась в следующий срок—с 21 по 29 июля, причем вещи, предназначенные армиям, направлялись центром туда непосредственно по разверстке фронта. Кроме того, фронт высылал вещи из своей фронтовой базы.

Время поступления вещей в армейские вещевые базы точно установить трудно, но из донесений начснабармов все же можно придти к заключению, что вещи получались ими в конце июля и начале августа месяца.

По имеющимся данным видно, что потребность армий на август месяц совершенно не удовлетворялась. Потребность армий в июле месяце в летнем обмундировании покрыта в некоторых армиях с излишком, но сама заявка в потребности наводит некоторое сомнение в правильности заявленного, из того предположения, что дивизии очень часто перебрасывались из одной армии в другую и, кроме того, не могли вследствие непрерывного движения и боев, учесть свои недостатки в вещевом довольствии. От чусозап снабжением фронта в июле и августе месяцах получено следующее количество вещей:

	В июле.	В Августе.
Шинелей	1074 шт.	456 шт.
Пох. рубах	387 „	— „
Летн. „	31099 „	36994 „
Пох. шаровар . . .	1658 „	— „
Летн. „ . . .	22606 „	33427 „
Сапог и ботинок .	32234 „	25650 „
Нательных рубах .	51717 „	61231 „
Исподн. брюк . . .	46908 „	50331 „

Таким образом, за время июльской операции поступление вещей на фронт в лучшем случае не превышало четверти потребности.

Происшедший в начале августа пожар Вяземской базы уничтожил имеющиеся там фронтовые запасы. Сгорело около 20 т. шинелей и полупальто, 30 т. обуви, 53 т. нат. рубах, 77 т. исподних брюк, 12 т. верхних рубах и телогреек, 14 т. шаровар и много другого имущества. Пожар отяготил и без того трудное положение вещевого снабжения войск фронта.

Доставка вещей к действующим войскам во время операции была сопряжена с непреодолимыми трудностями вследствие недостатка транспорта и быстрого передвижения войск. Кроме того, главнейшее внимание, как строевого командования, так и органов снабжения, было направлено к своевременной и, по возможности, полной доставке войскам огнеприпасов в первую очередь, а затем продовольствия.

Поэтому, вещевое довольствие поступало в действующие части несвоевременно и в количестве недостаточном для покрытия потребности. Войсковые части, износившись в непрерывных боях и походе, обмундировывались из местных средств тем, что находилось в складах, захваченных у противников, или-же из складов частных лиц.

Вообще же, недостаток вещевого довольствия большого влияния на действие войск во время июльской операции не оказывал.

Степень удовлетворения артиллерийским довольствием за время июльской операции выражалась в днях: винпатронами в среднем на 10 дней, при расходовании 30 патронов в сутки на винтовку; 3 дм. снарядами на 4—5 дней, считая также по 30 выстрелов в день на

орудие, наибольшая обеспеченность была выстрелами к тяжелой артиллерии.

Все усилия снабжения фронта в течение июльской операции были направлены к своевременному удовлетворению армий огнеприпасами и артимуществом.

При сложившейся обстановке особенно важную роль приобрели головные отделения армейских артбаз, так как питание частей почти исключительно поддерживалось ими.

Основные дивизионные артсклады работали за небольшим исключением также головными отделениями, главным образом, гужевым транспортом.

Необходимость иметь на готове постоянный запас для обеспечения частей, удаляющихся от линии расположения артбаз, вызвала сформирование передовых артогнебаз фронта.

30 июня из Вяземской и Рыбинской артбаз была выделена передовая база фронта в Полоцке (временно).

Как сказано выше, во время операции центр удовлетворял потребность фронта до 55—60%, а в отдельных случаях даже выше 100%.

Наиболее вяло происходило снабжение патронами, иностранными винтовками, обозом, упряжью и зарядными ящиками.

Передовая артогнебаза фронта 7-го июля перешла в Фариново, а 15 июля ей было приказано передвинуться в Молодечно, куда она прибыла с большим опозданием вследствие забитости и неисправности путей.

По имеющимся данным видно, что наименее всего фронт был снабжен обозом, упряжью, иностранными винтовками и патронами.

Несмотря на все принятые меры к снабжению армий огнеприпасами, они не всегда своевременно и в достаточном количестве доставлялись к действующим частям, что безусловно неблагоприятно отзывалось на операциях. (напр., наступление 16 армии на путях к Бугу и Варшаве).

Снабжение инженерным имуществом из центра в течение июльской операции стояло крайне остро.

Запасы инженерного снабжения фронта были невелики, а между тем, помимо армий, приходилось удовлетворять войсковые части вновь формируемые упраформом, полевые строительства и военно-дорожные отряды. На многочисленные повторения, центр отпускал только 10—20% просимого и удовлетворенность частей не превышала 40—50% положенного по табели и действительно необходимого армиям.

Только с горючим и смазочным дело обстояло вполне удовлетворительно, за исключением твердого горючего, заготовляемого исключительно фронтом.

В настоящем очерке не упоминалось совершенно об обозе. Обоз во время операции был наряжен фронту в количестве превышающем

плановую заявку, но доставить его к войскам не было возможности по условиям транспорта и только отдельные партии случайно достигли своего назначения.

Связь между органами снабжения и тыловыми учреждениями.

Во время июльской кампании действительным средством связи можно было считать только личную передачу по прямому проводу. Вероятно вследствие загруженности телеграфа, телеграммы поступали по назначению с большим опозданием, также задерживались передачей и записки по прямому проводу.

Связь снабжения фронта с армейскими органами снабжения, пока они находились на месте, была достаточно удовлетворительной. Но, как только армейские снабжения двигались с места, то связь терялась на несколько дней и установить ее было трудно. Иногда армейские снабжения, передвигаясь,—не сообщали предварительно о том снабжению фронта. Так было со снабжением 4 армии перед началом операции, когда оно было переведено из Борковичей в Невель и, не известив о том снабжение фронта, потеряло с ним связь на несколько дней.

Связь между армиями и дивизиями, а последних с войсковыми частями стояла слабо. Тыловые органы, отстав от своих войск, подчас даже не знали, где эти войска находятся, не говоря уже о том, чтобы руководить хозяйственной жизнью частей. Связь фронтового снабжения с основными тыловыми учреждениями была поставлена удовлетворительно. Так, продбазы ежедневно передавали лично по прямому проводу о прибывающих продгрузах и тут же снабжением фронта делалось распределение прибывшего. Наблюдение за продвигающимися грузами до пункта назначения установить в большинстве случаев не удавалось. Следствием этого была неосведомленность снабжения фронта о проходящих грузах и скопление их на узловых станциях. Чтобы парализовать это нежелательное явление, снабжением фронта периодически командировались в тот или иной пункт скопления грузов отдельные лица и комиссии для продвижения грузов и осведомления фронта о перераспределении их.

Такие же меры принимались для установления более тесной связи между снабжением фронта и вновь организуемыми передовыми фронтовыми складами.

Когда войска фронта продвинулись настолько вперед, что сношение снабжения фронта с их довольствующими органами сделалось весьма затруднительным, то 24 июля была выделена от управлений снабфронта ячейка и направлена в г. Минск (пункт, намеченный к расквартированию полевого управления фронта), для связи с действующими частями и организации передовых баз различного рода имущества и продовольствия, что и было выполнено.

Заключение. Итак, из настоящего очерка возможно вывести заключение , что правильной постановке снабжения действующих войск в период июльской наступательной операции препятствовало:

1) Слабо развитая железнодорожная сеть, недостаток подвижного состава и систематическая порча пути отступающим противником.

2) Недостаточность и не с'организованность гужевого транспорта и обозов.

3) Беспримерный в истории случай непрерывного наступательного движения войск в течении полутора месяцев.

4) Невозможность точно устанавливать местонахождение грузов, находящихся в пути, и слабая связь между органами снабжения.

Учитывая наличие вышеперечисленных факторов, следует впеpед обратить самое серьезное внимание на правильную организацию обозов и транспортов и выработать положения и инструкции по сбору и эксплоатации гужевых средств местного населения.

По железным дорогам следует расчитывать только на доставление огнеприпасов и самого необходимого количества продовольствия, так как случаи с железнодорожным транспортом в июльскую компанию неминуемо будут повторены и впредь. Поэтому, во время наступательных операций необходимо иметь при дивизиях (примерно) сильные заготовительные органы, которые при помощи войсковых частей, могли бы планомерно использовать местные продовольственные средства.

Для правильного учета и распределения взятого у противника вещевого имущества также необходимо впредь иметь при войсках полномочные трофейные комиссии. Эта мера спасет взятое имущество от расхищения, сохранит вещевые запасы фронта и обережет слабо провозные железные дороги от перегрузки.

Наконец, с установлением по узловым станциям на территории фронта контрольных пунктов увогрузтрана, количество блуждающих грузов, забивающих узлы, будет доведено до минимума.

К статье Фролова „Снабжение красной армии на запфронте“.

Приложения.

В Е Д О

удовлетворения вещедовольствием войск фрон

Наименование предметов.	Потребовано.	Отпущено центром.	% удовлетв.	Потребовано.	Отпущено.	% удовлетв.	Потребовано.	Отпущено.	% удовлетв.
Шинели	40000	43000	107,5	Заявлено не было.	3000	—	Заявлено не было.	6000	—
Полушубки . . .	—	—	—		—	—		—	—
Телогрейки . . .	—	—	—		—	—		—	—
Рубахи летние . .	134000	85000	63,4		14000	—		5000	—
„ суконные .	—	—	—		—	—		—	—
Шаровары летние.	134000	85000	63,4		12000	—		10000	—
„ сукон. .	—	—	—		—	—		—	—
„ ватные .	—	—	—		—	—		—	—
Фуфайки. . . .	—	—	—		—	—		—	—
Теплые кальсоны .	—	—	—		—	—		—	—
Обувь.	228000	100000	48,0		22000	—		5000	—
Валенки	—	—	—		—	—		—	—
Фуражки. . . .	87000	10000	11,5		—	—		—	—
Папахи	—	—	—		—	—		—	—
Натрубахи . . .	128000	135000	105,0		36000	—		11000	—
Исподбрюки. . .	128000	135000	105,0		36000	—		11000	—
Портянки летн. .	127000	91000	71,6		25000	—		—	—
„ сукон. .	—	—	—		—	—		—	—
Котелки	67000	42000	62,6		3000	—		—	—

Приложение № 1.

ОСТЬ

по состоянию к 20-му июня 1920 года.

Потребовано.	Отпущено.	% удовлетв.	Потребовано.	Отпущено.	% удовлетв.	Потребовано.	Отпущено.	% удовлетв.	Потребовано.	Отпущено.	% удовлетв.
7800	10000	56,2	17800	5000	28,1	25400	17000	63,9	Заявлено не было.	1000	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
2000	25000	40,3	75900	20000	26,4	26100	12000	46,0		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
0100	23000	25,5	83400	10000	12,0	32300	—	0,0		1000	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
3200	25010	107,8	13100	26400	201,5	18900	11000	58,2		5000	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
5500	—	—	14710	—	—	7990	17000	212,8		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
5400	37400	67,5	135900	30000	22,1	75700	—	0,0		—	—
9200	56100	70,8	128000	30000	23,4	73400	4200	5,7		—	—
3900	60000	39,0	47400	30000	63,3	83400	18100	21,7		15000	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
2200	—	0,0	33300	—	0,0	26100	7700	29,5		—	—

П Л А Н

распределения вещей, назначенных от Чусо на июнь месяц в изменение предыдущего плана от 19 июня 1920 г.

Наименование вещей.	4 армия.		15 армия.		3 армия.		16 армия.		Мозыр. груп.		Управвойск.		Всего развертыв.	ПРИМЕЧАНИЕ.
	Чист. потребн.	Назначается.	Чист. потребн.	Назначается.	Чист. потребн.	Назначается.	Чист. потребн.	Назначается.	Чист. потребн.	Назначается.	Чист. потребн.	Назначается.		
Натрубах:														
Смоленск. губ. . . 15584	Из Го 1000	меля 7000	36000	33000 из них: 18000 из Витебска, 15000 из Гомеля.	36000	34000 из Витебска.	36000	28000 из Могилева.	27267	—	19000	16684 изСмоленска	117584	1) Остается не разделен. 7000 исподбрюк в Гомеле. 2) Изменение плана произошло вследств. того, что Губинспек. Витебск Энтип Могилев. Чусо Янкали сами распределяли до получения нашего плана Витебск. 15 армии по 18000 белья, 1420 п. ботинок и 2761 п. сапог. Могилев. Янкали дал 16 армии 28000 натрубах и 6000 исподбрюк из Могилева.
Витебск. » . . 52000														
Гомельск. » . . 22000														
Могил. район . . 28000														
Итого . . 117584														
Исподбрюки:														
Смол. губ. 16162	7000	7000 из Гомеля.	25000	26000 из них: 18000 из Витебска, 8000 из Гомеля.	36000	34000 из Витебска.	26000	28000 из Могилева.	31144	—	16000	15162 из Смоленска	110162	

Начальник обозно-вещ. отделения (подпись). 5 июля 1920 года.

Верно:

Приложение № 3.

ВЕДОМОСТЬ

предметов вещевого довольствия назначенных Чусозапом в июле 1920 года.

Наименование вещей.	Количе-ство.	РАСПРЕДЕЛЕНИЕ.						
		3--й армии.	4-й армии.	15-й армии.	16-й армии.	Мозырск. группе.	Запасной армии. (Упроформ).	Фронт склад Вязьма.
Гимнастерок	80978	15000	12760	20258	10960	—	7000	15000
Летшаровар	92330	15000	15737	28000	20000	5000	8593	—
Ботинок	23894	3249	3003	5861	5116	2000	3000	—
Сапог	9884	2751	—	5139	1914	—	—	—
Сукрубах	2238	—	—	1706	387	—	—	145
Сукшаровар	7464	—	—	4231	1658	—	—	1575
Шинелей	2173	—	—	—	1074	—	—	1099
Фуражек	92216	—	—	23216	31199	—	—	38501

Примечание редакции. В связи с блокадой, к нам весьма редко попадают иностранные военные труды вышедшие в свет после окончания войны 1914—18 г.г. и занятые ее исследованием. Еще реже эти труды переводятся на русский язык, чтобы стать достоянием работников кр. армии.

Помещая перевод брошюры французского генерала Бюа, трактующего довольно об'ективно о действиях германской армии по внутренним операционным линиям, на основании документальных данных 2-го отделения немецкой главной квартиры, редакция полагает, что читатели правильно оценят ее намерения.

Величие и падение германской армии.

Действия по внутренним операционным линиям.

(Перевод с французского С—й).

Предисловие.

Эта небольшая брошюра преследует только одну цель: показать читателю в беглых, но достаточно точных чертах, военное могущество Германии в различные периоды войны, чтобы он ясно сознал, какого ужасного противника союзникам удалось, наконец, сломить.

Он увидит, как враждебная армия, сравнительно слабая в начале—слишком слабая для ее заносчивых планов—постепенно росла, развивалась и достигла колоссальной силы; он увидит, как в известный момент она достигает своего максимального величия и затем в 1918 г., после неудачной обороны, она постепенно слабеет и распыляется под повторными ударами союзников и кончает неизбежной гибелью. Он увидит также, как в течение всей войны она перегоняет часть своих сил с одного фронта на другой, чтобы оказать поддержку или усилить оборону, судя по тому, проявляла ли она сама на этом участке инициативу, или подчинялась инициативе противника, и эти „действия по внутренним операционным линиям“ являются вопросом

очень интересным и богатым сведениями для будущего при утилизации в широком масштабе железнодорожных путей в стратегических целях.

Документы, которые послужили мне для настоящей работы, это труды 2-го отделения главной квартиры*). Едва созданная или брошенная в войну, каждая немецкая дивизия была снабжена в документах 2-го отделения настоящим „гражданским актом“ 'etat civil. С этого момента отмечаются все ее движения, течение борьбы, все периоды битв и отдыха. Отмечаются ее потери, оцениваются количества и качества подкреплений, какие она получает; многим дивизиям к концу кампании был занесен акт смерти.

Немедленно после войны эти справки были отпечатаны и собраны в одном атласе, дающем „композицию и исторический обзор немецких дивизий“ во время войны. Еще ни разу, ни в каком конфликте, насколько я знаю, не было установлено—такое явное доказательство кропотливого труда выполненного 2-м отделением.

Я с удовольствием пользуюсь случаем отдать должную справедливость разумной и добросовестной трудолюбивости моих прежних противников.

I.

Немецкая армия в начале войны.

Обычно принято думать, что в начале своего авантюристического выступления в 1914 г. Германия, напав на нас, была гораздо сильнее нас. У нее предполагалось значительное превосходство средств и утверждали, что ее перволинейные войска состояли в очень большой пропорции из дивизий, составленных, главным образом, из резервистов. Но оба эти взгляда опровергаются фактами.

Не только ложно утверждение, что Германия сделала в 1914 г. неимоверное усилие, на которое она была способна, но, принимая во внимание разноплеменность населения, не менее ложно утверждать, что в своем пользовании резервами она ушла также далеко, как и Франция.

Прежде чем приступить к изложению нашей темы, следует исправить эти ходячие заблуждения, которые могли бы дать повод— если не внести должные поправки—к неверным выводам, а именно, что огромное развитие немецкой армии в течение войны было предусмотрено перед войной.

Чтобы яснее это показать, приведем сравнительную таблицу военных законов Германии и Франции, касающихся набора. Из этой

*) Немецкой главной квартиры. Ред.

таблицы мы видим разницу в применении термина „резервисты“ в обоих странах; не приняв этого во внимание мы рискнули бы сравнивать вещи, не поддающиеся никакому сравнению.

ТАБЛИЦА № 1.

Из этой таблицы мы видим, что „резервы“, в буквальном смысле слова, обнимали в Германии только четыре с половиной года, из которых самый старший был 26 л., между тем, как во французский „резерв“ входило 11 лет, состоящих из всех мужчин от 23 до 34 л. Чтобы установить соответствие лет между немцами и французами, надо разобраться в системе набора нашего противника, до трех первых годов ландвера 2-го призыва, минуя весь ландвер 1-го призыва.

Чтобы пополнить личный состав действующих армий и образовать резервные полки в точном смысле слова, немцы черпали живую силу не только в одном „резерве“, хотя он и насчитывал 1.180.000 человек; они в равной степени призвали и более младшие годы (от 27 до 28 л.) ландвера 1-го призыва в количестве приблизительно 970.000 чел., которые в действующую армию и резервные части отправлялись вместе с солдатами не старше 28 л., в то время, как во Франции в подобные же части входили резервисты давно перешедшие за 30 л. Кроме того, пополнив действующую армию и создав резервные полки, немцы не только не тронули свой ландвер 2-го призыва, но они не использовали ни резерва, ни ландвера 1-го призыва, заключавшего в себе большое число солдат от 23 до 34 л.

* * *

К тому же, резервами и ландвером 1-го призыва не исчерпывались все добавочные рессурсы молодежи, которыми располагал немецкий штаб *); он мог расчитывать еще на две категории мобилизуемых: охотники-резервисты и ландштурм 1-го призыва.

Что же такое охотники-резервисты? В Германии число призываемых каждый год, признанных годными для службы, значительно превосходило наличный состав армии, установленный бюджетным законом. Поэтому, приемочные комиссии были крайне требовательны к физическим данным рекрутов. В одном 1911 г. из 1.200.000 молодых людей они забраковали более 700.000. Такое значительное количество людей, вполне годных для военной службы, было отстранено от действительной службы. В том же 1911 г. из 461.000 рекрутов, признанных вполне годными, в армию были приняты только 300.000 человек. Без сомнения, в целях автоматического пополнения потерь, которые неминуемо предполагаются и в мирное время, закон разрешал увеличение наличного состава до 8—9%, но это доводило число призванных только до 325.000 и, в результате, 135.000 вполне годных людей избавлялись ежегодно от всякой действительной службы. Их выбирали

*) В этой книге мы говорим о немецком штабе, а не о главнокомандующем, так как в Германии не существовало личного командования. Начальник главного штаба был, в действительности, главой армии.

из тех, кто вытягивал большие номера при жеребьевке, у кого на руках были семьи или просто, кто в глазах комиссии, имевшей такой широкий выбор, казался менее совершенным в физическом отношении.

Эти люди были призваны на фиктивную службу на 12½ лет, легально отбывая несколько сборов. В действительности, за отсутствием надобности, их призывали очень редко. Вот они-то—в числе более 900.000 в 1914 г.—и составляли „охотный резерв“.

В 32 года с половиной они вливались в ландштурм 1-го призыва, где оставались до 39 л.—возраст вступления немцев какого бы то ни было происхождения в ландштурм 2-го призыва.

Что же такое ландштурм 1-го призыва? Кроме мужчин в возрасте от 32 до 39 лет, считая возраст от 20 до 30 л. в охотниках-резервистах, он заключает в себе две категории мобилизуемых:

1) Молодые люди от 17 до 20 лет, т. е. контингент будущего. В 1914 г. это были призывы 1914, 1915 и 1916 г. г.; они дали наличный состав минимум в 1.400.000 чел. физически вполне годных но, разумеется, не обученных.

2) Люди постоянного контингента, которые каждый год признавались годными, но с какими-нибудь ограничениями, и не попадали ни в действующую армию, ни в „Ersatz“ резерв. По закону они должны были служить от 20 до 30 л. в ландштурме 1-го призыва, но большею частью призывались очень редко на весьма короткий срок и на службу не в строевых частях.

В 1911 г. более 400.000 чел. рекрутов или забракованных пред'ыдущего года были включены в ландштурм 1-го призыва. Не говоря уже о молодых разрядах от 17 до 20 л. могущих, как уже было сказано, дать 1.400.000 солдат, эта категория мобилизуемых представляла из себя в 1914 г. более 1.700.000 человек, в сущности, не обученных военному делу, но представляющих собой, как запасный резерв—в случае, если война затянется,—обильный источник, из которого можно черпать без конца, если быть менее требовательными, чем в мирное время, к физическим качествам строевого солдата.

В 39 лет мужчины ландштурма 1-го призыва перечислялись, как и все вообще немцы, в ландштурм 2-го призыва.

В отношении старших призывов от 32 до 45 л.—немцы располагали своим ландвером 2-го призыва (32—39 л.) и ландштурмом 2-го призыва (39—45 л.). Ландвер 2-го призыва соответствовал нашей территориальной армии, но двумя годами моложе (средний возраст: 35 с половиной лет, вместо 37 с половиной). Со старейшими призыв-

ными годами ландвера первого призыва, ландвер 2-го призыва вмещал в себе численность двадцати девяти дивизий ландвера, которые появились на фронтах сравнительно поздно и то в спокойной сфере действий *). На западном фронте стояло двадцать таких дивизий, но ни одна из них ни разу не была пущена в дело **). Наличный состав ландвера 2-го призыва насчитывал до 1 миллиона людей.

Ландштурм 2 призыва был схож с нашим резервом территориальной армии, но этот последний был в среднем старше на 3 года (45 лет вместо 42). В ландштурм 2-го призыва входили все мужчины от 39 до 45 л., независимо от того, прошли ли они набор нормальным путем, или влились они прямо, или косвенно, через „Ersatz" резерв в ландштурм 1-го призыва.

Довольно значительный процент этих двух миллионов мобилизуемых получил очень небольшое военное обучение, или даже совсем не получил его. Наиболее обученные с ландверцами 2-го призыва, принадлежащие к старейшим призывным годам, образовали батальоны ландштурма, назначаемые для несения гарнизонной службы, или для внутренней охраны, или на линиях сообщения.

Таким образом, наличный состав мобилизуемых сил в Германии в момент об'явления войны выразится в следующих цифрах ***):

Наличный состав	870.000 ч.
Резерв	1.180.000 „
Ландвер 1-го призыва	970.000 „
Ландвер 2-го призыва	1.000.000 „
Запасный резерв	900.000 „
Ландштурм 1 пр. (17—20 л.) . . .	1.400.000 „
„ „ (20—39 л.) . . .	1.700.000 „
„ 2 пр.	2.000.000 „
Итого	10.020.000 „

*) Мы говорим „численность" 29 дивизий потому, что эти части в начале не были разбиты на дивизии. Мы считаем 12 батальонов на одну дивизию.

**) В Восточной, Пруссии, напротив с августа 1914 г. под давлением событий пришлось не только снять с места войска ландвера, несущие гарнизонную службу, но собрали на-спех из остатков действующих сил и резервов 8 дивизий, так называемых—запасных, и 9 дивизий ландвера.

***) Итак . . . . 36.000 офицеров.
„ . . . . 6.000 высшего командн. состава.
„ . . . . 110.000 унтер-офицеров.
„ . . . . 4.000 субалт.-офицеров.
„ . . . . 660.000 солдат.
„ . . . . 18.000 добровольцев на один год.
„ . . . . 37.000 включенные сверх числа.

Итого 871.000

Из этих 10.000.000 человек более 6 миллионов могли бы быть пущены в дело немедленно; остальные—немного менее 4 миллионов *), не получившие серьезного военного обучения, но вполне годных для соответствующей военной муштры, составляли неистощимый источник для будущего.

Имея такой рессурс, на какое же число активных дивизий или резервов, т. е. дивизий, годных быть пущенными в бой, мог расчитывать немецкий штаб в начале военных операций? В точности на 94 **), а именно: 50 активных дивизий ***), 29 резервных дивизий и 15 дивизий, называемых „Ersatz“ (эти последние, составленные из остатков резервистов, служивших в депо действующих и резервных частей). Из общего числа 94 дивизий, 60% батальонов пришлись на действующие армии и 40% на резервы ****).

На защиту восточного фронта Германия выставила сначала только 9 дивизий (6 постоянного состава и 3 резервных). Немцы правильно рассудили, что австрийская армия, состоящая из 40 дивизий, должна была взять на себя главенствующую роль в обороне против России, но неожиданное наступление русских в восточную Пруссию и Польшу, а также плохая боевая стойкость австрийцев, заставила их вскоре пополнить части пограничных областей 8-ю дивизиями, так называемыми „Ersatz“ и гарнизонными частями из Кенигсберга, Грауденца, Торна, Бреслау и т. д., 9-ю дивизиями ландвера, что довело войска на востоке до 26 дивизий *****).

Следовательно, немецкая армия выступила на французский фронт в 1914 г. с 123—26=97-ью дивизиями, из которых только 77 постоянного состава, остальные резервные, или „Ersatz“ ******).

---

*)

Запасный резерв	900 000 ч.
Ландштурм 1-го пр. (17—20 л.)	1.400.000 „
„ „ (20—39 л.)	1.700.000 „
Ландштурм 2-го приз., образовавшийся из необученного ландштурма 1 приз. около	800.000 „
Итого	3.800.000 „

**) Если прибавить к этому части ландвера, количеством, как уже было сказано, в 29 дивизий, то получится общее число 123 дивизий.

***) В действительности 51, но одна из дивизий (гвардейская) вошла в состав резервной дивизии (резервная гвардейская дивизия), где она и была расформирована.

****) Действующая армия 660 батальонов; резерв (353) и „Ersatz“ (87), 440 батальонов.

*****) 8 запасных дивизий входят в число 15-ти, созданных Германией, точно также как 9 дивизий ландвера входят в число 29, уже указанных для этого рода формирования.

******)

	Западный фронт.		Восточный фронт.	
Действующие дивизии	44	77	6	17
Резервные	26		3	
Запасные дивизии	7		8	
Дивизии ландвера	20		9	
	97		26	
	123			

Во Франции мобилизуемые силы распределялись следующим образом:

Действующая армия	910.000	ч.*)
Резервы	1.325.000	ч., из коих
	274.000	союзн.
Территориальная армия и ее резервы.	2.594.000	ч., из коих
	440.000	союзн.
Всего:	5.829.000	ч., из которых
	718.000	союзн.
Итого	5.111.000	обуч. войска.

Из этого запаса высшее командование образовало 47 действующих дивизий и 26 резервных дивизий (понумерованных от 51 до 76). При каждом корпусе главной армии были образованы бригады резервистов в 4 батальона т. е. 72 новых батальона равные в пехоте количеству 6 новых дивизий. По странной случайности, число наших боевых дивизий почти совпадает с числом дивизий, выставленных против нас немцами в начале войны. Итак, можно сказать, что не считая даже добавки бельгийских войск и 4 английских дивизий, Франция даже одна была в начале войны равна своему ужасному противнику, если даже не превосходила его численностью крупных частей.

Таким образом, сам собой отпадает взгляд, утверждавший противное. Опровержением служит еще то, что мы при этом перечне не принимали в расчет территориальные дивизии, из которых 13 были мобилизованы в крупные боевые единицы, и некоторым из них действительно пришлось сражаться на севере Франции в начале войны.

Что же касается утверждения, что немцы лучше нас сумели извлечь пользу из своих резервов, то и оно не выдерживает критики при беспристрастном рассмотрении приведенных выше цифровых данных.

Правда, у нас, как и в Германии, пропорциональное отношение резервов к общему числу боевых сил было всего в 40%, но это равенство только кажущееся. Действительно, Франция менее чем с 40 милионным населением, могла призывать ежегодно немногим более 200000 чел.; Германия, с населением в 68 миллионов, могла без труда выставлять ежегодно 450000 чел. На самом деле она призывала только от 300 до 325 т., но, тем не менее, факт тот, чтобы мобилизовать миллион войск, ей достаточно было набора 3—4 призывных лет, рас-

*) А именно: . . . . 30.900 офицеров.
58.000 унтер-офицеров.
67.000 туземцев.
755.000 солдат.

Итого: . . . . . 910.000 (считая колониальную эрмию).

полагая, кроме того, по меньшей мере 400000 чел., способных, пройдя военное обучение, дать сильное подкрепление в дальнейшем. Нам же, чтобы создать миллионное войско, надо было об'явить призыв от 5 до 6 лет.

Представим себе весьма возможный случай мобилизации в обоих странах армии в 2½ миллиона; Франции понадобятся для этого мобилизовать 12-14 лет, следовательно, мужчин от 32—34 лет; Германии же достаточно для этого призыва 7—8 лет, причем самые старшие будут в возрасте 26—28 лет; таким образом, она имеет еще на будущее запас в 800000 чел., способных к действительной службе, хотя еще и не обученных. Если бы она сделала усилие, подобно нам, и мобилизовала всех обученных людей до 33 л., чтобы создать из них боевые части, то она начала бы войну, имея на 600000 войска больше.

Разница настолько крупная, что не нуждается в дальнейшем пояснении и ее вполне достаточно, чтобы опровергнуть обратное мнение, упорно утверждаемое лицами, незнакомыми с документальми цифровыми данными.

Могли ли мы и должны ли мы были сделать больше? Разумеется, мы могли, потому что нам стоило только призвать для этого все старшие призывные года и бросить их в бой с самого начала войны; но тогда каким путем мы заполняли бы потери, неизбежные в каждой армии? На это мне часто возражают, что тогда произошло бы одно генеральное решающее сражение, которое мы выиграли-бы и, следовательно, нам не надо было бы в дальнейшем заботиться о возмещении потерь. Но это далеко не верно и многое заставляет опасаться противного.

Действительно, в начале войны, резервные дивизии, не отличающиеся воинственным духом, не могли сравняться с большинством действующих дивизий. Это не их вина; по многим причинам они не могли с ними равняться. За отсутствием тесной связи между командным составом и солдатом, резервные дивизии были мало способны к боям, особенно, к наступлению; за недостатком обучения—для большинства от этого времени прошел слишком большой промежуток времени—они развивали под огнем деятельность несовместимую с могуществом современных армий; за отсутствием молодого и энергичного командного состава их природная тяжеловесность не могла приспособиться к гибкости современных боев; не умея действовать в связи со своей артиллерией, составленной из отдельных случайных орудий,—они часто в критические минуты оставались без мощной поддержки пушек. Иначе говоря, резервные дивизии, также, как полки, батальоны и части, их составляющие, являлись в начале войны скопищем кадров и солдат, а не „частями“ в этимологическом значении слова. Недостаток такого положения дел был еще более чувствителен в территориальных дивизиях.

Это выяснилось в первые же дни, когда наши резервные дивизии очутились лицом к лицу с немецкими пулеметами и тяжелой артиллерией в условиях бесспорно тяжелых, но одинаковых с действующими дивизиями, которые бросались на приступ, между тем как резервы рассеивались под огнем. Предполагая даже, что в августе 1914 г. мы выставили бы более 32 резервных дивизий и такой ценой имели бы возможность развернуть более широкий фронт, все таки все заставляет думать, что эта попытка обошлась бы нам слишком дорого и поставила бы нас в невозможность восстановить потерянные силы.

Значит ли это, что взявшись лучше за дело в мирное время, мы получили бы от резервных дивизий большую продуктивность? Нет; мы могли бы поставить дело лучше и это необходимо сделать в будущем, если мы хотим—что одновременно желательно и необходимо—чтобы резервы являлись вооруженной силой нации. Но для этого не следовало сокращать периоды обучения принятых в начале в 2 года; не только было необходимо, как это красноречиво доказывал г. де-Фрейсинэ в заседаниях сената, сохранить четырех-недельный сбор, но предусмотрительно было бы увеличить число сборов, чтобы возможно чаще соединять вместе призывных и возобновлять обучение, начиная с рот и кончая полной дивизией с ее артиллерией, духом и службой *).

Но, в таком случае, командование большими частями резервистов не следовало поручать генералам, или утомленным, или оказавшимся не на должной высоте в действующих дивизиях. Для создания бригад, полков, батальонов и рот не надо было выбирать старейших офицеров: чем тяжеловеснее состав войска, тем более необходимо поставить во главе их командиров полных энергии и энтузиазма—качества, которые встречаются только среди молодых.

Немцы, впрочем, также не с'умели разрешить этот вопрос. Они единодушно оплакивают отсутствие боеспособности в их первых мобилизованных резервных дивизиях. Мы сами, и весьма счастливо для нас, могли констатировать этот недостаток, когда противник атаковал нас на Изере—резервными частями, недавно образованными и почти исключительно состоящими из излишков рессурсов депо.

Вспомним тесные ряды войск, брошенных на нас противником и его ужасающие потери. Отчеты этого сражения все упоминают об этом, а мы испытали это особенно сильно на Изере, потому что только в этом пункте Германия атаковала нас исключительно резервными силами.

Противник не преминул воспользоваться уроком и, в дальнейшем,—как мы увидим—образовывая дивизии, вводил в их состав сильный процент наличного состава или уже достаточно обученного.

*) Это ясно каждому, кому в 1914 г. в августе случилось бы сравнить характер резервной дивизии, отбывавшей сбор в этом году, с дивизией не обученной или уже давно не отбывавшей сбора.

Из каждого явления мы должны вынести поучение. Сокращение действительной службы является насущной необходимостью для нашей нации. Она потеряла слишком много сынов, чтобы не восстановить для продуктивной работы наибольшее число из оставшихся. В минуту опасности действующая армия не будет уже минимальной частью вооруженной нации. Наше истиное военное могущество сохранится в наших резервах; нам необходимо, следовательно, составить новые воинские законы и уставы. Как бы там ни было, факт тот, что в 1914 г. немцы не только не имели на нашем фронте превосходных боевых сил, но, сохраняя соответствие, мы с'умели извлечь из наших резервных частей выгоду, на какую не осмелился отважиться противник, и которую с нашей стороны было неосмотрительно форсировать.

II.

Каким образом Германии удалось развить свою армию и действовать по внутренним операционным линиям.

Германия расчитывала, что французская кампания будет быстро приведена к концу и в этом ее оправдание, что она не использовала сразу всех своих рессурсов и выставила ничтожные силы на защиту своего восточного фронта. Она думала, что 40 дивизий австро-венгерской армии смогут удержать фронт против России, принимая во внимание ее длительную мобилизацию и дальние расстояния, на тот короткий срок, который понадобится для разгрома Франции. Это основное заблуждение относительно боеспособности Австрии и слабости восточного русского фронта имели своим результатом остановку австрийского наступления и разгром русскими восточной Пруссии.

Это произошло во второй половине августа. В это время события во Франции, казалось, опрадывали все надежды. Немецкое командование ни минуты не задумалось снять с западного фронта 4 дивизии и отправить по железной дороге две дивизии в восточную Пруссию и две в Силезию*). Эта первая переброска положила начало системе перегруппировок войск с запада на восток и обратно, которая, все усиливаясь, продолжалась все 4 года войны. В течении этого периода времени по территории Германии и ее союзников почти непрерывно шли воинские поезда, перенося центр тяжести военных сил наступления или обороны по распоряжениям главного генерального штаба.

Мы хотим наглядно показать читателю эти перегруппировки во всем их об'еме в соответствии с военными действиями наступления или обороны Германии. С этими перегруппировками связан также вопрос о создании новых частей, соответственно с развитием военных

*) XI-я армия (22 и 28 дивизии) и резервный гвардейский корпус (3 гвардейская дивизия и резервная гвардейская дивизия)

операций. Мы будем обсуждать оба эти вопроса одновременно. Части, последовально вновь образующиеся в тылу или в центре Германии, часто подвергались той же участи, как и подвижной состав войск, и перебрасывались с одного фронта на другой.

С этой точки зрения кампания может быть разделена на периоды созидания (или реорганизации) и передвижения, которые предшествуют или сопутствуют великим военным событиям, судя по тому, исходила ли инициатива от нас или от наших противников. Эти разделения на периоды следующие:

а) август—октябрь 1914: Марна и Изер;

б) ноябрь 1914—август 1915: второе сражение на Мазурских озерах (февраль 1915) и великое летнее наступление русских (1 мая 1915).

в) сентябрь 1915—май 1916: сербская кампания (осень 1915), Верден (февраль 1916);

г) июнь—ноябрь 1916: оборона России (июнь 1916), оборона на Сомме (июль—октябрь 1916), румынская кампания (октябрь 1916);

д) декабрь 1916—апрель 1917: ожидание наступления союзников и результаты подводной войны;

е) май—ноябрь 1917: усилия на внешних фронтах, контр-наступление в Галиции (июль 1917), наступление на Италию (октябрь 1917).

ж) декабрь 1917—май 1918: наступление в пользу мира на французском фронте.

з) июнь—ноябрь 1918: контр-наступление союзников и разгром немецкой армии.

III.

Развитие и падение германской армии.

Действия по внутренним операционным линиям.

А.

Август—октябрь 1914.

Марна и Изер.

Неожиданное поражение на Марне осветило Германии слабость ее первоначального плана. В их крупном поворотном движении они не были достаточно многочисленны, чтобы очистить всю необходимую им территорию; не считая возможным экономить больше на левом фланге и центре фронта, работая менее сжато, их правое крыло, слишком слабое, не могло достигнуть моря. Тогда они лихорадочно приступили к поспешному обучению служащих в депо, недостатка в которых не было, чтобы быстрым темпом создать новые части. С ок-

тября месяца им удалось поставить на ноги $6^1/_2$ корпусов (22, 23, 24, 25, 26 и 27 резервные корпуса*) и 6 резервных баварских дивизий, образующих в целом 13 резервных дивизий, которые и были немедленно отправлены на западный фронт (за исключением двух резервных дивизий 49 и 50—отправленных в восточную Пруссию).

С этими новыми силами они атаковали нас на Изере. Недостаток опыта в наступательной войне этих вновь образованных частей, почти исключительно из резервистов, сыграл не малую роль в успехе нашей обороны.

Решительно проигранная атака на Изере, заключает для наших противников первый период войны и отмечает крушение их честолюбивых замыслов начала кампании.

К 1-му ноября, переводя в Бельгию 2 морские дивизии, армия располагает 138 дивизиями, из которых 109 боевых дивизий (86 на западном фронте и 23 на восточном) и 29 дивизий ландвера.

Из 29 дивизий ландвера, 9 сражаются на русском фронте, а 20 других входят немного спустя частями в оборонительную систему линий западного фронта. Распределение 138 немецких дивизий следующее:

ДИВИЗИИ.	ФРОНТ.			
	западный.	итого.	восточный.	итого.
Действующие . .	44 — 2 = 42		6 + 2 = 8	
Морские	0 + 2 = 2		„	
Резервы	26—2+11=35	86	3 + 2 + 2 = 7	23
Ersatz	7		8	
Ландвер		20		9
		106		32
			Всего 138	

Приводимая ниже таблица указывает на задание и выполнение перебросок, выполненных с августа по ноябрь 1914 г., начинались ли они на одном фронте, чтобы перейти на другой, или начинались внутри, направляясь к востоку или западу.

ТАБЛИЦА № 2.

*) 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54 резервные дивизии.

Б.

Ноябрь 1914—август 1915 г.

Второе сражение на Мазурских озерах: февраль 1915 г.

Великое летнее наступление на Россию: 1 мая 1915 г.

Сражение на Изере ясно показало немцам всю тщетность попытки—по крайней мере с теми средствами, какими они располагали в конце 1914—сломить западный фронт и затем решительным образом использовать прорыв, который им не удалось даже осуществить. На русском фронте, напротив, был одержан ряд блестящих побед (Танненберг, первое сражение на Мазурских озерах). Эти победы тем более волновали умы, что ничего подобного не происходило на западном фронте. На восточном театре военных действий два человека— Гинденбург и Людендорф его помощник или, вернее, его учитель-стратег, приобрели громкую известность и всеми силами старались изменить первоначальный план.

Они хотели сосредоточить все силы против России, чтобы быстрее сломить ее, а на западе только удерживать фронт до того времени, когда можно будет перебросить на него все соединенные силы.

В конце 1914 г. эти идеи претворяются в дело и выражаются двумя наступлениями: одно, весьма незначительное, происходит в феврале 1915 г., влечет за собой второе сражение на Мазурских озерах и очищает от неприятеля всю восточную Пруссию; второе, гораздо значительнее, начинается в мае и имеет своей конечной целью полный разгром русской армии. Оно оканчивается завоеванием Курляндии, Ливонии, Литвы, Волыни и освобождением Галиции.

Чтобы привести к желаемым результатам эти военные операции, Германии пришлось одновременно снять с западного фронта часть дивизий и заменить их вновь образованными, так как они не могли его ослабить больше известной границы.

Передвижение войск с запада на восток начинается в конце ноября 1914 г. и прекращается только в первой половине августа 1915 г., когда была взята Варшава. В продолжении 8 месяцев, 15 пехотных дивизий постоянного состава и 9 кавалерийских дивизий были перекинуты с французского фронта на русский. С точки зрения транспорта они разделяются на две отдельные группы: первая отправляется в ноябре и декабре 1914 г. и содержит в себе 8 пехотных дивизий и 6 кавалерийских; вторая выступает в феврале (2 дивизии) и продолжает передвигаться в течение марта—апреля, насчитывая 7 пехотных дивизий и 3 кавалерийских.

В то же время в июне и июле 1915 г. только 2 дивизии по совершенно особым причинам были переброшены на французский фронт.

Но русский фронт пополняется не только боевыми дивизиями. Он получает сильное подкрепление из дивизий, сформированных из различных частей. Мазурское наступление вызывает формирование 9 резервных дивизий—из 3-х полков. Шесть формируются на русском фронте*) и три на французском**), но эти последние вскоре перебрасываются на русский фронт.

После этого пополнения в казармах (депо) Германии остается количество солдат строго необходимое для пополнения боевых частей; новые части немцы формируют только летом 1916 г. Таким образом, для пополнения дивизий они создают новые смешанные части и в начале 1915 г. немецкий штаб приступает к реорганизации существующих сил.

Эта реорганизация прежде всего коснулась запасных частей—ландвера, а затем крепостных гарнизонов, подвижного и резервного состава.

Запасные части, весьма разнородные по составу, были приведены в системы, снабжены материалом, служебным составом, разбиты на кадры, подчинены штабам и преобразованы таким образом в серьезные боевые части. Организация эта была тем более необходима, что все больше и больше выявлялась насущная потребность располагать настоящими боевыми дивизиями (активными и резервными) на тех фронтах, где идет серьезная борьба; такие части можно было снимать с более спокойных секторов, но при условии замены их другими, хотя бы и низшего качества. Эта реорганизация длилась до конца 1917 г. по мере того, как формировались годные части из служебного персонала или необходимых материалов ***).

Но эти несколько дивизий боевых или резервных, освободившихся благодаря формированию в дивизии запасных частей или ландвера, не могли дать Германии количества войска, необходимого для выполнения ее широких планов на востоке и для поддержания равновесия на западном фронте. Такие великие задания требовали несравненно больше войск. Таким образом, не имея возможности создать новые части, немецкий штаб принял решение распылить дивизии.

Он сводит к 3-м пехотным полкам большую часть своих боевых и резервных дивизий и из разрозненных полков формирует крупные части, снабжая их артиллерией и прислугой.

Таким образом, создалась резервная масса, которой до сих пор не хватало германской армии, и которую германский штаб сможет перебрасывать с фронта на фронт по мере надобности. С марта по

*) 75, 76, 77, 78, 79 и 80 резервные дивизии.

**) 81, 82 и 8 (баварская) резервные дивизии.

***) Эти дивизии, просто сгруппированные вместе, не увеличивали и не уменьшали общего числа запасных частей или ландвера, насчитывающих 12 батальонов в дивизии.

август 1915 г. удалось сформировать 25 новых дивизий, из которых 17 взяты с западного фронта и 8 с восточного *).

Ясно, что эта реорганизация в крупном масштабе и, в результате ее, постоянное перебрасывание войск с одного театра военных действий на другой, была отчасти вызвана событиями, какие разыгрались во Франции в конце 1914 г. и начале 1915 г.

Известно, что в этот период французы наступали в Шампани (декабрь 1914 и февраль 1915 г.), в Вевре (апрель 1915), затем в Пикардии (май—июнь 1915 г.). Эти наступления хотя и не могли удержать поток, несущихся на восток, немецких сил, во всяком случае, заставили нашего противника держать на нашем фронте значительное число свежих дивизий, образованных из переформирования существующих дивизий. Во время всего рассматриваемого периода противник действительно видел себя вынужденным держать на нашем фронте значительные силы от 100 до 110 дивизий.

Следовательно:

Мазурское наступление (февраль 1915 г.) было подготовлено переброской с французского фронта на русский 8 дивизий в ноябре—декабре 1914 и 2 дивизий в феврале 1915. Всего 10 дивизий, к которым надо прибавить 6 кавалерийских дивизий.

Крупное летнее наступление на Россию было осуществлено благодаря переброске с французского фронта на русский 5 дивизий постоянного состава и 3 кавалерийских дивизий. Кроме того, для этого наступления были использованы 21 новых дивизий**).

Русский фронт к 1 ноября 1914 г. имел только 52 дивизии; 1 марта 1915—48 и в конце августа того-же года 67 дивизий.

Французский фронт, на котором к 1 ноября 1914 г. находилось 106 дивизий, упал до минимума в декабре (98 дивизий), затем дошел до максимума (106 дивизий в июне 1915) после французских наступлений в Артуа и в августе несколько понизился до 104 дивизий.

Эти изменения детально показаны на приводимой ниже схематической таблице, из которой видно, что общее число немецких сил с 123 дивизий (в начале войны) поднялось до 172, более или менее обученных. Если же, как дивизии ландвера и некоторые другие, они оказываются мало боеспособными, то их оставляют на спокойных участках фронта.

ТАБЛИЦА № 3.

*) А именно, на западном фронте: дивизии 50, 51, 54, 56, 58 и 10 баварская; дивизия 111, 113, 115, 117, 119, 121, 123; альпийский корпус и три бригады (183, 185 и 187) из трех полков, которые вскоре переформируются в дивизии тех же номеров; на восточном фронте: 11 баварская дивизия, дивизии 85, 101.

**) Из 34 дивизий, сформированных с января до июля 1915, (20 на французском фронте и 14 на русском); на русский фронт было взято 9 с французского, а отправлено на него обратно 2 дивизии. Таким образом, восточный фронт принял 21 новую дивизию, а на западном осталось только 13.

B.

Сербская кампания—Верден.

Осень 1915—февраль 1916 г.

Осенью 1915 г. немецкий фронт подвергся во Франции сильным атакам; дни Шампани и Артуа возродили в нас сильные надежды. Тогда еще верилось, что подобные атаки, прекрасно подготовленные, хотя и не являющиеся неожиданностью для противника, могут иметь решающее значение. Неудача конечного результата этих наступлений заставила нас узнать настоящего противника, которого надо больше всего опасаться; не того противника, который лицом к лицу с нами зарывается в траншеях и окопах, а того, который стоит дальше в резервах и готов в любой момент подоспеть на помощь осаждающим или отбивающим наступление.

Но в то время, о котором мы говорим, этот взгляд был мало распространен в той и другой стороне—это видно по аналогичным попыткам обоих армий,—и наши открытые подготовительные действия внушили мало беспокойства нашим противникам. Так, начиная с сентября 1915 г. мы видим, что поток неприятельского войска, стремившийся с запада на восток, устремляется в обратном направлении. Между 15 и 20 сентября 4 дивизии, снятые с восточного фронта, прибывают во Францию. Это было одновременно и мало и много, мало, с общей точки зрения, много—если подумать, что в то время общие резервы германской армии не превосходили 5—6 дивизий.

Одним ударом они были почти удвоены. Одна из армий (гвардия) высадилась, естественно, позади фронта Артуа, другая (10-я) позади нашего фронта—Шампань. Около этих двух главных армий сгруппировались, начиная с 25 сентября, весьма разнородные элементы, которые были взяты немцами понемногу с разных спокойных секторов, чтобы противопоставить их двум нашим наступлениям.

Считая себя—совершенно неосновательно—в полной безопасности со стороны России, немцы продолжали всю осень и зиму 1915—16 г. отправлять с русского фронта войска на западный фронт. Для них было важно вернуть себе на западе инициативу военных операций, потерянную со времен Изера. Одним словом, подготовлялось наступление на Верден.

Силы, необходимые для этой операции, задуманной в грандиозном размере, скапливались с октября 1915 г. по февраль 1916 г.; они выразились в 17 дивизиях. С февраля по май, когда уже началось наступление, 4 другие дивизии явились на подкрепление атаки, которая, в силу нашего неожиданного сопротивления, перешла в медленное наступление и тем скорее обреченное на неудачу, что оно было совершенно обособленным.

Теперь остается только удивляться слабости средств, предназначенных для этого наступления, наделавшего столько шума. 21 фев-

раля 1916 года немцы располагали на западном фронте 19 боевыми дивизиями, из которых только 8 приняли сначала участие в наступлении. С марта по июнь им с трудом удалось поддержать резервный отряд (12—15 дивизий), едва достаточный для смен на фронте сражений, где части быстро утомлялись. Наш противник, которому было очень важно расширить зону атаки при условии возможности постоянного подкрепления, испугался, вероятно, что ему скоро придется остановить наступление за отсутствием подкрепления. Итак, урок пошел ему на пользу, и скоро мы увидим, что он делает еще значительное усилие, чтобы создать себе новые силы.

В это же время в конце 1915 г. произошло наступление на Сербию. Несмотря на результаты, временно гибельные для наших мужественных союзников, оно имеет значение только как один из эпизодов маневрирования немецких войск в течении войны.

В этом наступлении принимали участие 11 дивизий*), из которых только 3 прибыли из Франции и 8 из России; оно окончилось приблизительно в декабре 1915 г. До февраля 1916 г. 7 из 11 дивизий уже отправились во францию, 2 другие последовали вскоре за ними же.

Одним словом, интересующий нас период (сентябрь 1915—май 1916) характеризуется усилением действующих сил на французском фронте в ущерб русскому.

Западный фронт имел: 1 сентября 1915 г. 104 дивизии (из них резервных только 8 и 9); 21 февраля 1916 г.—121 дивизия (из них 19 резервных) и 1 июня того же года 125 дивизий (из них 15 резервных).

Восточный фронт падает с 67 дивизий 1 сентября 1915 г. до 45—1 июня 1916 г.

На сербском фронте, где в октябре 1915 г. насчитывалось 11 немецких дивизий, к июню следующего года остались только 2.

Общее число крупных немецких частей за весь этот период остается без перемены: 172.

Прилагаемая таблица показывает подробности маневрирования, о котором мы говорили выше.

ТАБЛИЦА № 4.

Г.

Июнь—ноябрь 1916 г.

Оборона на русском фронте: июнь 1916 г.

Оборона на Сомме: июль—октябрь 1916 г.

Румынская кампания: октябрь 1916 г.

Конец 1916 г. знаменует наиболее критический момент, из переживаемых немецкой армией, до конечного разгрома в 1918 г. В июне (Галиция), в июле (Сомма) в обоих фронтах союзниками осуществлены

*) Подкрепленные 7 австрийскими дивизиями и от 9 до 10 болгарских дивизий; всего от 27 до 28 дивизий.

прорывы, грозящие полным разгромом армий. В августе, наконец, Румыния входит в союз с Антантой и спутывает этим всю оборонительную систему Австро-Германии на восточном фронте.

Немецкому штабу приходится всеми силами парировать удары, непрестанно сыплющиеся на него в короткий промежуток времени. Он снова прибегает к системе перебрасывания войск с одного фронта на другой, к формированию новых дивизий и переформированию уже существующих.

Следя за направлением переброски войск можно подумать, что верховное немецкое командование было убеждено в неприступности своего западного фронта и всю опасность видело только со стороны востока.

К тому же мы видим, что два главных сторонника борьбы с Россией, которую они до сего времени всегда побеждали—Гинденбург и Людендорф, были очень плохо осведомлены о положении во Франции. Людендорф сознался впоследствии, что если бы он был лучше осведомлен о положении дел на западном фронте, то он никогда бы не решился отодвинуть его на второй план в своих военных планах.

Как бы там ни было, в июне 1916 г. 4 дивизии отправляются из Франции в Галицию, где австрийцы оставляют все позиции под давлением русских. Наше наступление на Сомме несколько приостанавливает это передвижение войск; в июле было только две отправки; но, начиная с минуты, когда надеялись твердо удержаться на западном фронте, передвижение войск на восток возобновляется с новой силой; в августе отправляется шесть дивизий, 2 другие следуют за ними в сентябре, 3, наконец, отправляются в октябре. Всего 15 дивизий. Но каким бы второстепенным не казался французский фронт в глазах Людендорфа, нельзя было не обратить внимание на сильный урон в частях, наносимый на Сомме атаками англо-французов. Быстрая замена частей свежими являлась здесь еще более необходимой, чем у Вердена. Чтобы действовать во время, надо было иметь в своем распоряжении большое число боеспособных дивизий, откуда вытекает необходимость иметь крупные резервы.

Но депо, лучшие элементы которого должны были быть сохранены для пополнения разбитых в боях частей, располагали только незначительным количеством живой силы и довольно низкого качества. Из них удалось сформировать только 5 дивизий (201, 202, 203, 204 и 12 баварскую дивизию), но с фронта сняли все, что было можно, чтобы смешать их с боевым элементом, и с августа 1916 г. по февраль 1917 г. сформировали до 40 новых полков. Эти вновь образованные войска вливаются постепенно в прежние или новые боевые части. Наконец, обращаются к помощи ландштурма, из которого выбирают лучшие силы и формируют 17 полков, отправляемых на спокойные сектора на смену хороших боевых частей.

Но и этого оказывается недостаточно и, как и весной 1915 г., приходится прибегнуть к формированию новых частей и переформи-

рованию прежних. С июля 1916 г. в тылу обоих фронтов формируют серию 4 стрелковых дивизий (195, 197, 199, 200) *) из стрелковых батальонов уже существующих дивизий и тотчас же отправляют их на Карпаты. В сентябре, из некоторых дивизий, состоящих из 2 бригад, берут один из четырех полков и, соединив его с полками вышеуказанной формировки, формируют из них новую серию в 34 дивизии, из которых 24 берут с западного фронта и 10 с восточного **); 35-я дивизия (302), образованная переформированием, также появляется на сербском фронте. Это переформирование заканчивается в начале 1917 г. ***); с пол-дюжины этих дивизий сражались тем не менее на нашем фронте с конца сентября 1916 г.

Если бросить взгляд на наличные боевые силы Германии во Франции в рассматриваемый период, то мы ясно увидим опасность, которой подвергался наш противник в середине сентября, когда наше наступление на Сомме развило максимум своего напряжения (Бушавен). 1-го июля, при начале сражения на Сомме, немецкая армия насчитывала 16 резервных дивизий (из них 8 отдохнувших), к 1-му августа она имела только 10, измученных ожесточенными боями; к 17 сентября осталось всего три или четыре дивизии. К несчастью, в это же время наши военные операции приостановились, благодаря вводу в бои вновь сформированных дивизий. Так, к 12 октября резервы противника достигли 12 дивизий; кризис миновал.

В конце августа 1916 г. выступила Румыния. Последствия этого нового фактора не замедлили отразиться на распоряжениях германского штаба: было снято с фронта 6 дивизий; 6 других дивизий в разгар наступления с сентября по декабрь были переброшены на восток. Из этих 12 дивизий, 7 взяты с французского фронта ****).

Одним словом, в течение периода с июня до ноября 1916 г. боевые части немецкой армии сильно увеличиваются численностью, с 172 они достигают 209. Батальоны с 1.950 достигают в то же время 2.170

Как мы уже сказали выше, это увеличение падает, главным образом, на восточный фронт, с 45 до 73 дивизий. С другой стороны, благодаря недавно сформированным частям, число дивизий на французском фронте остается почти неизменным (130 вместо 125), но число батальонов уменьшается с 1.376 до 1.311.

Прилагаемая таблица ясно рисует положение дела.

ТАБЛИЦА № 5.

---

*) 195 и 200 во Францию, 197 и 199 в Россию.

**) Франция: 206, 207, 208, 211, 212, 213, 214, 215, 219, 220, 221, 222, 223 227, 23 Д. Л., 26 Д. Л., 5 Д. Г. 14 Д. Б. 15 Д. Б. 16 Д. Б. 9 Д. Р. Б., 2 Д. Л. Б., 19 Д. Л., 20 Д. Л. (24 дивизии) Россия: 205, 216, 217, 218, 224, 225, 226, 91, 93. (10 дивизий—в подлиннике № 10-ой дивизии не указан).

***) 227 дивизия появляется только в марте 1917 г.

****) На этот фронт выставлены кроме того: 11 австрийских дивизий, 3 болгарских, 2 турецких. Общее число: 28 дивизий.

Д.

Декабрь 1916—Апрель 1917.

Ожидание наступления союзников и результаты подводной войны.

Румыния была побеждена, Россия совершенно обессилена и уже подтачиваема близкой революцией. Восточный фронт не внушал больше серьезных опасений, самое большое, что на нем надо было поддерживать известное число сил на случай какой-либо неожиданности. На западном фронте, напротив, положение дел было совершенно иное. Немцы, хотя и с трудом, устояли перед натиском на Сомме, но осенью два крупных успеха одержанные нами под Верденом могли заставить поколебаться силу сопротивления немецкой армии. Кроме того, стало известным, что Антанта с начала 1917 г. решила предпринять наступление силами своими, далеко превосходящими все, бывшие до сих пор. Внимание германского штаба, естественно обратилось на западный фронт, где, за неимением достаточных наступательных сил, оборона фронта являлась тем более насущной, что ожидались решительные результаты подводной войны. Разве немецкие генералы не предсказывали, что в полгода они заставят Англию униженно молить о мире?

Верденский опыт в первой половине 1916 г., также и наступление на Сомме в третью четверть того же года, достаточно ясно показали, что, чтобы вести и выдерживать наступление методически проводимое на одной и той же территории упорным противником, самым надежным средством было распоряжаться крупными резервами; только эти резервы позволяли производить правильную замену усталых частей свежими на атакуемом фронте.

Кроме того, перегруппировка дивизий, утомленных боями, требовала, чтобы со спокойных секторов можно было брать свежие части, годные для резервных полков и могущие быть брошенными в бой в нужный момент.

Чтобы достигнуть этого, немцы прибегли к трем мерам, две из которых уже хорошо знакомы—перебрасывание дивизий с востока на запад и формирование новых частей; третья мера—явилась совершенно новой—это сокращение и выпрямление фронта и систематическое опустошение покидаемых территорий.

Решение отступать на линию, так называемую „Гинденбург“ было принято, повидимому, в сентябре или октябре 1916 г. Оно давало серьезную экономию: 7—8 дивизий. Выполнение этого плана подготовлялось с начала 1917 г. и осуществилось во второй половине марта, раньше чем союзники успели окончить свое подготовление к наступлению.

Переброска войск на французский фронт возобновилась с новой силой только с 1-го января 1917 г., когда дела в Галиции и Румынии были окончательно ликвидированы. Двойной поток живой силы продолжал перекатываться с одного фронта на другой в течение последних месяцев 1916 г.; главным образом силы притекали к западному фронту (10 дивизий прибыло на 4 отбывающие в ноябре—декабре); с русского фронта снимались лучшие дивизии и заменялись другими, более или менее спорного достоинства.

С 1-го января 1917 г. по 16-е апреля того же года войска двигаются почти исключительно по направлению к французскому фронту. Всего перекинуто 5 дивизий. После тревоги 16 апреля, которая впрочем не была неожиданностью, между двумя фронтами снова установилась система обмена, и в результате в апреле и мае на русский фронт, который уже не был опасен, было отправлено 14 дивизий, а значительное число боеспособных дивизий вернулось на французский фронт.

Одним словом, формирование новых дивизий внесло нужное пополнение для продолжения обороны.

Прежде всего было закончено формирование дивизий начинающихся с № 205*) и приступлено к формированию новой армии в 13 дивизий номерами выше 230**). Эти воинские части, взятые из запасных частей, были превосходны, так как они были сформированы почти исключительно из кадрового состава и солдат, бывших уже на войне и вернувшихся в войска после выздоровления от болезней или ран.

Вывод из этого следующий: на 16 апреля 1917 г. Германия имела в тылу своего западного фронта 44 резервных дивизий; это вдвое больше того, чем она владела на 1-ое июля 1916 г., когда начались операции на Сомме и в пять раз больше сил, какими она располагала в сентябре 1915 г. Это обстоятельство делало из попытки прорыва немецкого фронта, оказывавшейся впрочем неожиданной, предприятие способное выполнить прорыв, но не способное воспользоваться дальнейшими выгодами его.

Если резюмировать общее положение на обоих фронтах, то получится, что немцы, владевшие 205 дивизиями (2.170 батальонов) на 1 ноября 1916 г., имели их 226 на 1 апреля 1917 г. (2.317 батальонов), которые были распределены следующим образом: 151 (из них 44 ре-

*) В январе: 16 Д.Б. и 219, в феврале: 5 Д Г., в марте 227.

**) Франция: 231, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 240, 242.
Россия: 232, 237, 241.

зервных свежих) на французский фронт; 72 на русский фронт; 3 на сербский фронт.

Прилагаемая таблица показывает ясно маневрирование, выполненное в течение периода с 1-го января до 1-го мая 1917 года.

ТАБЛИЦА № 6.

Е.

Май—ноябрь 1917 года.

Усилия на внешних фронтах.

Контр-наступление на Галицию: июль 1917 г.

Наступление на Италию: октябрь 1917 г.

Неудача союзного наступления весной 1917 г. позволила немцам, продолжавшим ожидать результата подводной войны, снять с западного фронта несколько боевых дивизий и обратить внимание на русский и итальянский фронты с целью их „ликвидировать“ окончательно. Так во второй половине июля произошло контр-наступление на Галицию, которое должно было положить конец русско-румынскому сопротивлению и в октябре 1917 г.—наступление на Италию, которое сильно потрясло страну, но не привело к результатам, которых ожидал немецкий штаб.

Атака, предпринятая русскими в Галиции в июле 1917 г. была непродолжительна.

В первых числах этого месяца немцы перекинули на наш фронт 9 превосходных дивизий, долженствовавших перейти в контратаку в нужный момент; эти дивизии и нанесли окончательный удар ново-революционной русской армии. С этого момента на восточном фронте все идет к перемирию, положившему конец ужасам войны и подписанному 3 декабря. В этот промежуток немецкие силы не уменьшались, но, в силу перегруппировок с одного фронта на другой, лучшие силы направлялись с востока на запад. И, наконец, в декабре 15 дивизий были отправлены во Францию и не заменены другими на русском фронте.

В этот же период—конец сентября и начала октября 8 дивизий, из которых 4 прибывших из Франции, направлены на итальянский фронт. Но после неудавшегося разгрома итальянской армии на Пиаве начинается отрывание дивизий во Францию. Одна из них вернулась уже в первых числах декабря.

С июня по ноябрь 1917 г. число дивизий уменьшилось на французском фронте и увеличилось на восточном. Это весьма значительное усиление в июле (контр-наступление в Галиции) уменьшается к концу осени.

К 1-му декабря 1917 г. с 156 дивизий (39 резервных, из которых 23 были еще не пущены в дело) французский фронт упал до 153 (30 резервных, из них 20 еще не пущеных в дело). Число батальонов с 1.456 сошло на 1.380.

Русский фронт за это время увеличился только двумя частями: 74 дивизии вместо 72. Итальянский фронт сохранил еще 8 дивизий, а сербский фронт—три.

Общее число подвижного состава немецкой армии с 231 дивизий (2.317 батальонов) выросло до 238 дивизий (2.338 батальонов).

Подробности видны из прилагаемой таблицы.

ТАБЛИЦА № 7.

Ж.

Декабрь 1917—Июнь 1918.

Наступленце „за мир“ на французском фронте.

В конце 1917 г. была разгромлена русская армия и выбыла из строя румынская армия. Итальянская кампания, если и не оправдала всех надежд немецкого штаба, во всяком случае дала передышку австрийцам, которые в ней сильно нуждались. Французы и англичане, в числе нескольких дивизий, были вынуждены перейти Альпы и оказать поддержку своему слабеющему союзнику. Немцы учитывали это известное ослабление западного фронта, на котором они должны были нанести свой последний, решительный удар, так как подводная война не дала никаких ощутительных результатов.

В случае победы война кончалась сама собой, и поэтому там надо было сосредоточить максимум немецких и даже австрийских сил, прежде чем предпринять „наступление за мир“.

Эти значительные силы,—так как предыдущие опыты показали,-что такие операции надо предпринимать в широких размерах—конечно не могли быть собраны созданием новых дивизий. В депо находилось еще около 700.000 солдат, но большинство из них молодые люди призыва 1919 г. и, в общем, они не настолько многочисленны, чтобы правильно пополнять войско, предпринимающее такое крупное и серьезное сражение.

Тут уж не приходится больше думать о переброске наличных дивизий. Все или почти все—искючение составляют несколько диви-

зий ландвера. Приемлимые исключительно на спокойных фронтах— были сведены в три полка. Следовательно, требовалось перевезти только дивизии с внешних фронтов.

Из всех дивизий, оставленных в силу необходимости на фронтах России, Румынии и Сербии, была выделена молодежь и заменена более старыми солдатами с западного фронта.

Перевозка войск начинается в конце ноября 1917 г. К этому времени 6 дивизий возвращаются из России; в декабре их возвращается еще 13 и 2 из Италии. В январе 1918 г. железным дорогам дается передышка в то же время, как происходит указанное выше передвижение наличного состава; за этот месяц 4 дивизии приходят из России и 2 из Италии. В феврале снова начинается усиленное движение с востока на запад: 8 дивизий с русского фронта и 3 снятые с итальянского—перебрасываются на французский фронт. В марте прибывает еще 10 дивизий из России, 1 из Сербии и 1 из Италии.

Таким образом, на протяжении 5 месяцев, железные дороги центральной Европы перевезли 50 дивизий, а именно: 41 снятых с русско-румынского фронта, 8 с итальянского и 1 с сербского. С элементами корпусов и армий это дает не мене 700—800 т. чел. со всем соответствующим материалом.

21-го марта, день первого наступления на Пикардию, 197 немецких дивизий соединились на французском фронте; эта огромная масса разделилась на 113 дивизий, растянувшихся по фронту или в непосредственной близости и 84 резервных дивизий. О том, какую огромную военную силу представляет это количество войск, можно составить себе представление, если вспомнить, что перед Верденом в феврале 1916 г. немцы располагали только 19 боевыми дивизиями.

Передвижение войск не останавливается 21-го марта 1918 г. и до мая месяца поезда продолжают подвозить войска к французской границе. В период между этими двумя месяцами они перебрасывают на нашу территорию 11 дивизий, из которых 4 кавалерийских, которые немедленно переформировываются в пешую кавалерию. Итак, в мае немцы противопоставляли нам 208 дивизий, из которых 4 пеших кавалерийских.

Если вспомнить положение дел на 1-ое ноября 1917 г., то мы увидим, что за полгода немецкая армия выросла на нашем фронте до 61 части, дойдя с 147 до 208 дивизий.

21 марта все 84 резервные дивизии были свежей силой, готовой вступить в бой.

9 апреля оставалось только 41 резервная дивизия, из которых 32 свежие.

1-го мая резервы были доведены до 65 дивизий, из них 38 свежих. 27 мая, в день атаки Шемень-де-Дам, было в общем 81 дивизия, из них 58 свежих.

Можно сказать, что в эти даты на западном фронте были собраны все силы Германии, годные для наступления. На русско-румынском фронте осталось только 32 дивизии низшего качества и состоящие из солдат старше 32 л. На македонском фронте две немецкие дивизии были разбиты и не заменены другими. Общее число немецких сил доходит до 240 дивизий.

Передвижение войск, выполненное в периоде с 1-го декабря по 31-ое мая 1918 г., подробно указано на прилагаемой таблице.

ТАБЛИЦА № 8.

3.

Июнь—ноябрь 1918 г.

Контр-наступление союзников и разгром немецкой армии.

С начала мая 1918 г. потери, понесенные немцами в их предыдущих атаках, заставляли предвидеть, что их склады не смогут скоро пополнить огромное число боевых частей, созданных во время войны. Но в эту эпоху было уже невозможно призвать свежие силы с внешних фронтов: все боевые дивизии и лучшие силы, оставшиеся на русском фронте, были взяты на западный фронт.

Оставалось только использовать призыв 1920 г., т. е. молодых людей 18 л.; но на это не решались, отчасти боясь восстановить против себя общественное мнение, отчасти расчитывая на этот рессурс в случае крайней необходимости.

Итак пришлось поискать других средств. Сократили установленный постоянный состав частей и число рот в батальонах, которые с этого времени насчитывают только три роты и одну пулеметную. Наконец, решили прибегнуть к крайней мере: распустили часть дивизий и состав их влили в оставшиеся. Все эти три меры были последовательно использованы. В начале мая мы наблюдаем уменьшение постоянного состава рот, причем немецкий штаб не издает никаких приказов по пополнению их до установленной нормы. В августе, во многих полках упраздняется четвертая рота батальонов. Наконец, в июне была проведена наиболее серьезная мера: полки были простонапросто уничтожены; эта мера повлекла за собой совокупное расформирование дивизий: одна в июне, одна в июле, семь в августе, тринадцать в сентябре, четыре в октябре. Под давлением союзников

немецкая армия, такая блестящая всего несколько месяцев тому назад, распадалась мало по малу.

Чтобы исправить этот тревожный дефицит, немецкий штаб в июле обратился с призывом к своему союзнику Австрии; но эта последняя, опасаясь нападения со стороны Италии, согласилась только на слабую жертву, послав всего три дивизии. Еще раз пришлось ослабить восточный фронт, рискуя лишить его необходимых сил. Так с русского фронта были сняты одна дивизия в сентябре и четыре в октябре *). Перемирие застало некоторые из них в момент передвижения; впрочем они уже не могли ничего изменить в ходе кампании.

Одним словом от июня до ноября 1918 г. немецкая армия ослабла на 27 дивизий и общее число их понизилось до 213. 11-го ноября, в день подписания перемирия, немецкая армия имела только 186 дивизий на французском фронте, 26 на русско-румынском и 1 на итальянском **).

ТАБЛИЦА № 9.

Эти цифры сами по себе весьма красноречивы, но, как и всякие цифры, они сухи и не многословны, они не могут передать морального и тактического изнурения этой армии, еще недавно такой могучей; они не могут передать также стратегического бессилия, на какое с этих пор была осуждена немецкая армия.

Наступательная или оборонительная сила армии, ее стратегическая свобода, одним словом, измеряется действительно значительностью ее резервных дивизий и среди них числом свежих частей, т. е. способных выступить в крупном сражении. Приведем здесь таблицу немецких резервных частей в различные эпохи безостановочной борьбы, какая велась с марта по ноябрь 1918:

21 марта. . . .	84	резер.	дивизии	— 84	свежие дивизии.
9 апреля . . .	41	„	„	— 32	„ „
27 мая	81	„	„	— 58	„ „
15 июля. . . .	81	„	„	— 65	„ „
18 июля. . . .	65	„	„	— 34	„ „
8 августа . . .	68	„	„	— 28	„ „
12 сентября . .	68	„	„	— 14	„ „
1 октября. . .	31	„	„	— 14	„ „
1 ноября . . .	31	„	„	— 5	„ „
11 ноября . . .	17	„	„	— 2	„ „

Одним словом, с июля и августа резервы врага таяли, как снег на солнце под повторными ударами союзников. В момент перемирия,

*) Считая и 3 дивизии, разбитые в Сербии.

**) 186-ти дивизиям западного фронта Антанта противопоставляла 104 дивизии французских, 60 английских, 12 бельгийских, 29 американских, всего 205 дивизий; 1-го июля она могла выставить только 192; пропорция следовательно была обратная.

со своими двумя свежими дивизиями, немецкая армия была связана по рукам и ногам; не будучи в состоянии предпринять какое—либо наступательное действие, она была не в состоянии и защищаться. Но в этот же момент союзники располагали 103 резервными дивизиями, из которых две трети были готовы возобновить войну и ее действительно собирались возобновить 14 ноября на юго-востоке от Меца наступлением, первый эшелон которого состоял из 30 дивизий *). Немцы этим не обманулись. Они отдали приказ всему левому крылу эвакуировать свои позиции, считая в том числе Мец и Тионвилль и отступать на Рейн. Это запоздалое движение не спасло их конечно от разгрома, потому что их центр и правое крыло, т. е. три четверти их сил, были вынуждены отступать узким проходом между Мозелем на севере Тионвилля и голландской территорией, под прямым давлением противника и угрозой флангу нашей победоносной атакой, поднимаясь по правому берегу Мозеля в направлении Рейна. Они прекрасно это поняли и предпочли капитулировать.

Заключение.

Какие выводы вынесет читатель, прочитавший до конца эту статью?

Во-первых, что готовясь к войне немецкий штаб не с'умел воспользоваться значительным превосходством, какое ему давала его военная сила; если бы он лучше предвидел, то мог бы выставить на 600.000 солдат больше, чем он выставил на самом деле. С добавлением этих сил он мог бы без труда продолжать свое наступательное движение против французско-английского левого крыла, до берегов Северного моря и Ламанша. Таким образом были бы заняты морские базы наиболее близкие к Англии и она сама поставлена под прямую угрозу. Сражение при Марне таким путем было бы немыслимым.

Возможно, что созданные таким образом добавочные дивизии явились бы не особенно крупными боевыми силами; но и в таком случае они сыграли бы свою роль, в силу того, что противник не мог бы противопоставить равных сил. Эта начальная ошибка имела гибельные последствия и высоко чтимый немцами Мольтке говорил в 1870 г., что „ошибка, допущеная в первоначальном плане, не может быть исправлена в течение всей кампании“.

Так в области пользования резервами Франция, со своим 38 миллионным населением, с'умела извлечь более пользы, чем Германия с 68 миллионным.

Германия не широко использовала свои резервы, так как не верила в боеспособность крупных частей, состоящих исключительно из резер-

*) В то же время резервные дивизии Антанты следовали в постоянной прогрессии: 65 (на 192) 1-го июля; 70 (на 194) на 15-е июля; 88 (на 205) на 15-е октября; 103 (на 205) на 11-е ноября.

вистов. В этом отношении события начала войны показали им, что они правы, и что это происходило только от того, что в мирное время относились недостаточно внимательно к обучению резервистов. Этого упрека, впрочем, заслуживает не только наш противник, но и мы сами

После нескольких сражений, каких не приходилось еще выносить никаким войскам, резервные дивизии обоих армий сравнялись в боеспособности с действующими дивизиями. Из этого можно вывести очень важное заключение: несколько недель обучения, которые приводят в стройное целое разрозненную толпу людей, должны проводиться в мирное время. Это тем более важно, что большая часть мобилизованной армии скоро будет состоять только из резервистов. Мы говорим: „большая часть", потому что мобилизация—тем более длительная, чем больше людей призывается под знамена—должна выполняться под охраной предшествующих сил, если хотят, чтобы она выполнялась в порядке и спокойствии. Эта сила будет армией прикрытия, в состав которой войдут резервисты, но также и значительное количество людей нормального контингента, потому что они всегда готовы к военному выступлению.

Перейдя затем к обзору мер, принятых немецким штабом, чтобы исправить свою первоначальную ошибку и развить наличный состав армии, мы не можем не признать колоссального напряжения им всех сил. В самый разгар войны было сформировано более ста дивизий. Но и в этом отношении союзники не отстали от Германии. Не надо забывать, что начав войну менее чем со 100 дивизиями (считая 4 английских и столько же бельгийских) они окончили кампанию имея 205 дивизий.

Если мы рассмотрим затем крупные перегруппировки немецких войск в течение войны, то увидим, что из 240 дивизизий 115 совершали с одного фронта на другой движение по внутренним операционным линиям. При этом мы считали Россию, Румынию и Сербию за один фронт и зачастую в отчетной таблице приводили переброску частей, образованных внутри Германии, на западный или восточный фронт. Из этих 115 дивизий, 41 совершили перезд с французской до русской границы и обратно всего 1 раз; 56 дивизий — два раза; 4 дивизии перегруппировали 3 раза; 12 — четыре раза; одна — шесть раз; альпийский корпус побил рекорд перегруппировок, а именно: из Франции, где он образовался в Италию и обратно; из Франции в Сербию и обратно; из Франции в Румынию и обратно; из Франции в Италию и обратно и затем снова из Франции в Италию.

Сто двадцать пять дивизий (из них 102 на французском фронте и 23 на восточном) ни разу с самого начала кампании не покидали театра военных действий, но это не значит, что они оставались на одних и тех же позициях, совсем наоборот.

Изучая передвижение войск противника по железным дорогам, нельзя не отдать должное методу, какой они внесли в пользование

великолепно оборудованными железнодорожными путями. Никогда еще, ни в одну войну, их не применяли с таким успехом. Можно сказать, что перед самым открытием военных действий, никто не имел ясного представления о тех огромных услугах, какие может оказать пользование железными дорогами. Мало по малу перевозка крупных частей с одних позиций на другие показала точную меру того, что можно требовать от этого применения, и к каким крупным и смелым результатам приводит быстрое перебрасывание дивизий и армий с одной области в другую. Читатель был бы поражен, узнав точное число людей, лошадей, пушек и всевозможного материала, перевезенного нами только по железным дорогам, не считая того, что перевозилось целыми отрядами на грузовых автомобилях.

Таблица № 1.

Года.	Германия.		Франция.
17 лет.	Ландштурм 1-го призыва (3 года).		
18 „			
19 „			
20 „	Исключения.	Нормальн. случ.	
21 „	Ландштурм 1-го призыва ($19^1/_2$ лет).	Действ. армия (2 года).	Действующая армия. (3 года).
22 „			
23 „		Резервы ($4^1/_2$ года)	
24 „			Резервы. (11 лет).
25 „			
26 „			
27 „		Ландвер 1-го призыва. (5 лет).	
28 „			
29 „			
30 „			
31 „			
32 „		Ландвер 2-го призыва (8 лет).	
33 „			
34 „			
35 „			Территориальная армия. (7 лет).
36 „			
37 „			
38 „			
39 „			
40 „	Ландштурм 2-го призыва. ($5^1/_2$ лет).		
41 „			
42 „			Резерв. Территориальная армия. (7 лет).
43 „			
44 „			
45 „			
46 „			
47 „			
48 „			

Таблица № 2.

Август-октябрь 1914—Марна и Изер.

Время перебросов.	Дивизии на французском фронте.	◘ Исходный пункт, ——> направление и ■ конечный пункт передвижений. Французский фронт.	Внутрен. фронт Германии.	Русский фронт	Дивизии на русском фронте.	Общее число немецких дивизий.
1914	97	◘ ——	——>	——> ■ 22 Д.	26	123
—		◘ ——	——>	——> ■ 38 Д.		
		◘ ——	——>	——> ■ 3 Д.Г.		
Август.	93	◘ ——	——>	——> ■ 1 Д.Р.	30	123
Сентябрь		1 Д.Б.Л. ◘ <——	—— ◘[1])			
—						
(Марна).	93	6 ◘ <——	—— ◘[1])		30	123
Октябрь.		43 Д.Р. ■ <——	—— ◘			
		44 — ■ <——	—— ◘			
		45 — ■ <——	—— ◘			
		46 — ■ <——	—— ◘			
—		47 — ■ <——	—— ◘	◘ ——> ■ 49 Д.Р		
		48 — ■ <——	—— ◘	◘ ——> ■ 50 Д.Р		
		51 — ■ <——	—— ◘			
16 октября		52 — ■ <——	—— ◘			
		53 — ■ <——	—— ◘			
		54 — ■ <——	—— ◘			
Изер.		6 Д.Г.Р. ■ <——	—— ◘			
		1 Д.М. ■ <——	—— ◘			
	106	2 — ■ <——	—— ◘		32	138

Д.—Дивизия.

Д. Г. -Гвардейская дивизия.

Д. Р.—Дивизия резервная.

Д. Г. Р.—Дивизия гвардейская резервная.

Д. Б.—Дивизия баварская.

Д. Р. Б.—Дивизия резервная баварская.

Д. М.—Дивизия морская.

Д. Л.—Дивизия ландверная.

Д. Б. Л.—Дивизия баварского ландвера.

[1]) Уже расформированы.

Немецкое наступление на русском фронте.

Второе сражение на Мазурских озерах (февраль 1915 г.). Большое летнее наступление на Россию (1 мая 1915 г.).

Время перебросок.	Дивизии на франц. фронте.	⊡ исходная точка, → направление и ■ конечный пункт переброски.			Дивизии на русском фронте.	Общее число немецких дивизий.
		Французский фронт.	Внутренний фронт (Германии).	Русский фронт.		
1914 ноябрь.	106	⊡	→	→ ■ 3 Д.	32	138
	104	⊡	→	→ ■ 4 Д.	34	138
Декабрь.		⊡	→	→ ■ 5 Д. Р.		
		⊡	→	→ ■ 6 —		
		⊡	→	→ ■ 26 Д.		
		⊡	→	→ ■ 25 Д. Р.		
		⊡	→	→ ■ 47 —		
		⊡	→	→ ■ 48 —		
		○	→	→ □ 2 Д. К.		
		○	→	→ □ 4 —		
		○	→	→ □ 5 —		
		○	→	→ □ 6 —		
		○	→	→ □ 8 —		
		○	→	→ □ 9 —		
	98	5 Д. Л. ■ ←	⊡ 1)		40	138
1915 Январь.			⊡ →	→ ■ 75 Д. Р.		
			⊡ →	→ ■ 76 —		
			⊡ →	→ ■ 77 —		
			⊡ →	→ ■ 78 —		
			⊡ →	→ ■ 79 —		
			⊡ →	→ ■ 80 —		
		81 Д. Р. ■ ←	⊡			
		82 — ■ ←	⊡			
		8 Д.Р.Б. ■ ←	⊡			
		2 Д. Л. ■ ←	⊡ 2)			
		7 — ■ ←	⊡ 1)			
		8 — ■ ←	⊡ 1)			
	101	9 — ■ ←	⊡ 1)		46	147
Февраль.		⊡	→	→ ■ 31 Д.		
		⊡	→	→ ■ 42 Д.		
Мазурское		39 Д.Р.Б. ■ ←	⊡ 3)			
наступление.	99	30 Д.Р.Б. ■ ←	⊡ 3)		48	147
Март.		⊡	→	→ ■ 19 Д.		
		⊡	→	→ ■ 20 Д.		
		⊡	→	→ ■ 81 Д. Р.		
		⊡	→	→ ■ 82 —		
		○	→	→ □ 3 Д. Р.		
		○	→	→ □ Д. К. Г.		
		○	→	→ □ Д. К. Б.		
		15 Д. Л. ■ ←	⊡ 4) 5) ⊡ →	→ ■ 1 Д. Л.		
		50 Д. ■ ←	⊡ 6) ⊡ →	→ ■ 10 —		
		52 — ■ ←	⊡ 7) ⊡ →	→ ■ 11 —		
		54 — ■ ←	⊡ ⊡ →	→ ■ 11 Д. Б.		
		56 — ■ ←	⊡ 8) ⊡ →	→ ■ 88 Д.		
		58 — ■ ←	⊡			
	101	10 Д. Б. ■ ←	⊡		53	154
Апрель.		⊡	→	→ ■ 1 Д. Г.		
		⊡	→	→ ■ 2 —		
		12 Д.Л. ■ ←	⊡ 3) 5) ⊡ →	→ ■ 16 Д. Л.		
		111 Д. ■ ←	⊡			
		118 — ■ ←	⊡			
		115 — ■ ←	⊡			
		117 — ■ ←	⊡			
		119 — ■ ←	⊡			
		121 — ■ ←	⊡			
		123 — ■ ←	⊡			
	105	⊡	→	→ ■ 119 Д.	56	161
Май.		⊡	→	→ ■ 56 Д.		
		К. Альп. ■ ←	⊡			
		⊡				
		13 Д.Л. ■ ←	⊡ ⊡ →	→ ■ 101 Д.		
		183 Бр. ■ ←	⊡ 9) ⊡ →	→ ■ 103 —		
		185 — ■ ←	⊡ 9) ⊡ →	→ ■ 105 —		
		187 — ■ ←	⊡ 9) ⊡ →	→ ■ 107 —		
Немецкое			⊡ →	→ ■ 108 —		
наступление		⊡	→	→ ■ 8 Д Р.Б.		
на Галицию.	106		⊡ →	→ ■ 109 Д.	64	171 (из них 1 на итальянск. фронте).
Июнь.		⊡	→	→ ■ 44 Д.Р. 10)		
			⊡ →	→ ■ 83 Д. 11)		
			⊡ →	→ ■ 84 Д. 11)		
			⊡ →	→ ■ 14 Д.Л. 12)		
		8 Д.Р.Б. ■ ←	←	⊡		
	106		⊡ →	→ ■ 87 Д. 13)	64	171 (1 на итальянском фронте).
Июль.		⊡	→	→ ■ 54 Д.		
		56 Д. ■ ←	←	⊡		
	105	⊡	→	→ ■ 58 Д.	65	171 (1 на итальянском фронте).
Август.		⊡	→	→ ■ 115 Д.		
			⊡ →	→ ■ 85 — (14)		
	104		⊡ →	→ ■ 86	67	172 (1 на итальянском фронте).

Д. К.—Кавалерийская дивизия.
Д. Г. К.—Кавалерийская гвардейская дивизия.
Д. К. Б.—Дивизия кавалерийская баварская.

1) Уже расформирована.

2) Уже расформирована (прежняя дивизия Франка).

3) Образован. из резервных частей Эрзац и ландвера, уже расформир.

4) Уже расформ. прежняя див. Сак.

5) Уже расформ. прежняя див. Якоби.

6) Уже расформ. часть гарнизона корпуса Кенигсберга.

7) Уже расформир. дивизия фон-Эйнем.

8) Уже расформ. из корпуса Бреслау.

К. альп.—Альпийский корпус (равняется 1 дивизии).

→ Итальянский фронт.

9) Бригада из 3 полков, преобраз. в дивизию под тем же номером в мае 1916 г.

10) Увеличена на ½ 43 Д. Р.

11) Сформир. из прежней познанской дивизии.

12) Сформир. из прежнего гарнизона Бреслау.

13) Сформир. из прежнего гарнизона Торна.

14) Сформир. частью из гарнизона Грауденца и т. д. (12 батал. на дивизию: 1 из них (85) почти целиком сформир. из полков, взятых из других частей, 2 взяты с западного фронта.

Сентябрь 1915—Май 1916 г.

Сербская кампания (осень 1915 — (Верден) февраль 1916 г.).

Время перебросок.	Дивизий на французском фронте.	Французский фронт.	Внутренний фронт Германии.	Русский фронт.	Дивизий на русском фронте.	Сербский фронт.	Дивизий на сербском фронте.	Итальянский фронт.	Дивизий на итальянском фронте.	Общее число немецких дивизий
	□ Исходная точка, → направление и ■ конечный пункт переброски.									
1915 — Сентябрь. — 25 сентября (Англо-французское наступление Артуа—Шампань).	104		1) □ →	→ ■ 83 Д.	67				1	172
		1 Д. Г. ■ ←	←	□ □	→	→ ■ 101 Д.				
		2 Д. Г. ■ ←	←	□ □	→	→ ■ 103—				
		19 Д. ■ ←	←	□ □	→	→ ■ 105—				
		20 Д. ■ ←	←	□ □	→	→ ■ 107—				
				□	→	→ ■ 26—				
				□	→	→ ■ 25 Д. Р.				
				□	→	→ ■ 11 Д. Б.				
		□ →	→	→	→	→ ■ 6 Д.				
	107				56		8		1	172
Октябрь. — (Немецкое наступление на Сербию).				□ →	→	→ ■ 44 Д. Р. 2)				
		35 Д. ■ ←	←	□						
		36 Д. ■ ←	←	□						
		4 Д. Г. ■ ←	←	□						
		1 ДРГ ■ ←	←	□						
		4 Д. ■ ←	←	□						
		54 Д ■ ←	←	□						
		50 ДР. ■ ←	←	□						
		□ →	→	→	→	→ ■ 1/2 43 ДР 3)				
		К Альп ■ ←	←	←	←	←	←	□		
		□ →	→	→	→	→ ■ К. Альп.				
		5 Д. Е. □ ←	□ 4) 6) □ →	→ □ 89 Д.						
		47 Д Л □ ←	□ 5)							
	114				47		11			172
Ноябрь. —		58 Д. ■ ←	←	□						
		26 Д. ■ ←	←	←	←	□				
		25 Д. Р. ■ ←	←	←	←	□				
	117				46		9			172
Декабрь. —				107 Д. ■ ←	←	□				
		6 Д. ■ ←	←	←	←	□				
			7) □ →	→ □ 107 Д. Л.						
			8) □ →	→ □ 18 Д. Л.						
	118				47		7			172
1916 — Февраль. (Верден).		43 Д. Р. ■ ←	←	←	←	□				
		44 Д. Р. ■ ←	←	←	←	□				
		11 Д. Б. ■ ←	←	←	←	□				
	121				47		4			172
Март. —		1 Д. ■ ←	←	□						
		К. Альп. ■ ←	←	←	←	□				
	123				46		3			172
Апрель. —		3 Д. Г. ■ ←	←	□						
	124				45		3			172
Май. —		103 Д. ■ ←	←	←	←	□				
	125				45		2			172

1) Сформирована из прежнего гарнизона Бреслау, уже расформированного.

2) Увеличенная на 1/2 43 Д. Р.

3) Половина еще не расформирован. уже на сербском фронте.

4) Прежняя дивизия Базедау, уже расформированная.

5) Сформированная из Ландвера (Мюллер), уже расформированная.

6) Прежний гарнизон Торна, уже расформирован.

7) Прежняя бригада Езебека, уже расформированная, пополненная 1 полком из Ландштурма.

8) Прежняя дивизия Ландвера Бредоу, уже расформированная.

Июнь — ноябрь 1916.

Таблица № 5.

Оборона на русском фронте (июнь 1916).—Оборона на Сомме (июль—октябрь 1916).—Румынская кампания (октябрь 1916 г.).

⊡ Исходная точка, ——→ направление и ■ конечный пункт транспорта.

Время переброcок.	Дивизий на французском фронте.	Фронт французский.	Внутренний фронт Германии.	Фронт русско-румынский.	Дивизий на русско-рум. фронте.	Фронт сербский.	Дивизий на сербском фронте.	Фронт итальянский.	Дивизий на итальянском фронте.	Общее число немецких дивизий
1916. — Июнь. — (4 июня; русское наступление на Галицию).	125	183 Д. ■ ←	⊡ [1])		45		2			172
		192 — ■ ←	⊡							
		⊡	→	→ ■ 19 Д.						
		⊡	→	→ ■ 20 —						
		⊡	→	→ ■ 43 Д.Р.						
	122	⊡	→	→ ■ 11 Д.Б.	49		2			173
Июль. — (Сомма).		185 Д. ■ ←	⊡ [1])							
		187 — ■ ←	⊡ [1])							
			⊡	→ ■ 201 Д.						
		200 Д. ■ ←	⊡							
		204 — ■ ←	⊡							
		12 Д.Б. ■ ←	⊡							
		⊡	→	→ ■ 1 Д.						
	123	⊡	→	→ ■ 121 Д.	52		2			177
Август. (27 августа; вступление в войну Румынии).		14 Д.Б. ■ ←	⊡ ⊡	→ ■ 216 Д.						
		195 Д. ■ ←	⊡ ⊡	→ ■ 217 Д.						
		⊡		→ ■ 195 Д.						
			[2]) ⊡	→ ■ 14 Д.Л.						
			⊡	→ ■ 197 Д.						
			⊡	→ ■ 199 Д.						
		⊡	→	→ ■ 200 —						
		⊡	→	→ ■ 123 —						
		⊡	→	→ ■ 117 —						
		⊡	→	→ ■ 10 Д.Б.						
	119	⊡	→	→ ■ 187 Д.	62		2			183
Сентябрь. — [Бушавен (Bouchavesnes) 17 сентября].		206 Д. ■ ←	⊡ ⊡	→ ■ 203 Д.						
		207 — ■ ←	⊡ ⊡	→ ■ 91 —						
		208 — ■ ←	⊡ ⊡	→ ■ 218 —						
		211 — ■ ←	⊡ ⊡	→ ■ 225 —						
		212 — ■ ←	⊡							
		213 — ■ ←	⊡							
		214 — ■ ←	⊡ [3])							
		215 — ■ ←	⊡							
		222 — ■ ←	⊡							
		⊡	→	→ ■ 208 Д.						
		⊡	→	→ ■ 3 Д.Г.						
		19 Д.Л. ■ ←	⊡ [4])							
	128	20 — ■ ←	⊡ [4])		68		2			198
Октябрь. —		⊡	→	→ ■ К. Альп.						
		⊡	→	→ ■ 8 Д.Р.Б.						
		⊡	→	→ ■ 12 Д.Б.						
			⊡	→ ■ 124 Д.						
			⊡	→ ■ 92 —						
		25 Д.Л. ⊡ ←	⊡ [5]) ⊡	→ ■ 93 —						
		9 Д.Л.Б. ■ ←	⊡							
		221 Д. ■ ←	⊡ ⊡	→ ■ 202 Д.						
	128	223 — ■ ←	⊡		75		2			205
Ноябрь. —		208 Д. ■ ←	←	⊡						
		⊡	→	→ ■ 16 Д.						
		199 — ■ ←	←	⊡						
		⊡	→	→ ■ 215 —						
		43 Д.Р. ■ ←	←	⊡						
		⊡	→	→ ■ 53 Д.Р.						
		19 Д. ■ ←	←	⊡						
		⊡	→	→ ■ 15 Д.						
		20 — ■ ←	←	⊡						
		△	→	→ □ 7 Д.К.						
	130	3 Д.Г. ■ ←	←	⊡	73		2			205
Декабрь. —		220 Д. ■ ←	⊡ ⊡	→ ■ 205 Д.						
		15 Д.Б. ■ ←	⊡							
			⊡	→ ■ 226 —						
		79 Д.Р. ■ ←	←	⊡						
		80 — ■ ←	←	⊡						
		⊡	→	→ ■ 5 Д.Р.						
		37 Д. ■ ←	←	⊡						
		11 — ■ ←	←	⊡						
		2 Д.К. □ ←	←	△						
	135	6 — □ ←	←	△	72		2			209

[1]) Бригада из 3-х полков, уже расфор.; корп. принимает название дивизии и несет соответствующую службу.

[2]) Сформирована из расформирован. частей корпусов Бреслау, Грауденца и т. д.

[3]) Эта дивизия отправлен. в Россию по дороге получила приказ вернуться обратно на французский фронт.

[4]) Сформирована из полков ландштурма.

[5]) Сформирована из расформирован. полков ландвера.

Декабрь 1916—Апрель 1917.

Ожидание союзного наступления и результаты подводной войны.

Время перебросок.	Дивизий на франц. фронте.	Французский фронт.	Внутренний немецкий фронт.	Фронт русско-румынский.	Дивизий румыно-русского фронта	Сербский фронт.	Дивизий сербского фронта.	Итальянский фронт.	Дивизий итальянск. фронта.	Общее число немецких дивизий.	
	Исходная точка ⊡, направление —> и конечный пункт транспортов ■.										
1917 — Январь.	135				72		2			209	1) После прохода через Румынию.
		7 Д. К. ■ <—	—<—	—⊡							2) Сформирована из независимой бригады Ландвера, расформированной, и одного нового полка.
		2 Д. Л. Б. ■ <—	—⊡ [3])								3) Сформирована из отдельных частей, взятых из дивизий.
		⊡—	——>	—> ■ Д. Л. Б.							4) Доставлена с сербского фронта, составлена из отдельных частей других дивизий.
		11 Д. Б. ■ <—	—<—	—⊡							
		49 Д. Р. ■ <—	—<—	—⊡ ([1])							
		16 Д. Б. ■ <—	—⊡			4) ⊡ —> ■ 302 Д.					
		219 Д. ■ <—	—⊡								
	139				71		3			213	
Февраль.		2 Д. ■ <—	—<—	—⊡							
		41 Д. ■ <—	—<—	—⊡							
		187 Д. ■ <—	—<—	—⊡							
		5 Д. Г. ■ <—	—⊡								
		26 Д. Л. ■ <—	—⊡ [2])								
	144				68		3			215	
Март. (15 марта: отступление на линию Гинденбург).		21 Д. Л. ■ <—	—⊡ [2]) ⊡	—> ■ 22 Д. Л. [2])							
		23 Д. Л. ■ <—	—⊡ [2]) ⊡	—> ■ 45 Д. Л. [3])							
		38 Д. Л. ■ <—	—⊡ [2]) ⊡	—> ■ 232 Д.							
			⊡	—> ■ 237 Д.							
		239 Д. ■ <—	—⊡								
		233 Д. ■ <—	—⊡								
		235 Д. ■ <—	—⊡								
		242 Д. ■ <—	—⊡								
		240 Д. ■ <—	—⊡								
		227 Д. ■ <—	—⊡								
		234 Д. ■ <—	—⊡								
	151	⊡—	——>	—> ■ 212 Д.	72		3			226	
Апрель.		236 Д. ■ <—	—⊡								Д. М.—Морская дивизия.
		238 Д. ■ <—	—⊡								
		231 Д. ■ <—	—⊡								
		3 Д. М. ■ <—	—⊡								
		44 Д. Л. ■ <—	—⊡ [2])								
			⊡—	—> ■ 211 Д.							
		78 Д. Р. ■ <—	—<—	—⊡							
		⊡—	——>	—> ■ 14 Д. Б.							
		5 Д. Р. ■ <—	—<—	—⊡							
		⊡—	——>	—> ■ 58 Д.							
		195 Д. ■ <—	—<—	—⊡							
		⊡—	——>	—> ■ 15 Д. Л.							
	156	15 Д. ■ <—	—<—	—⊡	72		3			231	

Таблица № 7.

Май — Ноябрь 1917 г.

Наступление на внешних фронтах — { контр-наступление в Галиции: июль 1917 г. / наступление на Италию: октябрь 1917 г.

⊡ Исходная точка, ⟶ направление и ■ конечный пункт передвижения.

Время перебросок.	Дивизий на французском фронте.	Французский фронт.	Внутренний фронт Германии.	Фронт русско-румынский.	Дивизий на русско-румынском фронте.	Сербский фронт.	Дивизий на сербском фронте.	Итальянский фронт.	Дивизий на итальянском фронте.	Общее число немецких дивизий.	
1917 — Май.	156				72		3			231	
		⊡ ⟶		⟶ ■ 21 Д.							
		119 Д. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 24 Д.Р.							
		6 Д.Р. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 212 Д.							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 19 Д.Р.							
		3 Д.Р. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 21 Д.Л.							
		16 Д. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 47 —							
		48 Д.Р. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 7 —							
		10 Д.Б. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 12 —							
		47 Д.Р. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 23 —							
		121 Д. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 223 Д.							
		36 Д.Р. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 4 Д.Е.							
		228 Д. ■ ⟵	⊡ [1]) ⊡	⟶ ■ 46 Д.Л.							
		243 Д. ■ ⟵	⊡ [2])								
		255 — ■ ⟵	⊡ [3])								
	155				75		3			233	
Июнь. —		К. Альп. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 15 Д.Р.							
		32 Д. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		301 — ■ ⟵	⊡ [4])								
		⊡ ⟶		⟶ ■ 2 Д.							
			⊡ ⟶	⟶ ■ 94 —							
			⊡ ⟶	⟶ ■ 95 —							
			⊡ ⟶	⟶ ■ 96 —							
	155				78		3			236	
Июль. — (Контр-наступление на Галицию).		⊡ ⟶		⟶ ■ 1 Д.Г.							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 2 —							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 5 Д.							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 6 —							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 20 —							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 16 Д.Р.							
		⊡ ⟶		⟶ ■ Д.Е.Г.							
	148				85		3			236	
Август. —		⊡ ⟶		⟶ ■ К. Альп.							
	147				86		3			236	
Сентябрь. —		⊡ ⟶		⟶ ■ 6 Д.Р.							
		Д.Е.Г. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 33 —							
		20 Д Г. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 8 Д.Р.Б.							
		19 Д.Р. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		20 Д. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 2 Д.Г.							
		48 Д.Л. ■ ⟵	⊡ [5])								
				⊡ ⟶		⟶		⟶ ■ К. Альп.			
				⊡ ⟶		⟶		⟶ ■ 200 Д.			
				⊡ ⟶		⟶		⟶ ■ 5 Д.			
	149				82		3		3	237	
Октябрь. — 25 октября (Капоретто).		Д. Ст. ■ ⟵	⊡								
		⊡ ⟶		⟶ ■ 219 Д.							
		⊡ ⟶		⟶	⟶	⟶	⟶	⟶ ■ Д. Ст.			
		⊡ ⟶		⟶ ■ Д.Е.Б.							
				⊡ ⟶	⟶	⟶	⟶	⟶ ■ 117 Д.			
		⊡ ⟶		⟶	⟶	⟶	⟶	⟶ ■ 12 —			
		⊡ ⟶		⟶	⟶	⟶	⟶	⟶ ■ 26			
		21 Д. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 23 Д.Р.							
		58 Д. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 18 Д.							
		22 — ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 43 Д.Р.							
		6 — ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 10 Д.Е.							
		1 Д.Г. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 10 Д.Б.							
		8 Д.Р.Б. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		24 Д.Р. ■ ⟵		⟵ ⊡							
	147				81		3		7	238	
Ноябрь. —			[6]) ⊡ ⟶	⟶ ■ 29 Д.Л.							
		1 Д.Р. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 19 —							
		107 Д. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 40 Д.							
		123 — ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶ ■ 20 Д.Л.							
		105 — ■ ⟵		⟵ ⊡							
		⊡ ⟶		⟶	⟶	⟶	⟶	⟶ ■ 195 Д.			
		225 — ■ ⟵		⟵ ⊡							
		18 — ■ ⟵		⟵ ⊡							
		10 Д.Б. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		16 Д.Р. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		2 Д. ■ ⟵		⟵ ⊡							
		12 — ■ ⟵		⟵ ⊡							
	153				74		3		8	238	

[1]) Сформированная из отдельных частей других дивизий.
[2]) Прежняя 8-ая Д. Е.
[3]) Прежний гарнизон Метца, уже расформирован.
[4]) Простая кадровая дивизия, пополненная различными частями других дивизий.
[5]) Сформированная из 3 новых полков.

Д. Ст. — Дивизия стрелковая.

[6]) Переформирована из бригады ландвера, уже снята с учета (décomptée).

Июнь — Ноябрь 1918.

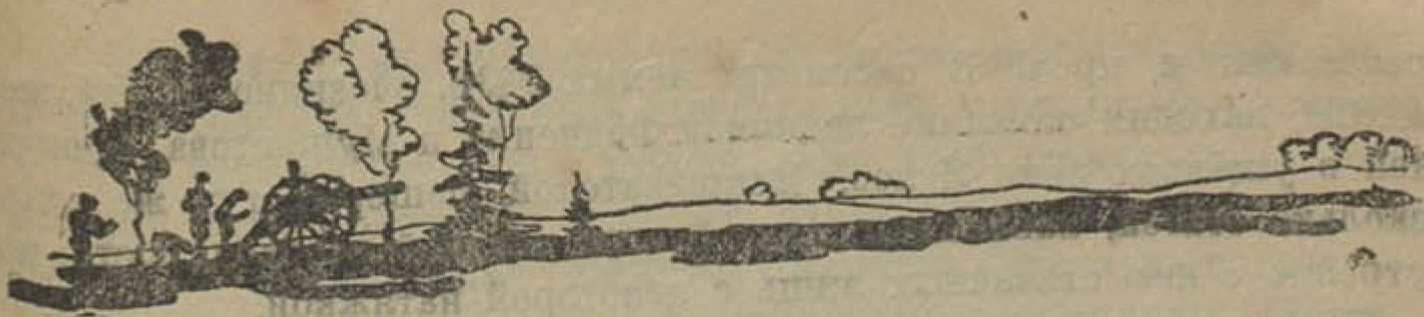
Таблица № 9.

Разгром немецкой армии.

⊡ Исходная точка, › направление и ■ конечный пункт передвижения.

Время перебросок.	Дивизий на французском фронте.	Фронт французский.	Внутренний фронт Германии.	Фронт русско-румынский.	Дивизий на русско-рум. фронте.	Фронт сербский.	Дивизий на сербском фронте.	Фронт итальянский.	Дивизий на итальянском фронте.	Общее число немецких дивизий.	Австрийских дивизий.	
1918. Июнь.	208	9 Д.Р.Б. ⊡	› (разбита).		32					240		
Июль.		Д. Австр. ■‹									⊡	1) Плюс 2 австр.
—		— ■‹									⊡	
(15 июля: союзн. атаки с двух сторон Реймса). (18 июля: франц. контр-наступление).		47 Д.Р. ⊡	› (разбита).									
	206 [1]				32					238	2	
Август.		10 Д.Б. ⊡	› (разбита).									2) Плюс 3 австр.
—		6 Д.Б.Р. ⊡	› —									
(18 августа: французское контр-наступление).		1 Австр. ■‹									⊡	
		46 Д.Р. ⊡	› (разбита).									
		235 Д. ⊡	› —									
		78 Д.Р. ⊡	› —									
		10 Д.Л. ⊡	› —									
	199 [2]	14 Д.Б. ⊡	› —		32					231	3	
Сентябрь.		3 Д.Л. ■‹		⊡								
—		⊡						› ■ к Альп.				
(12 сентября: американское наступление). (26 сентября: франко-американское наступление).		43 Д.Р. ⊡	› (разбита).									
		109 Д. ⊡	› —									
		233 Д. ⊡	› —									
		25 Д.Р. ⊡	› —									
		53 Д.Р. ⊡	› —									
		211 Д. ⊡	› —									
		108 Д. ⊡	› —									
		183 Д. ⊡	› —									
		222 Д. ⊡	› —									
		223 Д. ⊡	› —									
		225 Д. ⊡	› —									
		54 Д.Р. ⊡	› —									
	186 [2]	53 Д.Р. ⊡	› —		30				1	217	3	
Октябрь.		Д.Е.Б. ⊡	› (разбита).									
—		3 Д. ■‹		⊡								
(Общее наступление союзников).		11 Д.Р. ⊡	› (разбита).									
		91 Д. ■‹		⊡								
		201 Д. ⊡	› (разбита).									
		224 Д. ■‹		⊡								
		197 Д. ⊡	› (разбита).									
	186 [2]	94 Д. ■‹		⊡	26				1	213	3	
Ноябрь.		⊡		› Див. австр.				›				
—		⊡		› „ „				›				
Перемирие.		⊡		› „ „				›				
		207 Д. ‹		⊡ В состоянии передвижения.								
		215 Д. ‹		⊡								
		5 Д.Е. ‹		⊡								
		35 Д.Р. ‹		⊡								
		4 Д.Л. ‹		⊡								
		18 Д.Л. ‹		⊡								
		85 Д. ‹		⊡								

БИБЛИОГРАФИЯ.

„Военная Мысль".

Военно-научный журнал. Орган военного факультета Турк. Государств. Университета. Кн. 1-я, январь—апрель 1921 г. 332 стр. Кн. 2-я, май—июль 1921 г. 350 стр.

Вышли в свет еще 2 книги „Военной Мысли". В первой заметке, помещенной в сборнике 8-м журнала „Революция и Война", были отмечены существенные черты этого издания: хорошая внешность, небезизвестные имена некоторых сотрудников и, наряду с этим, многосторонность журнала и некоторая универсальность, граничащая с желанием быть всеоб'емлющим.

Из программной заметки, предпосланной апрельской книжке журнала, узнаем, что эта разносторонность носит нарочитый характер. Редакция ссылается на то, что

. . . . какое бы внимание ни уделяла Москва интересам Туркестана, на страницах московской военной печати . . . . посвященные Туркестану статьи всегда останутся статьями второго порядка.

Отсюда редакция делает справедливый вывод о необходимости краевого органа. Дальше излагаются и задачи, которые ставит себе „Военная Мысль":

. . . . помещение в каждом номере журнала систематических обзоров, составленных под военно-географическим углом зрения, внутренней жизни Туркестана, а также сопредельных с ним стран . . . .

Далее, вследствие географических особенностей страны,

преимущественное внимание журнала, в сфере тактики и стратегии, будет обращено на изучение условий, так называемой малой войны, а также степной и глубоко-горной на создание . . . . благоприятных условий для развития коневодства и коннозаводства, на изучение условий по физической подготовке войск,

соответствии с краевыми особенностями и т. д. Вслед за этим редакция так обосновывает отмеченную разносторонность журнала:

„Военная Мысль", как орган военного факультета олицетворяющего собою . . . . об-единение . . . . военной теории и дисциплин гражданского, общенаучного характера— ставит своей задачей осуществление возможно более тесной спайки между военной мыслью и мыслью общенаучной.

В первом номере (за 1920 г.) это стремление выразилось в помещении описания путешествия в таинственную Кон-и-Гутскую пещеру, в заметку о задачах пролеткульта, в статью о горно-техническом

образовании и проч. В рассматриваемых №№, очевидно по той же причине, находим описание ледников Федченко и Мушкетова, вечных огней в ущельях реки Ягноб, Макшеватской пещеры; тут же есть несколько статей, написанных под флагом военной необходимости, но внутренно с нею связанных лишь с некоторой натяжкой.

Напр. статья В. Вадецкого в июльской книжке „Человечность в военной индустрии". Заглавие заставляет искать в ней интересных мыслей о гуманизации войны в связи с ростом цивилизации и усовершенствованием средств борьбы (так, по крайней мере, нам показалось на первый взгляд по сходству с некоторыми сочинениями немецкой литературы). Оказывается, что автор только повторяет общие места из фабричной гигиены, приложимые не к военной, а вообще ко всякой фабричной промышленности. Тогда, спрашивается, для кого эта статья? Для специалиста она слишком популярна, а многие из рядовых читателей пройдут мимо нее.

Есть еще несколько статей такого же рода (например, „Новое разрушение Верного" и „Краткая история спорта среди мусульман" во 2-ом номере, „Топливное положение Туркестана" в № 1-ом и некоторые другие). О них можно сказать, что они с военным делом только „сопредельны" и, притом, лишь отчасти. Всем им место, скорее, на страницах специальных журналов. Таким образом, вновь приходится повторить, что при столь широком подходе „Военная Мысль" становится для каждого почти читателя интересной лишь „постольку—поскольку".

Но если стать на точку зрения редакции (нельзя, притом, не признать, что она имеет свои основания), то программа журнала почти выдержана. Попрежнему только блистает отсутствием тактика и попрежнему главная масса статей имеет не чисто-военное, а лишь прикладное к военному делу направление. В этом несомненный минус „Военной Мысли", как бы ее задачи ни трактовались.

Из числа помещенного материала следует остановиться на следующем.

В апрельской книжке:

А. Н. Апухтин. Военная доктрина. Статья начинается с резкой критики истории исканий доктрины; в некоторой части, у автора сквозит горечь неудачного дебюта на страницах покойного „Военного Дела", заставляющая даже умалить то, что сделано было этим журналом, а именно—пробудить эту работу и поставить ее некоторые, принятые и в последующем вехи. К сожалению, как отмечает и редакция, автор не пошел дальше попытки определить понятие военной доктрины. Но и здесь—увы—нет той четкости мысли, которая так необходима и которой много больше проявил в „Армии и Революции" т. Фрунзе, а все больше, повторения общих мест из того же „Военного Дела".

В. Романовский. „Статистическое мировоззрение“. Статья, по нашему мнению, не может быть отнесена даже к числу „сопредельных“. Будучи глубоко интересна вообще, даже необходимая для прочтения всякому интеллигентному человеку, она, тем не менее, не может найти себе место на страницах военного журнала, так как нельзя же в стремлении спаять военные и общенаучные дисциплины широко давать место всему, что дает нового общая наука—на страницах органа именуемого *военным.*

Н. Бедринцев в статье *„Конструкция воинских уставов“* во многом повторяет взгляды Д. Парского, в свое время развитые в „Военном Деле“, и повторяет, надо сказать, не всегда с такой обоснованностью и полнотой, как последний.

Не лишена интереса статья *В. Дунина-Барковского „Трудовая армия и научная постановка труда“*, в особенности в части, посвященной полемике.

Дальше идет большею частью „сопредельный“ материал. Главнейшие статьи: „Топливное положение Туркестана“—В. Рагозина; „Горная промышленность Туркестана“—А. Подуровского; „К вопросу об использовании естественных богатств Туркестана в связи с развитием военной промышленности в крае“—Л. Мартюшова и др.

К номеру приложен ряд схем, хорошо исполненных и напечатанных.

Сильно испортила впечатление цензура, прошедшаяся по оглавлению несколькими грязно-черными штрихами и вырезавшая часть статей, отчего вся книга рассыпается (вообще, брошюровка слабое место „Военной Мысли“).

В июльской книжке:

В. Скерский. „Политика государства и красная армия“. Автор сравнивает положение старой армии, с ее „аполитичностью“, и постановку дела в некоторых странах западной Европы и в красной армии. Жаль, что автор, как бы, не докончил своих выводов.

Н. Лыкошин в статье *„Локоть к локтю“* продолжает военно-этнографическую характеристику Туркестана, начатую в 1920 г. Для темы статья слишком коротка. Это—только некоторые начальные штрихи, материал для разработки вопроса.

Дальше помещено описание *„Нашей западной границы“*, составленное *А. Н. Апухтиным.* Статья поверхностна—не дает даже общей оценки границы или, вернее, дает ее не в той плоскости, в которой следовало бы. Быть может, виною этому слишком мелкий масштаб карты, имевшейся у автора (40 вер. в дм.), но и этот масштаб для общих стратегических выкладок достаточен. Несколько искусственным, нам кажется, искать об'яснение стремлений Польши создать территориальный клин между Россией и Литвой в желании изолировать Р. С. Ф. С. Р. и в происках Англии. Несомненно, здесь имело значение

желание помешать сбыту Германией в Россию своих товаров и получению из нее сырья, но не ближе бы мы подошли к делу, если бы вспомнили об авантюре Желиговского?

С. Валин вновь поднимает вопрос *„Об институте водных комиссаров“*, приходя к необходимости его упразднения.

С глубоким интересом читается обзор Вл. Апушкина Сухомлиновского дневника в период войны. Можно только удивляться, как столь ничтожный или, вернее, мелко разменявшийся человек мог стать министром первоклассной державы, и как слепо было самодержавие, рывшее себе яму руками таких людей. Нельзя отказать в желании привести несколько мыслей этого „деятеля“.

„7-го августа 1914 г. В Киеве прозевали и дали австрийцам взять Каменец-Подольск. С такими полководцами можно сесть в галошу.

Дельное замечание для военного министра!

После Марны Сухомлинов отмечает:

„на французской границе получилось второе Бородино“.

В катастрофе у Сольдау его интересует только:

„уцелел ли значек Скобелева, который ему (Ренненкампфу) привез кн. Белосельский-Белозерский.

Неправда-ли, хорошо?

25 января 1915 г. его сильно возмущает, что:

„Шингарев восхищается благоустройством германской армии“.

А через несколько месяцев, что

„Родзянко не может успокоиться и все шельмует главное артиллерийское управление“.

Интересно еще, что по словам Сухомлинова:

„немцы затратили на его увольнение большие деньги“.

А сколько они, в действительности дали бы, чтобы он остался подольше!

В следующей статье *„Суд над генеральным штабом“* *П. Тимофеев* никак не хочет согласиться с тем, что наш старый генеральный штаб был очень и очень не на месте, и все валит на гвардию. „Оба лучше“, можно ответить.

В общем, журнал продолжает вести занятую им линию и, несомненно, заслуживает вполне благоприятного отзыва, даже при наличии отмеченных недостатков.

Н. Н. Шелавин.

„Полевое военно-инженерное дело".

Г. Г. Невский, военный инженер.

Руководство по фортификации. Издание отдела военной литературы Р. В. С. Р. и Гл. Военно-Инженерн. Управл. 1921 г. X+320 стр.

Настоящая книга является, видимо, первым опытом сведения в одно результатов теории и практики военно-инженерного дела после испытаний во время шестилетней войны 1914—1920 г. г. Автор подчеркивает это в предисловии, указывая на недостаточную обработку и отсутствие законченности, и предполагает, получив отзывы военно-инженерных специалистов, развивать и совершенствовать это издание.

Труд Г. Г. Невского частью компилятивный,—по источникам, изданным до мировой войны и во время нее, частью является продуктом собственного опыта и взглядов. Не задаваясь мелочной работой библиографического характера—по определению пропорции того и другого в его труде и по выяснению отношения автора к взглядам и идеям использованных им фортификационных писателей (тем более, что никем из них не издано еще ни одного дополнения к своим прежним трудам, почему об изменениях взглядов кого-либо, после грандиозного боевого экзамена, нельзя ничего говорить) ограничимся общим обзором книги Г. Г. Невского и указанием, иногда может быть даже мелочных, погрешностей, встречаемых при ее чтении.

Первое, на что надо обратить внимание,—принятие в руководстве метрической системы, как основы всех измерений. Не всегда во время боевой работы под руками будет метр, поэтому прежний способ измерения в поле—шагами—более практичен и отступать от него не стоит. В работу, связанную со смертью или жизнью людей не следует вводить ничего осложняющего ее. Да и при обучении по этому руководству метрическая система, пока не станет обиходной, несомненно

сильно затруднит обучающихся и помешает им твердо запомнить размеры в тех мерах, которые они всегда смогли бы применить на деле.

Можно заменить метрическими только измерения, которые прежде обозначались не шагами, а саженями, вершками. Между тем, видимо нарочно, автором на стр. 190 при описании производства позиционных работ пропущено, что все отмеривания в поле производятся исключительно шагами.

Переходя к плану расположения материала в книге и выбора его, видим, что автор, начав изложение с понятия о фортификационных оборонительных работах, сейчас же отступает от этого и, ранее окончания исследования оборонительных построек, описывает работы по усовершенствованию их, т. е. мелочами затемняет основные понятия о позиционных сооружениях. Правильнее всего было бы при описании позиционных работ придерживаться или очереди производства, или добавлять второстепенное только после полного усвоения обучающимися всех главных основных данных.

Понятие о средствах нападения, о действии пуль и артиллерийских снарядов и т. п., казалось бы, должно предшествовать всему курсу, так же как и главные сведения по организации войск и по тактике их.

Но применение к местности и маскировка окопов, также как и прочих позиционных сооружений, должны подробно разрабатываться одновременно с ознакомлением обучающегося с каждым отдельным видом сооружения.

Попутно надлежит выяснить все недоразумения, встречаемые строителем на разной местности, и указать изменения основных типов сооружений в зависимости от местных условий.

В отдельной главе „О применении к местности и маскировке позиционных сооружений“ можно было бы поместить сводку разбросанных повсюду частных сведений об этих работах и дополнить их общими руководящими указаниями. Тогда обучающийся сознавал бы, для чего и почему строятся те или другие типы сооружений, чем вызываются их размеры и взаимное положение, и дальнейшее изложение не прерывалось бы вводными посторонними данными.

Согласование полевой позиции с ее гарнизоном, со строевым делением его частей, с современной тактикой их действий и с приданными к ним техническими средствами боя чрезвычайно важно. Можно сказать, что весь опыт гражданской войны свелся к признанию первостепенного значения этого принципа. Прежняя фортификация разрабатывала отвлеченные позиции, удовлетворяющие всем идейным требованиям обороны; дополняла их затем расчетом гарнизона, предоставляя распределение последнего строевому командованию. Конечно, случайности боя и требования обстановки, зависящей от инициативы противника, оставляют и ныне строевому командованию много простора и свободы действий при занятии заблаговременно укреплен-

ной позиции. Зачастую, отошедшие за нее войска бывают так расстроены, что строевые единицы надо считать степенью или двумя ниже нормальных: полк за батальон и даже за роту, роту—за взвод, а то и за отделение и т. п. Но если позиция разбита и построена правильно, удовлетворяя вышеуказанному принципу, то ее использование, хотя бы частично, и в том случае сильно облегчается.

Согласование оборонительных сооружений с тактикой войск—требовалось всегда, но, опять таки, для обороны позиции вырабатывались и предписывались особые тактические приемы. Гражданская война показала, что только те позиции были использованы для обороны, которые простейшим образом облегчали обычный бой, помогали своими препятствиями задержать противника, расположением окопов усиливали огонь и в то же время соответствовали всем привычкам войск: например, позиции около населенных пунктов, железнодорожных станций, за реками и т. п., в районе которых войсковые части дали бы бой противнику и без позиций, усиливали мощь последних.

На западном фронте было много противоположных примеров—оставления без обороны теоретически сильных позиций. Много раз войска проходили без боя мимо позиций, оставшихся от войны с Германией: Молодечненских, Сморгонских, Поставских, Полоцких, Бобруйских и т. д. Причинами этого можно назвать: несоответствие этих позиций, построенных для позиционной войны больших армий, современной подвижной тактике малых войсковых сил; несоответствие их настроению и духу бойцов гражданской войны,—созданы они были для обороны территории, пядь за пядью, что, по современным взглядам, являлось бессмысленной и бесцельной жертвой; наконец, трудность согласовать сложный лабиринт окопов, построенный или совершенно не считаясь с строевым делением войсковых частей, или согласованный с численностью и группировкою боевых единиц империалистической армии, с нынешней структурой армии—все это заставляло глядеть на эти, иногда богато приспособленные к обороне, позиции, как на опасные или, по крайней мере, ненужные по обстановке гражданской войны, и игнорировать их наличие.

К сожалению, в курсе Г.Г. Невского мы не находим ничего, наводящего обучающегося на эти мысли.

Точно также незаметно и другой стороны, связи мертвых позиций и инженерных работ с живыми войсками; нет намека на соразмерение действий последних с инженерными возможностями. Нет данных и для определения этих возможностей, если не считать помещенную на 3 последних страницах (318—320) таблицу „Приблизительных данных по расчету времени работ при самоокапывании" и „Справочных данных для расчета работ при заблаговременном укреплении позиций".

Между тем, знать сколько сил и времени потребуется на постройку каждого сооружения, на выполнение каждой очереди работ и, наконец, на всю предположенную работу—инженерному инструктору необхо-

димо. Этим он отличается от инструкторов других родов войск, которые тоже, несомненно, могут выполнять позиционные работы, но отличающиеся простым характером.

Помогать строевому командованию при расчетах операций инженерный начальник только и может в сфере определения инженерных возможностей, диктующих иногда темп и скорость хода операций.

Упустив из вида эти главнейшие, чисто фортификационные требования к учебнику, автор и в деталях не связывает фортификации с живой силой. На 70 и 71 страницах книги он вкратце излагает „службу в окопах“. Казалось бы, это делается именно с целью подхода к соответствию окопов этой службе. Но нет, далее ничего не говорится ни о том, как и что должна сделать фортификация для удобства несения этой службы, ни как отзывается ее порядок на том или другом сооружении позиции или на ее общем виде.

Такая отрасль работ, как маскировка (почти равноценная самой постройке безопасных укрытий) описывается автором (93—94) в общих чертах и выражениях, тогда как обучающемуся должна быть внушена обоснованная система маскировки и от земных наблюдателей, и от воздушных и должна быть привита мысль: ранее постройки самого сооружения определить возможность его маскировки, а может быть и ненадобность в особом усиленном сооружении, вполне заменяемом маскировкой наличных слабейших укрытий.

Казалось бы наилучшей схемой для руководства по полевой фортификации была бы следующая:

I. Краткие предварительные сведения, необходимые инженерному инструктору:

а) Карты, планы, чертежи, масштабы и прочие топографические сведения.

б) Административные сведения о пехотных и прочих частях.

в) Краткие тактические сведения о действиях всех родов оружия.

г) Краткие сведения о технических средствах боя.

(Эти части отдела могут и совсем отсутствовать в курсе фортификации, так как они представляют содержание отдельных самостоятельных предметов. Во всяком случае краткость его, конспективность—обязательна, так как этот отдел вспомогательно-справочный).

д) Введение (значение и назначение укреплений и понятие о соразмерении их с задачами и силами).

II. Типовые фортификационные полевые и временные сооружения.

а) Оборонительные боевые препятствия, (окопы, блокгаузы, капониры, установки—пулеметные, минометные, бомбометные, газовые, артиллерийские и т. п.).

б) Служебные (командные пункты, наблюдательные пункты, дороги, ходы сообщения, перевязочные пункты, колодцы и т. п.).

в) Охранительные (блиндажи, убежища, лисьи норы, ниши, склады и т. п.).

г) Детали фортификационных построек и влияние на их конструкцию обстановки, материалов, рабочих средств и условий времени.

д) Применение к местности и маскировка сооружений.

III. Типы позиций и структура их:

а) Общие теоретические требования.

б) Постройка полевых позиций при наступлении.

в) Тыловые позиции, поспешные и заблаговременные.

г) Применение позиций к местности. Значение местности, инженерная разведка, тыл позиции; естественное укрытие (использование местности); искусственная маскировка (маски, краско-маскировка,— ложные постройки).

IV. Заблаговременная постройка позиций: выбор типа построек в зависимости от назначения позиции, времени и местных условий.

а) Согласование со средствами противника.

V. Позиционная война. Постепенное усовершенствование позиций и отдельных сооружений при затянувшейся обороне.

а) Усиление препятствий и боевых сооружений.

б) Развитие служебных сооружений.

в) Развитие и усиление охранительных построек.

VI. Организация фортификационных работ:

а) Инженерные войска, работа войсками.

б) Вольнонаемные рабочие и транспорт.

в) Материалы и инструменты.

г) Согласование этих элементов с боевыми, местными и экономическими условиями и временем—очереди работ.

д) Составление проэктов позиции.

VII. Заключение: Влияние усовершенствования техники на позиции и фортификационные сооружения; оборона границ и центра. Особенности применения фортификации в войне гражданской.

VIII. Справочные сводки, таблицы, указатели и т. п..

В этой схеме имеется место для всего, относящегося к позиционному делу и нет, как будто, ничего лишнего.

Переходя к частным недостаткам труда тов. Невского, для упрощения, разделяю их на три категории: тактико-фортификационные, технические и случайные оговорки—опечатки.

В первой группе обращают на себя внимание:

При выборе места окопа и даже направления фасов его автор придает преимущественное значение отводу дождевых и грунтовых вод, тогда как всегда главенствуют требования наивыгоднейшего огня (страница 30-35); борьба с дождевой водой во время обороны может озабочивать фортификатора, но от грунтовых вод он обязан

принять меры до начала работ соответствующим повышением уровня построек. Перечисляя способы обеспечения от воды, собирающейся на дне ходов сообщения и окопов, автор пропускает простейшие способы—в виде канавки под настилом по дну и в виде положенного на две продольные жерди настила (пропуск воды в промежутках между жердями и стенками отрывки).

Количество наблюдательных пунктов в окопах указано черезчур обильное—„два на каждый взвод“ (стр. 54), на деле далеко не во всех взводах можно и один то пункт поставить, да и не нужно так много. . . Если под названием „наблюдательный пункт в окопе“ автор подразумевает вообще приспособления для безопасного наблюдения часовыми за впереди лежащею местностью, то их действительно надо на взвод не менее двух, но наблюдателей, видящих противника, наблюдающих за его передвижениями и прочими действиями в окопах, надо ставить только в местах удобных для такого наблюдения. Между прочим, автор совершенно не указывает применения для наблюдения за противником перископов и устройства приспособлений для этого. Вообще отдел о наблюдательных пунктах,—этих современных глазах позиций, совершенно не разработан (стр. 147).

К сожалению, автор мало обратил внимания на важные в позиционной войне минометы и бомбометы, так как их „новые образцы только вырабатываются“ (стр. 70). Именно поэтому надо было детальнее осветить положение этого дела до настоящего времени, ознакомить с выработанными опытом сооружениями для них, указать недостатки, требования к ним и намеченные пути совершенствования.

При применении окопов к местности автор неправильно оценивает расположение окопов у подошвы возвышенности:—„никаких преимуществ не имеет“, тогда как при ровном пространстве впереди огонь из окопа, расположенного у подошвы возвышенности, вследствие настильности прямого выстрела, наиболее действителен—особенно перекрестный. Поэтому крайне желательно, если возможно устройство безопасной связи такого окопа с тылом, не упускать случая располагать фланкирующие окопы, напр. для обстрела промежутка при ровной его поверхности, именно у подошвы (стр. 74).

На 75-ой странице вывод: „при таком расположении окопов мы используем преимущество возвышенности (командования) в наибольшей мере“. Вследствие предшествующей вводной фразы автора, этот вывод получился относящимся к расположению окопа на тыльном скате, когда самая возвышенность (командование) оставляется противнику. Наблюдать за таким окопом противник, конечно, не может, но только до тех пор, пока не займет командующую возвышенность, на тыльном скате которой расположился обороняющийся.

Автор говорит: „чаще всего устраиваются окопы на роту“, т. е. на крупные единицы, что совершенно неправильно. Длинные ротные окопы возможны только на ровной местности, но и на ней нежела-

тельны: расчленение их на взводные и даже на отдельные обеспечивает от одновременного разрушения, дает сильнейшую перекрестную оборону подступов, делает легче применимыми к местности. Кроме того, на полуроту строить теперь окопов нельзя, так как такого подразделения роты (полтора взвода) нет.

На 81-ой странице (черт. 138) окоп применен к местности неправильно: отходящие вверх от горизонтали его изломы—будут резко проэктироваться взору противника на скате и настолько демаскировать окоп, что не только эти изгибы не принесут ожидаемой пользы, но и самый окоп пропадет напрасно.

При описании организации опорных пунктов (стр. 80) автор говорит: „необходимо также приспособить существующие окопы для обеспечения позиции от последствий прорыва“, но для этого надо приспосабливать не уже существующие окопы, а усиливать оборону опорного участка добавлением новых окопов, развитием и приспособлением к обороне ходов сообщения, согласованием артиллерийских позиций с обстрелом промежутков между опорными узлами и т. п., т. е. приспосабливать самую позицию.

Про маскировку, как важнейшую работу на позиции, позволяющую пользоваться слабыми укрытиями, быстрее строющимися, надо было бы сказать побольше (стр. 89—90), также как о новейших ее способах: краскомаскировке, искусственных местных предметах, ложных постройках и т. п.

Убежища автор советует делать на 20—30 человек.

Опыт войны с Германией ограничил это число 12-ю человеками (конечно, если убежище не в мертвом пространстве), вообще же лучше делать их на отделение—целое строевое подразделение.

Почему то автор про лисьи норы,—лучшие убежища, говорит очень мало (112-113 стр.), тогда как это единственные вполне безопасные убежища, к которым, несомненно, в будущем придут все. Академическая разработка их в курсе во всех деталях, вплоть до вентиляции, освещения и водоотвода была бы крайне желательна. В своем курсе автор почти ничего не дает по этой части.

Вопреки мнению автора (117—119 стр.) идеальной надо считать такую позицию, фланкирование подступов которой производится нормальным огнем основных окопов, без помощи особых построек, так как разрушение последних гораздо легче, проще для противника и всегда возможно. Дополнительное обеспечение фланкирования, усиление его обстрелом из отдельных скрытых капониров—весьма желательно, но считать их необходимой основой позиции неправильно. Указания, что эти фланкирующие постройки „должны строиться специальными войсками“ (стр. 123) совсем странное, противоречащее и первой мысли автора об их обязательности для позиции, независимо от того, имеются ли на ней на работах специальные войска, и действительной обстановке полевой войны, когда не всегда под руками специалисты. Кон-

струкция их нисколько не сложнее, чем, например, наблюдательных пунктов, которые строятся и без специальных войск.

Описание фугасных заграждений (стр. 132) страдает излишне кратким изложением: нет данных об оболочках зарядов, способах установки фугасов и т. п. При важности в современной войне фугасов, как средства борьбы с танками, эта часть курса слишком схематично изложена автором.

Автор умолчал о том, что, в целях наилучшей скрытности мест артиллерийских батарей, обычно они заблаговременно не оборудовываются, а после выбора, совместно с артиллерийскими инструкторами, артиллерийских позиций—инженерный инструктор приводит только в порядок или строит вновь под'ездные пути к батареям и складам боевых припасов, наблюдательные пункты и, если есть возможность, оборудывает надежную телефонную связь последних с вероятными местами батарей и командными артиллерийскими пунктами. О наблюдательных артиллерийских пунктах сказано слишком мало—указаны только устраиваемые в окопах. При описании артиллерийских позиций упущены также указания о тактических требованиях к ним: зачастую, инженерному инструктору приходится единолично разрабатывать проэкт позиции и он должен знать все данные, нужные для грамотного его составления.

В отделе применения фортификации в маневренной войне слишком мало сказано об арьергардных позициях (девять строчек—158 стр), совершенно не дается понятия, как и где они строятся, когда, при каких условиях и какие цели и задания им ставятся и как, в зависимости от этого, оборудовываются они средствами полевой фортификации. Также мало сказано о разрушении путей сообщения (семь строчек) при отходе, между тем имеется целый ряд детальных инструкций, принципы которых и техника выполнения должны были бы найти место в курсе.

Понятие о крепостной войне соединено автором с понятием о долговременных постройках (стр. 167). Между тем последние широко применялись в полевой позиционной войне с Германией и следовало бы поподробнее описать те их типы, которые признаны опытом, соответствующими ее условиям у нас или за границей. Если противник дает время обороняющемуся на производство долговременных работ и имеются у последнего средства, то усиление позиции постройкой наиболее ответственных сооружений по типу долговременных (бетонные, железо-бетонные, бетонитовые, броневые, пещерные и т. п.) обязательно для фортификатора, ведающего работами.

„Постройка сильно укрепленных позиций производится двояким способом:

1) усилением ранее созданных полевых позиций и

2) заблаговременными работами“ (стр. 184).

Автор ограничивает усиление позиций преобразованием готовых полевых фортификационных построек во временные „соответствующие характеру позиционной войны". На деле же усиливать полевую (поспешно построенную) позицию приходится главным образом развитием оборонительных сооружений, добавлением их в мере наилучшего удовлетворения требований обороны.

Переделка полевых охранительных построек во временные, более прочные и надежно укрывающие, пожалуй, всегда возможна, но усиливать оборонительные, увеличивая, например, их покрытие до норм сопротивления тяжелым снарядам, возможно лишь тогда, когда работы будут производиться вне пределов наблюдения противника или в других редких, исключительных случаях.

Вообще про эту весьма важную отрасль позиционного дела в курсе почти ничего не сказано, тогда как надобность в ясном представлении о таких работах необходима для всех саперных инструкторов, имеющих главной своей задачей в маневренной войне совершенствовать поспешные работы пехотных частей, т. е. усиливать укрепляемые ими позиции.

Начинать эти работы войскам приходится часто без саперных инструкторов, вести их со всей экономией времени и средств, срочно, под огнем, при весьма неблагоприятной обстановке, почему весьма редко плодом этой работы является удовлетворительная, терпимая позиция. Чаще крайне необходимо при первой возможности привести их работы в правильную систему укреплений, бросив одно, сделав вновь другое.

Организация работ, являющаяся практическим приложением теории к делу и поэтому необходимая, тоже очень кратко изложена. Учить, „что строить", надо параллельно с тем, „как строить".

Лучше было бы ограничиться приведением схем организаций и пояснением, насколько важно умение правильно и удачно организовать работы, насколько велика эта часть обязательной деятельности саперного инструктора, чем излагать на девяти с половиной страницах все таки бессистемные обрывочные сведения по этой части (стр. 185—198).

Многое из главы „Способы атаки укрепленных позиций" должно было бы быть приведено в соответствующих местах курса, как поясняющее возникновение той или другой фортификационной формы. Этим было бы облегчено изучение предмета и было бы избегнуто повторение говоримого другими лекторами (тактики, стратегии, уставов и т. п.), допущенное автором.

Вместо этой отдельной лишней главы было бы крайне желательно как можно подробнее развить изложение сущности, видов, задач

и целей инженерной разведки в маневренной и позиционной войне, в наступательном бою и при обороне (стр. 187).

Эта разведка—обязательная деятельность саперного инструктора и он не только должен твердо знать основы и детали ее, но и учить своих подчиненных так, чтобы они могли оценить значение всех, даже случайно полученных сведений о противнике, его работах и сооружениях, о свойствах местных предметов и т. п., чтобы эти сведения не терялись бесплодно, систематизировались и передавались своевременно кому следует.

Инженерная подготовка атаки при позиционной войне тоже очень сжато и неясно изложена, без согласования с тактическими условиями: количеством войск, назначенных для атаки и демонстраций, распределением их по фронту, постепенностью постройки инженерного плацдарма.

Допущены общие фразы: „необходимо обратить внимание на удобное их (масок) расположение, на разметку ходов для движения вперед и для выхода в тыл“ (204 стр.), тогда как это является самой сущностью плацдарма, целью его возникновения.

О значении и приспособлении местных предметов, как закрытий (стр. 215) сказано много, но почти ничего не сказано о значении их как преград; пропущено о фланкировании тех из них, которые являются естественными препятствиями и масками (изгороди, канавы, овраги, берега рек и т. п.); не сказано и о влиянии местных предметов на группировку войск при выполнении разных задач.

Чертеж 279 (стр. 220) показывает расположение укрепленной полосы в лесу. Вторая линия ее проэктирована из блокгаузов, что не может быть рекомендовано: они никакой поддержки первой линии не оказывают, а сами представляют слишком слабую позиционную комбинацию и считать их линию за боевую, главную, не приходится, правильнее было бы проэктировать из блокгаузов первую линию—сторожевого охранения. В виде тыловых опорных групп блокгаузы (соединенные с жильем для резерва), в лесу несомненно желательны; просеки („лес вырублен“), при фланкирующем капонире, демаскируют напрасно позицию и ясно указывают место сооружения, которое, по характеру своему, должно быть возможно дольше неизвестно противнику.

Дав на этом чертеже образец применения блокгаузов в лесу наравне с окопами, автор умалчивает о том, что в лесу блокгаузы выгоднее строить, чем окопы, так как в них гарнизон меньше деморализуется от сильных эффектов обстрела леса артиллерией, сами же они почти неуязвимы. Вообще о блокгаузах (стр. 221) сказано автором слишком мало, тогда как они при лесной позиции, в не особенно угрожаемых местах, чрезвычайно полезны. О влиянии леса на профиль прочих позиционных сооружений тоже ничего не сказано.

Действия в лесах являются в наших условиях обычными и частыми, поэтому на этот отдел курса следовало бы обратить побольше внимания.

На стр. 222 автор показывает (чер. 223) оборону места позицией, развитой в укрепленную полосу и почему то, для устройства выходов, прерывает последнюю около флангов. Это не соответствует характеру обороны полосы: не должны быть известны противнику места выхода войск для атак, только в последнее время перед атакой устраивается инженерный плацдарм. Неудобно и обозначение удаления полосы от места, показанное автором в 7 километров до тыла полосы (тыла третьей линии), который весьма неопределенен обычно.

О таком важном, особенно в гражданскую войну, предмете, как оборона этапов и вообще дорог сказано тоже слишком мало.

Из-за отсутствия уверенности в тыле при гражданской войне автор считает нецелесообразным устраивать какие либо препятствия—преграды (стр. 226). Но этот крайний взгляд приводит в дальнейшем своем развитии к полному отрицанию заблаговременных позиционных работ, между тем неустойчивые войска, при гражданской войне, даже на сильные искусственные преграды никогда не полагаются, а стремятся расположиться, кроме того, под защитой естественного препятствия: реки, озера, болота.

Разумно устроенная проволочная сеть, отлично комбинированная с оборонительными позиционными сооружениями, является такой же нераздельной частью всей укрепленной позиции, как и винтовки в руках ее защитников, так как на ее долю надо отнести большую половину потерь атакующих войск. Даже разрушение сетей артиллерийским огнем противника не ослабляет их значения: обнаруживаются задуманные места прорыва и тратится громадное число снарядов.

С другой стороны автор (стр. 227) требует „окружать“ все узлы сопротивления проволочными сетями. Это в большинстве случаев недопустимо из-за возможности использования противником сетей, обращенных в тыл, при наших контр-атаках для возвращения потерянных участков позиции. Достаточно окружать только редюиты в узлах сопротивления, ограничиваясь для всего узла сетями лишь с трех угрожаемых сторон.

Автор говорит: „когда приближение к противнику ползком или перебежками становится крайне затруднительным и когда есть время для производства постепенных фортификационных работ“—применяются сапные работы. Лучше было бы просто сказать: когда невозможно приблизиться к противнику перебежками с самоокапыванием—прибегают к помощи сапных работ. Термин „сапные работы“ собственно зависит не от этого, а от способа работы.

В отделе о газовой борьбе—нет главного для курса фортификации: примеров приспособления окопов к выпуску газов, к постановке баллонов и обеспечения помещений от проникновения в них газов.

Точно также очень слабо сказано (стр 244) о дымовых завесах, совсем не исследованы различные случаи применения дымовых завес и содействия инжчастей в этой области.

О таких сигнальных средствах, как: костры, пожары, выстрелы, ракеты в курсе фортификации совсем незачем говорить,—но следовало бы подробнее указать инженерную подготовку таких сигнализаций, как устраиваемая в проволочных заграждениях для определения дистанций и т. п. (стр. 245).

Точно также совершенно лишнее говорить о воздушном флоте. Надо было лишь при об'яснении способов маскировки указать о маскировке от наблюдателей воздушного флота и там было бы уместно сказать подробно о всем том, что характеризует эту часть работы воздушного флота (стр. 248).

Та же ошибка автором сделана при описании авто-средств:—совершенно лишнее говорить о них так много—и в то же время ни слова не сказать о влиянии авто-средств на передвижения войск и боевых припасов и о применении их на инженерных работах для перевозки материалов и рабочих. Не дано также сведения о влиянии автотранспорта на конструкцию мостов, дорог и других позиционных сооружений (стр. 253).

О броневиках тоже сказано много, а главное пропущено—нет сведений об их размере, весе, о требованиях к дорогам и мостам и о влиянии на полевые фортификационные работы (стр. 259—265).

Также отрывочно изложен и не связан с инженерной деятельностью отдел „Минно-судовое и понтонное дело". О случаях применения этих средств в позиционном деле и при обороне переправ и об инженерных работах, исполняющихся для них, ничего не сказано (стр. 266).

В дорожном деле не сказано тоже главнейшего для курса фортификации—о позиционном значении и разделении дорог, не приведено примеров оборудования дорогами укрепленных позиций—полос и узлов (стр. 289). Никакой проэкт позиции не имеет ценности, если не разработана одновременно с позицией сеть дорог, постепенно соединяющих железные дороги с ходами сообщения. Совсем не говорится о значении дорог, как инженерного средства, усиливающего войска, о влиянии их на маневр, и, следовательно, на всю инженерную деятельность, с ними связанную; ничего не сказано об организаций исправления дорог в местности занятой противником (при наступлении), порядке пользования дорогами, скоростях движения по ним и о соразмерении с ними инженерных операций.

Ко второй группе, фортификационно-техническим промахам относятся: почему-то автор говорит (стр. 29), что гнездные окопы „возлагавшихся на них надежд (наилучшее укрытие стрелка во время стрельбы) не оправдали", тогда как, при устройстве гнезд на звено—в 3 стрелка, при соединении с траверсами, со стрельбой через щель

(легкое покрытие), они применялись на юго-западном фронте и рекомендовались командованием до последнего времени, как наилучший вид окопов.

Говоря много о выходах в тыл (даже требуя одновременной возможности выйти всем из окопа в тыл) совершенно не говорит о приспособлениях для выхода вперед и для вскакивания на бруствер (стр. 37—38). Тут же нововведение: название одежды крутостей— „обшивкой", несоответствующее действительности. Пропущена часто применявшаяся в ту войну одежда окопов дранью. Излишне преувеличено требование удаления анкеров, закрепляющих одежду, от края выемки на ее двойную глубину—достаточно уделять им немного больше ординарной глубины.

Тяжелые одежды крутостей или покрытий гнезд (козырьков, окопных блиндажей) опасны тем, что, разлетаясь от взрыва крупных снарядов, камни или бревна и большие куски их калечат людей и основательно заваливают окоп,—действие же мелких осколков и щепы далеко не так опасно, как думает автор (стр. 41) и, кроме того, получается и при легких одеждах.

При устройстве покрытий блиндажей автор указывает применение мешков с бетоном (стр. 103). Средство неудачное—равноценное крупным камням (стр. 214). Лучше, поднося бетон в мешках, вываливать его и насколько возможно уплотнять (трамбовать) на месте. Также надо делать при подноске земли в мешках—заваливать самые мешки в бруствер не экономично и не основательно.

При описании проволочных заграждений (127 стр.) автор говорит: „первый ряд кольев, обращенный к противнику, часто усиливается внизу толстой проволокой". Между тем нижнюю проволоку (колючую), параллельную земле, протягивать надо *обязательно* по всем рядам кольев, иначе под проволокой легко пролезают отдельные люди. Усиление же первого ряда желательно производить добавлением не одной нижней, а двух-трех горизонтальных проволок (одной из них—толстой). Расстояние между рядами кольев 1—1$^{1}/_{2}$ метра может быть увеличено до 1,75—2,00 метров.

К сожалению не приведено (стр. 129) даже кратких данных о размере и весе элементов проволочных заграждений Рыльского, Фельда, саперной—переносной сети, без чего обучающийся не может делать расчетов работ и перевозок при применении этих типов заграждений.

Расположение и оборона препятствий разработаны очень хорошо. Желательно только дополнить чертежами устройства отдельных фланкирующих капониров и караулок, а также детальными планами совместного расположения сетей и этих сооружений.

На чертеже 239 показана слишком большая насыпка земли при слишком тонких стойках (почти одинаковых с накатником покрытия, не превосходящим обычно полутора вершков). Схематичность этого

чертежа и в других деталях будет вводить в заблуждение обучающегося при работе. То же надо сказать и о чертеже 346 (стр. 213). Принципиально следовало бы в курсе подчеркнуть и выделить детальные чертежи от схематических, избегая на последних показывать какие либо детали, но в чертежах первого вида не пропускать никакой мелочи устройства и давать не только план и профили, но и фасад или перспективный вид. Номерация чертежей перепутана (341—343, стр. 209).

О работах минным способом сказано только (стр. 239): „отрывка галлерей производится вручную, при помощи простейших инструментов (лопаты, кирки, тачки, земленосные мешки, ворота и т. п.); также есть и более сложные инструменты (быстродействующие бурава—водяные, алмазные; вагонеты и т. п.). Обшивка галлерей делается при помощи брусчатых рам и досок“.

Маловато, особенно, если вспомнить о современном значении лисьих нор в полевой войне и о том, что они строятся исключительно минным способом, следовательно инженерный инструктор должен знать отлично и детально технику этого способа.

К третьей группе опечаток и оговорок надо отнести: на чертеже 73 жердь, прижимающая колья, должна быть начерчена снаружи кольев, нажимая на них. На фиг. 78 неправильно показано покрываемое перекрестным огнем пространство перед входящим углом окопа—его бесформенные очертания введут в заблуждение обучающегося; оговорка: „изучим главу о применении окопов к местности“ (стр. 47); изучать конечно надо не главу, а способы применения; там же такого же характера нескладность: „мы с‘умеем применить продольные и перекрестные огни, наиболее надежные для ружейной стрельбы.

На 56 стр. неправильно названы бруствером насыпи вдоль ходов сообщения. Чертеж 110 показывает, как не надо рыть ходы сообщения: все короткие их колена фланкируются противником (судя по стрелкам, обозначающим направление на противника). Блиндировать ходы сообщения (фиг. 112), видимые противнику, можно только на самых небольших участках и только если нельзя применить других способов маскировки—рекомендовать этот прием нельзя: темный, стесненный ход неудобен для движения. Ни безопасным, ни обеспеченным от разрушения признать его нельзя. К плану (фиг. 113) хода сообщения с „висячими траверсами“ не приложено чертежа, поясняющего конструкцию таких (траверсов)—масок.

На стр. 65 и 66 оговорки: „к числу траншейных орудий относятся трех дюймовая полевая скорострельная пушка“—применяется только иногда, и „оптические прицелы выдаются отдельным стрелкам для поражения одиночным огнем незначительных целей“—на самом деле мелких, но важных целей. На чертеже 123 стенки пулеметного гнезда и стола показаны неодетыми, тогда как наклон крутости не позволяет

оставить их без одежды. Не показано ниш для лент и воды. Убежище для пулемета дóлжно быть ближе к гнезду (желательно минным способом). На чер.—125 оно показано слишком далеко от гнезда и пулемет трудно быстро поставить на стол.

На фиг. 180 показана напрасно прослойка из камня загнутой вниз—необходимости такого ее положнения, судя по чертежу, нечем об'яснить, а тем более производства специальной отрывки земли для этого.

Чертеж 194 поставлен наклонно.

Окоп для противоаэропланной пушки (стр. 151) отнесен к категории сооружений „зенитной" обороны—между тем он вовсе не дает возможности действительно зенитной стрельбы; тоже и тумба с платформой (фиг. 243—244). Вообще рекомендовать этот окоп нельзя из-за большой его видимости для аэропланов.

На чер. 274 присыпка перед цоколем ограды показана толщиной в 2—3 метра. Это напрасная и даже вредная работа, так как при такой ширине бруствера стрелок не может пропустить дула винтовки в отверстие ограды. Достаточно 0,75—1 метр. На черт. 275 показана бойница, расширяющаяся кверху, без каких либо оснований для этого:—скат бруствера не согласован ни с нижним, ни с верхним очертаниями этой бойницы—стрельба возможна только горизонтальная.

Изломы сети первой линии для лесной позиции (чер. 279) слишком длинны—невозможно наблюдение за ними для фланкирующих стрелков. Расстояние сетей от окопов, без пояснения, показано в третьей линии вдвое больше, чем в первой (по масштабу чертежа).

Ошибочно сказано стр. 227, что „расчет гарнизонов должен делаться на наименьший гарнизон"—видимо надо было сказать расчет охранительных построек (блиндажей, убежищ) делается на наименьший гарнизон. В отделе подрывных работ не точно об'яснение разницы между взрывом пороха и дробящего вещества; при перечислении пропущен бездымный порох; детонацией неправильно назван самый взрыв, тогда как это явление, от которого только происходит взрыв. Неудачно изложение: „вследствие такой чувствительности гремучая ртуть в чистом виде не употребляется, а применяется только в подрывных капсулях (стр. 229—230); там же вместо указания о необходимости отдельного хранения капсулей (от взрывчатых веществ) неудачно сказано: „взрывчатые вещества необходимо. . . . . отделять от капсулей".

На стр. 239 неправильно сказано, что „применение сапных работ обороняющимся носит также название контр-апрошных работ".

В общем надо сказать про труд Г. Г. Невского, что, приветствуя его попытку дать в настоящее, скудное в военно-литературном отношении, время необходимую обучающимся книгу по инженерному делу, согласованную с опытом войны 1914—1920 г. г., нельзя не пожалеть, что он осложнил себе задачу соединением всех отделов военно-инженерного дела в одном труде. От этого многое скомкано

им так, что потеряло всякую ценность и более походит на популярные очерки. Нельзя даже стремиться к всеоб‘емлющему курсу военно-инженерного дела, настолько развита его современная техника и столь разнообразна тактика отдельных его отраслей.

Составление курса полевой фортификации—отдельного, полного и вполне согласованного со всеми современными техническими средствами, снабженного только необходимыми справочными сведениями по прочим отраслям инженерного и артиллерийского дела, должно быть первой задачей военно-инженерных писателей. Пожелаем тов. Невскому, усовершенствованием и разработкой в этом отношении своего труда, решить эту задачу.

Редактор: Редакционная коллегия.

Редакционно-Издательский Отдел при Р. В. С. зап. фронта.

Вышли из печати:

Военно-научный журнал „Революция и Война"
Сборники 1, 2, 3, 4—5, 6—7, 8, 9—10.
(Разошлось).

«П О Л Ь Ш А»
Сборник материалов для военно-географического описания.

Ген. штаба Ф. Огородников.
Пособие для занятий с командирами батальонов.
(Разошлось).

Е г о - ж е.
Обязанности командира полка в наступательном бою.
(Разошлось).

Е г о - ж е.
Наступательный и оборонительный бой роты.
(Разошлось).

Е г о - ж е.
Порядки для похода и их охранение.
(Разошлось).

Е г о - ж е.
Бой за местные предметы.
(Разошлось).

Е г о - ж е.
Тактика в задачах стрелкового полка.
(Разошлось).

Е г о - ж е.
Задачи и приемы общей боевой подготовки.

Ген. штаба **Ф. Огородников**.

Демография.

(Разошлось).

Его-же.

Общая теория статистики.

(Разошлось).

В. Чернавин.

Примерная программа полевых упражнений по тактической подготовке командира взвода.

(Разошлось).

Его-же.

Ротные тактические учения *(Учение 1-е)*.

Его-же.

Ротные тактические учения (*Учение 2-е*).

Тверитинов.

Рота на ночлеге и в сторожевом охранении.

Ген. штаба **Н. Какурин**.

Военная тайна.

(Разошлось).

Его-же.

Стратегия пролетарского государства.

Т. Усов.

Пособие для обучения материальной части 48 лин. гаубицы обр. 1909 г.

(Издание 1-ое).

(Разошлось).

Тоже.

(Издание 2-е, исправленное и дополненное).

Эльзенберг.

Пешая сторожевая застава.
(Пер. с польского ген. шт. В. Латынина).
(Разошлось).

В. Балк.

Развитие тактики пехоты
(Пер. с немецкого ген. шт. М. Баторского).

Ген. штаба М. Баторский.

Подготовка плана войны и операции.

А. Роговский.

Подготовка кавалерийской лошади.

Его-же.

Теория езды и выездки верховых лошадей (*вып. 1-й*).

Ген. штаба Г. Георгиев.

Справочник к уставам Р.-Крест. Красной Армии.

Ген. штаба В. Цейтлин.

Разведывательная служба Штабов.
(Разошлось).

Программы и Наставления Высших Повторительных Курсов при Штабе Западного фронта.

Выпуск I: Инструкция для преподователей.
(Разошлось).

Выпуск II: Артиллерия.

Находится в печати:

М. Волчанецкий.

Артиллерийская разведка.

Готовятся к печати:

Г. Горшков.

Курс военной топографии.

М. Волчанецкий.

Артиллерийское наблюдение.

Ген. штаба Г. Георгиев.

Обязанности начальников в боевой обстановке.

А. Дьяконов.

Памятка артиллерийского разведчика.

Частям и учреждениям западного фронта, не получившим как либо из поименованных изданий, надлежит выслать приемщиков.

Прочие части и учреждения Красной Армии, желающие получи поименованную литературу, благоволят обращаться с требованиями

Адрес Отдела: Смоленск, Социалистическая, 10-а.

им как
иков.

получи
ниями

Смоленск, типография Редакционно-Издательск. отдела при Р. В. С. зап. фронта.

